

Роджер Желязны

Хроника Амбера

Роджер Желязны

Девять принцев Амбера

Ружья Авалона

Москва

и ф

1991

ББК 84.7(США)

Ж 52

ISBN 5-8416-0001-х

Р. Желязны. Девять принцев Амбера. Ружья Авалона.
Перевод с англ.— М., Фирма «ИФ», 1991. 240 с.

В сборник вошли две первые книги фантастического сериала "Хроника Амбера" одного из самых именитых и читаемых американских писателей.

Действие разворачивается в земном, реальном мире и продолжается в мирах параллельных. Читатель вместе с героем сериала оказывается в вихре невероятных, удивительных и опасных приключений.

Романы написаны в редком жанре фантастики — "меч и волшебство". Название говорит само за себя. Советуем поскорее открыть первую страницу.

© "Девять принцев Амбера".— Пер.К.Андронкина,1991

© "Ружья Авалона".— Пер.Д.Ришарда,1991

© Оформление.— Фирма "ИФ",1991

**ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ
АМБЕРА**

Глава 1

Под конец целой вечности ожидания что-то начало проявляться.

Я решил пошевелить пальцами ног, и это мне удалось. Я лежал, распластавшись в больничной койке, мои ноги были загипсованы, но все-таки я их чувствовал.

Я немного поморгал глазами, чтобы убедиться в том, что уже не сплю.

Постепенно комната перестала вращаться передо мной.

Но где же, черт возьми, я нахожусь?

Туман в моем мозгу постепенно начал рассеиваться, и мне удалось кое-что припомнить. Вспомнились ночи, длинные и темные, санитарки и — самое главное — уколы! Всякий раз, как только я приходил в сознание, меня начинали колоть из шприца какой-то мерзостью.

Сейчас, правда, я чувствую себя не так гадко, и голова, кажется, неплохо соображает. Так что им придется прекратить лечение. Но прекратится ли оно?

Скептицизм относительно человеческой породы твердо засел в моей голове. Тут я понял, что меня просто перекололи наркотиками. Судя по моему состоянию, никакой необходимости в этом не было и не могло быть, но раз они начали, то останавливаться именно сейчас не имело смысла. Наверняка им за это заплачено. Напрашивается вывод, что нужно действовать хладнокровно и делать вид, что я еще не пришел в себя. Это подсказывал внутренний голос, моя вторая, худшая, но, в то же время, более мудрая половина.

Я решил последовать ее совету.

Примерно десятью минутами позже в палату осторожно заглянула санитарка, и, конечно же, я все еще спал. Дверь тихо закрылась.

К этому времени я кое-что припомнил из того, что со мной произошло.

Смутно вспомнилось: со мной что-то случилось. Последующие события как в тумане, и я вообще не имел никакого представления о том, что было раньше. Я припомнил: сначала меня привезли в обычный госпиталь, а уж потом — сюда. Почему? Этого я не знал. Ноги мои в полном порядке. Тут я вспомнил, что у меня два перелома, но сколько прошло времени с тех пор, как сломал ноги, я не знал. Но чувствовал, что вполне могу двигаться. Немного кружилась голова, но вскоре это прошло. Я смог встать и сделать свой первый шаг, держась за железные прутья в изголовье кровати.

Полный порядок. Ноги меня держали, значит, теоретически я вполне способен смыться отсюда, куда захочу.

Добравшись до кровати, я улегся поудобнее и стал думать. Меня бил озноб, во рту отчетливо ощущался вкус сладкого пудинга, капельки пота выступили на лбу.

Ну конечно, я угодил в автомобильную катастрофу, да еще в какую...

Дверь медленно открылась, из коридора в комнату полился яркий электрический свет. Сквозь полуопущенные ресницы я увидел медицинскую сестру со шприцем в руках.

Как только она приблизилась к постели, я сел.

— Добрый вечер,— сказал я учтиво.

— Добрый вечер,— ответила она.

Я тут же спросил:

— Когда я выписываюсь отсюда?

— Такие вопросы надо задавать доктору.

— Задайте.

— Пожалуйста, закатайте рукав.

— Благодарю вас, это лишнее.

— Но мне ведь надо сделать вам укол.

— Нет, не надо. Мне он совершенно не нужен.

— Мне кажется, доктор лучше знает.

— Вот пусть он сам это и скажет. Пригласите его сюда. Пока он здесь не появится, я не позволю делать себе никаких уколов.

— У меня точные указания. Боюсь, тут ничего нельзя сделать.

Я медленно покачал головой.

— Ах, вот как,— вскричала она.— Учтите, мне придется об этом доложить.

— Доложите обязательно,— спокойно сказал я,— а заодно во время вашего доклада не забудьте сказать, что я решил отсюда выписаться завтра утром.

— Но это невозможно. Вы даже на ногах стоять не можете, а что касается кровоизлияний и внутренних повреждений...

— Посмотрим,— сказал я.— Приятных сновидений.

Даже не удостоившись ответить, она выскочила из комнаты.

Я снова улегся поудобнее и задумался. Нахожусь я, скорее всего, в частной клинике. Это значит, что кто-то должен оплачивать счет — причем немалый. Но кто это мог быть? Кого я вообще знал? Ни одного своего родственника или какого-нибудь друга я вспомнить не мог. Что из этого следует? Может быть, меня сюда упрятали враги?

Я стал размышлять дальше.

Ничего.

И никого, кто мог бы поместить меня сюда.

Внезапно я вспомнил, что мой автомобиль упал прямо в озеро с небольшого утеса. И все. Больше я ничего не мог вспомнить.

Я весь напрягся, как пружина, и меня снова прошиб пот.

Я... Я даже не знал, кто я такой!

Усевшись на постели, чтобы хоть чем-нибудь занять себя, стал разбинтовывать все свои повязки. Меня не оставляло чувство, что я все делаю правильно, к тому же мне казалось, что под повязками все в порядке. Используя как рычаг железный прут, который я выломал

из изголовья кровати, разбил гипс на правой ноге. Тут неожиданно я подумал, что мне обязательно нужно сделать что-то очень важное и что мне надо убираться отсюда как можно скорее.

Несколько раз я согнул и разогнул правую руку. Полный порядок.

Сломав гипс на левой ноге, я поднялся и подошел к стеклянному шкафу.

Моей одежды в нем не было.

Послышались шаги.

Я быстро улегся в кровать и как можно тщательней прикрылся бинтами.

Снова открылась дверь. Комната ярко осветилась, и я увидел огромного мужика в белом халате.

— Мне сообщили, что вы отказываетесь подчиняться и грубо разговариваете с нашей санитаркой,— сказал он, и я не мог больше притворяться спящим.— Как это понимать?

— Не знаю, как,— ответил я.

Ответ озадачил его лишь на секунду, он нахмурился и потом продолжил:

— Сейчас время вашего вечернего укола.

— А вы кто, врач?— спросил я.

— Нет, но чтобы сделать укол, моей медицинской подготовки вполне достаточно.

— А я отказываюсь от укола,— сказал я,— и имею на это право. Юридическое право. Какое вам дело в конце концов?

— Я все равно сделаю укол.— Он приблизился ко мне с левой стороны кровати.

Шприц, который он до этого неумело скрывал, наконец появился в его руке.

Я некрасиво ударил его дюйма на четыре ниже пояса, после чего он рухнул на колени перед кроватью.

— Еще раз приблизитесь ко мне,— сказал я,— пеняйте на себя.

— Ничего, нас учили общаться и не с такими пациентами,— с трудом выдавил из себя санитар.

Тогда я понял, что настало время действовать.

— Куда вы дели мою одежду?— спросил я.

Он промолчал.

— Ну что ж, мне придется позаимствовать вашу. Давайте ее сюда.

Пришлось ударить его железным прутком по голове, так как он начал меня утомлять.

Запихав санитаря в шкаф, я посмотрел через зарешеченное окно. Над вершинами тополей качалась старая луна. Трава серебрилась и переливалась в ее призрачном свете. Ночь уже пыталась спорить с утренним солнцем.

Через несколько минут я был одет во все белое. Ничто не подсказывало мне, где я нахожусь. Освещенный квадрат окна на первом эта-

же говорил, что спят не все. Моя же комната находилась на третьем этаже.

Я вышел в коридор. Слева он заканчивался стеной с таким же за решетчатым окном, по обе его стороны располагалось по две двери. Скорее всего, они вели в такие же, как и моя, палаты. Я подошел к окну, но нового ничего не увидел. Повернувшись, направился в противоположную сторону.

Двери, двери, двери и ни одной полоски света. Шлепанье позаставленных мной ботинок, которые оказались мне велики, было единственным звуком.

Часы этого грома показали пять часов сорок четыре минуты. Металлический прут я заткнул за пояс под белый халат, и он неприятно бил меня по бедру во время ходьбы. В коридоре светились лампы дневного света.

Спустившись на первый этаж, я свернул направо и стал искать дверь, в окне которой я видел свет.

Она оказалась самой последней по коридору, и я был так невежлив, что вошел в нее, не постучав.

За большим полированным столом, склонившись над одним из ящиков, сидел мужчина в роскошном халате. Эта комната была не похожа на палату, скорее всего, служила кабинетом.

Мужчина поднял голову, глаза загорелись, рот на секунду открылся, словно его хозяин хотел закричать. Он быстро вскочил.

Плотно прикрыв за собой дверь, я подошел ближе и сказал:

— С добрым утром. Боюсь, у вас будут большие неприятности.

Люди, наверное, никогда не излечатся от любопытства по поводу неприятностей, поэтому через три секунды, пока я пересекал комнату, он спросил:

— Что вы, собственно, хотите сказать?

— Собственно, хочу сказать,— ответил я,— что собираюсь подать на вас в суд за издевательство и незаконное применение наркотиков, а также за то, что вы держали меня взаперти. Кстати, в настоящий момент у меня как раз тот период, когда я за себя не отвечаю и могу начать бросаться на людей. По всей видимости, мне необходим укол морфия и ...

Он выпрямился.

— Убирайтесь отсюда,— сказал он. Я заметил на его столе пачку сигарет. Прикурив одну, я перебил его:

— Теперь вам лучше заткнуться и присесть. Нам надо кое-что обсудить.

Он сел, но затыкаться не подумал.

— Вы нарушили сразу несколько наших правил,— заявил он.

— Вот пусть в суде и разберутся, кто и что нарушил,— ответил я. — А пока мне требуется моя одежда и все мои личные вещи. Я решил выписаться.

— У вас слишком плохое состояние...

— А я вас не спрашиваю. Гоните мои вещи, иначе я действительно обращусь в суд.

Мне удалось перехватить его руку прежде, чем он успел дотянуться до кнопки сигнализации на своем столе.

— Это вам следовало бы сделать раньше, когда я только вошел, а теперь уже поздно. Итак, мои вещи, — повторил я.

— Вы были очень тяжелым больным, мистер Кори...

"Кори"?

— Я сам сюда не ложился, — перебил я его, — но выписаться смогу, будьте уверены. И причем сейчас же. Так что лучше вам меня не задерживать.

— Вы находитесь не в таком состоянии, чтобы покинуть клинику, это совершенно очевидно. Я не могу допустить этого. Сейчас я позову санитаров, который поможет добраться вам до палаты и лечь в постель.

— Не советую, — сказал я, — иначе вам на себе придется испытать мое состояние. А теперь я хочу услышать ответ на несколько вопросов. Во-первых, кто платит за всю эту роскошь, кто поместил меня сюда?

— Ну хорошо. — Он вздохнул, печально опустил его маленькие руки. Открыв ящик стола, он сунул туда руку, и я весь напрягся.

Я выбил пистолет из его руки, не дав ему возможности дотронуться до предохранителя. Это был очень изящный кольт. Подобрал его, я щелкнул предохранителем и направил оружие на доктора.

— Отвечайте! Наверное, вы считаете меня опасным. Еще немного, и вы будете правы.

Он слабо улыбнулся и тоже закурил. Если он хотел выглядеть совершенно спокойным, то это был явный просчет с его стороны — у него здорово тряслись руки.

— Ну ладно, Кори, — сказал он. — вас сюда поместила сестра, если это, конечно, вас успокоит.

"Интересно", — подумал я.

— Какая сестра?

— Эвелина.

Даже это имя мне ни о чем не говорило.

— Странно. Эвелина не знала, что я живу в этих краях, — сказал я. — К тому же мы не виделись уже много лет.

Он пожал плечами.

— И все-таки...

— А где она сейчас проживает? Я мог бы навестить ее, — сказал я.

— К сожалению, ее адреса у меня при себе нет.

— Ну так узнайте его.

Поднявшись, он подошел к полке с карточками и вытащил одну из них.

Я внимательно прочитал все то, что там было написано. Миссис Эвелина Флоримель...

Адрес в Нью-Йорке тоже ничего мне не говорил. Судя по карто-

чке, меня звали Кори Корн. Великолечно. Чем больше информации, тем лучше.

Я сунул пистолет, поставив его на предохранитель, за пояс, рядом с прутом.

— Ну ладно,— сказал я.— Давайте мою одежду. И кстати, сколько вы мне заплатите?

— Во время катастрофы вся ваша одежда пришла в негодность,— сказал он,— и я должен сообщить вам, что у вас были переломаны обе ноги, причем левая нога в двух местах. Честно говоря, я просто не понимаю, как вы можете стоять. Ведь прошло всего лишь две недели.

— Поправляюсь я всегда быстро,— ответил я.— Лучше поговорим о деньгах.

— Каких деньгах?

— Которые вы мне заплатите без суда за незаконное содержание в клинике, злоупотребление наркотиками и так далее.

— Вы сейчас очень смешны.

— Это кто из нас еще смешон? Я согласен на тысячу долларов наличными, но только сразу, сейчас.

— Этот вопрос я даже не намерен обсуждать.

— Советую вам подумать о вашей клинике. Ведь я обязательно обрщусь в медицинское общество, газеты...

— Это шантаж,— заявил он,— я никогда на него не поддамся.

— Заплатите сейчас или после суда, мне все равно,— сказал я.— Но если заплатите сейчас, то это обойдется вам значительно дешевле.

"Если он согласится, я твердо буду знать, что вся эта история достаточно грязна и что все мои догадки верны",— подумал я.

Он устоялся на меня и молчал довольно долго.

— У меня нет при себе таких денег,— в конце концов сказал он.

— В таком случае назовите цифру сами,— предложил я.

После еще одной продолжительной паузы он выдал из себя:

— Это вымогательство!

— Какие могут быть между нами счета? Валяйте, сколько у вас найдется?

— У меня в сейфе есть долларов пятьсот.

— Доставайте.

Пошарив в своем маленьком, вделанном в стену шкафу, он сообщил, что в нем четыреста тридцать долларов. Пришлось поверить ему на слово, так как я не хотел оставлять отпечатки пальцев. Забрав купюры, я сунул их во внутренний карман.

— Где тут ближайшая стоянка такси?

Он назвал место, и я проверил его по справочнику, заодно уточнив, где я нахожусь.

Пришлось заставить его набрать номер и вызвать такси, так как я

не знал названия клиники и к тому же не хотел показывать, в каком состоянии моя память. Все-таки одна из повязок, которые я так тщательно удалял, осталась вокруг моей головы.

Когда он вызывал машину, мне удалось разобрать название клиники. Частный госпиталь в Гринвуде.

Я потушил сигарету, достал из пачки другую и сел в удобное кресло рядом с книжным шкафом, тем самым сняв примерно двухсотфунтовую тяжесть со своих ног.

— Вы проводите меня до выхода, а пока подождем здесь,— сказал я.

Он не произнес больше ни слова.

Глава 2

Когда шофер высадил меня на каком-то углу в ближайшем городе, было уже восемь часов утра. Расплатившись, я минут двадцать шел пешком. Затем заглянул в закусочную и, устроившись за столиком, заказал себе пару яиц, тосты, бекон, сок и три чашки кофе. Бекон оказался слишком жирным.

Наслаждался завтраком я около часа. Затем вышел из закусочной и, дойдя до магазина одежды, прождал полчаса до открытия.

Я купил себе пару брюк, три рубашки спортивного покроя, пояс, нижнее белье и ботинки, выбрал носовой платок, бумажник и расческу.

Отыскав Гринвудскую автобусную станцию, я взял билет до Нью-Йорка. Остановить меня никто не пытался. Вроде бы за мной не следили.

Сидя у окна и глядя на осенний пейзаж, я попытался собрать воедино все, что узнал о себе и о случившемся со мной.

Я был доставлен в Гринвуд моей сестрой Эвелиной Флоримель. Это произошло примерно две недели назад, сразу после автомобильной катастрофы, в которой у меня были переломаны кости, но это теперь меня не беспокоило. Сестру Эвелину я не помнил. Обслуживающий персонал Гринвуда должен был задержать меня, но когда я угрожал вмешательством властей, они очень испугались. Хорошо. У кого-то есть весома причина бояться меня, и я постараюсь узнать об этом.

Пока я старался припомнить обстоятельства катастрофы, у меня разболелась голова. Это была вовсе не катастрофа. Во всяком случае мне так казалось. Я все выясню, и кто-то поплатится за это! Очень сильно поплатится. Я даже покраснел от гнева. Тот, кто старался навредить мне, использовать меня в каких-то своих целях, получит сполна, кто бы он ни был. Я чувствовал безграничное желание убить,

уничтожить виновника моих бед и знал, что не первый раз испытываю это чувство. Такое уже когда-то было, и не раз.

Я смотрел, как осыпается за окном листва.

Добравшись до Нью-Йорка, первым делом я отправился в парикмахерскую — постричься и побриться, затем зашел в туалетную комнату, сменил рубашку — терпеть не могу, когда срезанные волосы щекочут шею.

Пистолет 32-го калибра, принадлежавший доктору из Гринвуда, лежал в правом кармане моей куртки.

Правда, если бы моя сестра или еще кто-нибудь обратились в полицию с просьбой разыскать меня, да еще при этом что-нибудь приврали, то незаконное ношение оружия вряд ли было мне на пользу. Но я все же решил, что так спокойнее. Ведь сначала надо меня найти, а как дальше будут разворачиваться события, не знал никто. Я наскоро перекусил в ближайшем бистро, потом в течение часа ездил на метро и автобусах, неожиданно меняя маршрут. Взяв такси, я назвал адрес Эвелины, которая якобы была моей сестрой и могла освежить мою память.

За то время, пока я ехал до Вестчестера, я продумал свое поведение на время встречи и план ближайших действий.

Я тщательно подбирал слова, когда шел мимо дубов-великанов и ярких осин по извилистой аллее. Это был подъезд к дому. Ветер холодил мою только что подстриженную голову, и запах тоника от моих волос смешивался с густым запахом плюща, обвивавшего стены старого кирпичного здания. Здесьние места были мне не знакомы, вряд ли когда-нибудь я бывал здесь раньше.

Дверь старинного большого дома отворилась на мой стук практически сразу, и я уже знал, что говорить. Я улыбнулся и кивнул служанке с родинками на лице и пуэрториканским акцентом.

— Да? — спросила она.

— Я хотел бы повидать миссис Эвелину Флоримель.

— Как прикажете доложить?

— Ее брат Кори.

— О, входите, пожалуйста, — сказала она.

Я вошел в прихожую, пол которой был выстлан мозаикой из белых и розовых плиток, а стены облицованы красным деревом. Освещение давала серебряная с эмалью и хрустальными рождками люстра.

Девушка удалилась, а я осмотрелся, надеясь увидеть хоть что-нибудь знакомое.

Ничего.

Тогда я стал просто ждать.

Наконец вернулась улыбающаяся служанка, кивнула и пригласила:

— Идите, пожалуйста, за мной. Хозяйка примет вас в библиотеке.

Мы поднялись вверх на три лестничных пролета, а затем прошли

по коридору мимо двух закрытых дверей. Возле третьей, открытой, служанка остановилась, приглашая меня войти. На пороге я остановился.

Повсюду здесь были книги, впрочем, как и в любой другой библиотеке. На стенах висело несколько картин. Пол покрывал тяжелый зеленый ковер. Рядом с большим столом стоял такой же большой глобус, с его поверхности на меня смотрела Африка. Позади стола и глобуса всю стену занимало окно, стекло в котором было, по меньшей мере, восьмисантиметровой толщины. Но я не поэтому остановился на пороге.

За столом сидела женщина в платье цвета морской волны с глубоким вырезом спереди. У нее были длинные волосы, уложенные локонами, по цвету они напоминали облака при закате солнца и пламя свечи в темной комнате. Ее глаза за большими очками, в которых она, по-моему, не нуждалась, светились такой же голубиной, как озеро Эри ясным летом в три часа пополудни. Удивительно гармонировал с волосами цвет ее сжатых коралловых губ. Но остановился я все же не поэтому.

Я знал ее, эту женщину, знал, но совершенно не помнил, кто она такая.

Войдя в комнату, я улыбнулся, тоже слегка сжав губы.

— Привет,— сказал я.

— Садись,— ответила она, указывая рукой на желтый стул с подлокотниками и высокой спинкой. В нем можно было удобно развалиться.

Я сел, и она принялась внимательно меня изучать.

— Хорошо, что с тобой все в порядке. Я рада тебя видеть.

— Я тоже. Как поживаешь?

— Спасибо, хорошо. Должна сознаться, что не ожидала увидеть тебя здесь.

— Знаю,— немного иронично ответил я.— Я пришел поблагодарить тебя за заботу и ласку.

С иронией я говорил специально, чтобы увидеть ее реакцию.

В этот момент в комнату вбежал ирландский волкодав гигантского размера и устроился на полу у ее ног.

— Вот именно,— ответила она тоже с иронией,— это самое малое, что я могла для тебя сделать. В следующий раз будь, пожалуйста, за рулем осторожнее.

— Обещаю тебе, что теперь буду предельно осторожен.

Я понятия не имел, в какие игры мы играем, но так как она не знала, что я ничего не понимаю, решил выжать из нее все, что только можно.

— Я пришел, потому что подумал, тебе будет интересно узнать, в каком я сейчас состоянии.

— Да,— ответила она.— Ты давно ел?

— Завтракал два часа назад.

Позвонив служанке, она приказала ей накрыть на стол. Затем снова обратилась ко мне.

— Я так и думала, что ты сам выберешься из Гринвуда, когда поправишься. Правда, я не ожидала, что это произойдет так скоро и что ты направишься сюда.

— Знаю, — сказал я. — Потому-то и пришел.

Она предложила мне сигареты. Сначала я вежливо дал прикурить ей, потом закурил сам.

— Ты всегда вел себя непредсказуемо, — сказала она после несколько затянувшейся паузы. — В прошлом, правда, тебе это помогало, но не думай выиграть и теперь.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Ставка слишком высока для блефа, а мне сдается, ты именно блефуешь, явившись ко мне вот так, запросто. Я всегда восхищалась твоей смелостью, Корвин, но не будь дураком. Ты ведь знаешь, как обстоят дела.

Корвин? Запомним и это наряду с Кори.

— А может быть, и не знаю, — ответил я. — Согласись, на некоторое время я был выключен из игры.

— Ты хочешь сказать, что ни с кем не связался?

— Просто еще не успел.

Она склонила голову, и ее восхитительные глаза сузились.

— Странно, — промолвила она, — но вполне возможно. Не верится, но возможно. Я попробую тебе поверить сейчас. Ты поступил очень умно, если, конечно, не врешь, да к тому же обезопасил себя. Но все равно мне нужно подумать.

Я затаился сигаретой, надеясь, что она сболтнет еще что-нибудь о своем участии в этой игре, в которой я ничего не понимал, с игроками, которые были мне еще неизвестны, и со ставками, о которых я не имел никакого понятия.

— Одно то, что я сюда пришел, уже кое о чем говорит, — сказал я.

— Да, — ответила она, — я знаю. Но ты слишком умен, поэтому говорить это может о чем угодно. Подождем, там видно будет.

Подождем чего? Увидим что? Галлюцинации?

Тут нам принесли бифштексы и кувшин пива, так что на какое-то время я избавился от необходимости отпустить таинственные замечания и тонкие намеки на что-то, о чем не имел ни малейшего представления. Бифштекс оказался превосходным, сочный, немного с кровью, и я захрустел свежим поджаренным хлебом, запивая всю эту роскошь большим количеством пива. Нарезая свой бифштекс маленькими ломтиками, она засмеялась, глядя, с какой жадностью я поглощал пищу.

— Что мне в тебе нравится, Корвин, так это жажда жизни, — сказала она. — И это одна из причин, по которой мне не хотелось бы, чтоб ты расстался с жизнью.

— Мне тоже, — сказал я.

Тут кое-что вспомнилось. Я вдруг увидел ее в длинном платье, зеленом, как море, с глубоким вырезом на груди. Звучала музыка, все танцевали, позади нас слышались голоса. Моя одежда была только двух цветов — черного и серебряного, и ...

Видение исчезло, но оно было моим прошлым, было правдой, я не сомневался. Я выругался про себя, что помню только часть этой правды. Что же она говорила мне там, где звучала музыка, все танцевали и слышались странные приглушенные голоса? Налив из кувшина еще пива, я решил проверить на ней свое видение.

— Я вспомнил одну ночь, — сказал я, — ты была во всем зеленом, а я в своих цветах. Тогда все казалось прекрасным, и музыка...

Ее щеки порозовели, на лице появилось мечтательное выражение.

— Да, — ответила она, — какие прекрасные были времена... Скажи, ты действительно ни с кем не связывался?

— Честное слово, — сказал я, что бы это ни означало.

— Все стало намного хуже, — сказала она. — И Отражения сейчас гораздо ужаснее, чем можно себе представить...

— Да? — спросил я.

— Его мучают все те же заботы, — грустно закончила она.

— О...

— Да, — продолжала она, — и ему очень хочется знать, что мы собираемся делать дальше.

— Ничего, — сказал я.

— Ты хочешь сказать?..

Ее глаза широко раскрылись от удивления, и я поспешно добавил:

— По крайней мере, до тех пор, пока не буду знать точно, каково положение дел.

— А-а...

Второй ирландский волкодав вошел в комнату и улегся у стола.

Выпив кофе маленькими глотками, я почувствовал к ней самые настоящие братские чувства, но быстро подавил их.

— А как дела у других? — наконец спросил я.

Такой вопрос меня ни к чему не обязывал и звучал достаточно безобидно. Правда, на минуту я встревожился, как бы она не спросила, кого конкретно я имею в виду. Но она просто откинулась на спинку стула, подняла взгляд к потолку и сказала:

— Все по-прежнему. Пока ничего нового не слышно. Возможно, ты поступил умнее всех. Мне и самой здесь хорошо. Но как забыть... бывшее величие?..

Я опустил глаза, потому что не был уверен в их выражении.

— Нельзя, — согласился я. — Просто невозможно.

Последовало долгое и неловкое молчание, она первая нарушила его.

— Ты ненавидишь меня? — спросила она.

— Что за ерунда, — ответил я. — Почему я должен тебя ненавидеть?

Мне показалось, это пришлось ей по душе, так как она обрадованно обнажила в улыбке свои белые зубы.

— Спасибо,— просто сказала она.— Что бы ты там ни задумывал, но ты настоящий джентльмен.

Я поклонился и расшаркался.

— Ты вскружил мне голову.

Вот тут я почувствовал себя неуютно. Ярость и ненависть вновь пробудились во мне. Интересно, знает ли она, против кого они направлены? Мне показалось, что знает, и я с трудом удержался, чтобы не спросить ее об этом.

— Что ты намерен предпринять?— спросила она, и мне ничего не оставалось, как туманно ответить:

— Ну, конечно, ты же мне не веришь...

— Как мы можем верить тебе?

Я решил запомнить это "мы".

— Вот видишь. Так что пока я воспользуюсь твоим покровительством. Мне будет приятно жить здесь, а ты безо всякого труда сможешь не выпускать меня из виду.

— А что будет дальше?

— Дальше?.. Там видно будет.

— Умно,— сказала она,— к тому же ты ставишь меня в очень неловкое положение.

Честно говоря, мне просто некуда было идти, а на деньги, которые я выудил в клинике, долго не проживешь.

— Ты, конечно, можешь остаться, но я хочу тебя предупредить,— она поиграла каким-то брелком, висевшим у нее на шее,— это ультразвуковой свисток. Он предназначен для собак. У Доннера и Блетцера,— она показала на волкодавов,— еще четыре брата, они великолепно выдрессированы и сбегаются на мой свист. Так что лучше тебе не появляться там, где твое присутствие нежелательно. Даже тебе не выстоять, если они нападут все сразу. После того как в Ирландии завели эту породу, там не осталось практически ни одного волка.

— Знаю,— механически ответил я и тут же понял, что действительно это знаю.

— К тому же Эрик будет доволен, когда узнает, что ты мой гость. Ему придется оставить тебя в покое, ты ведь именно этого желаешь, не так ли?

— Да, мадам,— ответил я.

ЭРИК! Это что-то значит. И то, что я знаю его, было почему-то очень важно. Правда, это было давно, но Эрик, которого я знал, все еще очень важен для меня.

Почему?

Я ненавидел его — это одна из причин. Моя ненависть была настолько сильна, что даже мысль о том, что я могу его убить, меня не смущала. Возможно, когда-то я уже пытался это сделать.

Я знал так же, что между нами существовала какая-то связь.

Родственная?

Да, вот именно. Причем ни мне, ни ему не нравилось, что мы братья. Я вспомнил...

Эрик был большой и сильный, с влажными кудрями и глазами такими же, как у Эвелины.

Лоб покрылся испариной, в висках отчаянно запульсировало — на меня нахлынула новая волна воспоминаний.

Но на моем лице ничего не отразилось, я медленно затянулся сигаретой и отпил немного пива. Одновременно я сообразил, что Эвелина действительно моя сестра! Только звали ее не Эвелиной. Я никак не мог вспомнить ее настоящее имя, но то, что ее звали не так — это точно. Что ж, придется вести себя еще осторожнее, решил я. В конце концов, до тех пор, пока я не вспомню ее имени, не так уж сложно обращаться к ней по имени нынешнему.

А кто же я сам? И что, наконец, все это значит?

Внезапно я ощутил, что Эрик как-то связан с автомобильной катастрофой. Она должна была привести к моей смерти, но я выжил. Может быть, он ее и организовал? Мои ощущения подсказали, что я сделал правильный вывод. Это не мог быть никто другой, только Эрик. А Эвелина помогала ему, платя за клинику в Гринвуде и за то, чтобы меня держали в бессознательном состоянии. Лучше, чем быть мертвым, но...

Наконец я сообразил, что, придя к Эвелине, попался Эрику прямо в руки. Я стал его пленником, и если останусь здесь, то на меня могут напасть в любую минуту. Я фактически сдался.

Правда, она сказала, что теперь я ее гость и Эрику придется оставить меня в покое. Я задумался. У меня нет причин верить всему, что мне говорят. Придется все время быть начеку. Возможно, пока моя память не вернется полностью, действительно будет лучше, если я отсюда уйду.

Но в душе что-то меня подхлестывало. Почему-то мне казалось жизненно важным как можно скорее узнать, в чем дело, и начать действовать. Я понимал, у меня не очень много времени. И если опасность была ценою за мою память, то быть по сему. Я остаюсь.

— И я помню... — сказала Эвелина.

Только тут я понял, что она говорит уже несколько минут, а я ее даже не слышу. Может быть, она болтала о пустяках, и я отключился автоматически, а может, меня просто отвлекли собственные воспоминания.

— Я хорошо помню день, когда ты победил Джулиана в его любимых соревнованиях, а он швырнул в тебя стакан с вином и проклял тебя. Но все-таки приз выиграл ты. И он внезапно испугался, что позволял себе лишнее. Но ты просто рассмеялся и выпил с ним другой стакан вина. Мне кажется, он до сих пор раскаивается, что не сдержался тогда, ведь он всегда отличался хладнокровием. Я думаю, он здорово завидовал. Именно с того времени он почти во всем старается

подражать тебе. Но я ненавижу его по-прежнему и надеюсь, что когда-нибудь он все же споткнется. Теперь-то, сдастся мне, скоро.

Джулиан... Джулиан... Вспоминается какое-то состязание и спор на приз. Хотя точно я не помню, в чем же, собственно, было дело.

— А Каин! Помнишь, как ты здорово его высмеял? Он ненавидит тебя, ты ведь знаешь.

Насколько можно понять, я не пользуюсь особой популярностью.

Но Каин тоже был мне знаком. И очень хорошо знаком.

Эрик, Джулиан, Каин, Корвин... Имена эти, переполняя меня, плыли в сознании.

— Это было так давно...— невольно вырвалось у меня.

— Корвин,— сказала она,— давай перестанем играть в жмурки. От меня ты хочешь больше, чем просто безопасности. Я это прекрасно знаю. И если ты поведешь себя правильно, то у тебя еще хватит сил, чтобы не остаться в стороне. Я и догадаться не могу, что у тебя на уме, но вполне вероятно, что мы сможем договориться с Эриком.

Это "мы" прозвучало как-то фальшиво. Она явно пришла к определенным выводам относительно пользы, какую при данных обстоятельствах я могу ей принести. Было ясно, что она увидела возможность урвать для себя лакомый кусочек.

Я слегка улыбнулся.

— Скажи, у тебя наверняка есть какие-то предложения для Эрика, и ты хочешь, чтобы переговоры вел посредник,— продолжала она.— Именно поэтому ты и пришел ко мне.

— Может быть,— ответил я.— Только мне нужно все хорошенько обдумать. Ведь я выздоровел совсем недавно. Мне хотелось бы побыть в удобном и надежном месте. Может, придется действовать быстро, если, конечно, я решу, что лучше всего мне вести переговоры с Эриком.

— Думай о чем хочешь,— сказала она.— Ты же знаешь, я доложу о каждом твоём слове.

— Все правильно,— ничего на самом деле не понимая, сказал я, и тут же попытался перехватить инициативу,— если, конечно, ты не передумаешь и не решишь, что лучше тебе иметь дело со мной.

Ее брови сдвинулись, и между ними пролегли небольшие морщинки.

— Я не совсем понимаю, что ты мне предлагаешь?

— Ничего пока не предлагаю,— ответил я.— Я не лгу и ничего не скрываю, а говорю, что просто еще точно не решил, как мне действовать. Пока я не уверен, что хочу договориться с Эриком. Но вполне возможно...

Тут я сделал многозначительную паузу, хотя чувствовал, что она не совсем убедительна. Сказать мне было нечего, и я воспользовался солидной гримасой только для того, чтобы сбить с толку свою сестрицу.

— Разве у тебя есть другие предложения?

Внезапно она вскочила, схватившись за свой свисток.

— Блейз! Ну конечно же!

— Сядь и не смей меня,— сказал я.— Неужели я вот так, запросто, отдался бы тебе в руки, если б речь шла о каких бы то ни было предложениях Блейза.

Рука, сжимавшая свисток, разжалась. Женщина расслабилась и снова села.

— Может быть, ты и прав,— сказала она после непродолжительного молчания.— Но я знаю, что в душе ты игрок и можешь предать. Если ты пришел сюда, чтобы покончить со мной, это действительно глупо. Ты ведь должен знать, что не такая уж я важная персона. И кроме того, мне всегда казалось, что ты хорошо ко мне относишься.

— Так оно и есть,— с готовностью откликнулся я.— И тебе не о чем беспокоиться. Однако странно, что ты заговорила о Блейзе.

Приманка! Мне так много надо узнать!

— Почему? Значит, все-таки он с тобой связан?

— Я предпочитаю умолчать,— ответил я в надежде, что это даст мне какие-то преимущества, тем более не трудно было представить, судя по разговору, какую позицию занимает Блейз.— Даже если бы все было так, я ответил бы ему то же, что и Эрику: "Я подумаю".

— Блейз,— повторила она.

"Блейз,— сказал я сам себе.— Блейз, ты мне нравишься. Я знаю, так не должно быть, хотя я не помню, почему, но все равно, Блейз, ты мне нравишься. Я это знаю."

Некоторое время мы сидели молча, и я почувствовал сильную усталость, но ничем ее не выказал. Я должен быть сильным. Я знал, что должен быть сильным.

Я сидел совершенно спокойно и, улыбнувшись, сказал:

— Хорошая у тебя здесь библиотека.

И она ответила:

— Спасибо.

— Блейз...— вновь после паузы повторила она.— Скажи, ты правда думаешь, что у него есть хотя бы один шанс?

Я пожал плечами.

— Кто знает? Во всяком случае, не я. Может, он и сам не знает.

Я увидел, что она в удивлении приоткрыла рот и с интересом уставилась на меня широко открытыми глазами.

— Как это не ты?— спросила она.— Не собираешься ли ты попробовать сам?

Тогда, чтобы как-то сгладить вспышку, я рассмеялся.

— Не болтай глупости,— сказал я.— Причем здесь я?

Сказав это, я почувствовал, какая-то струна отозвалась в глубине моей души, а в голове молнией сверкнула мысль: "А почему бы и нет?"

Внезапно я ощутил страх.

Казалось, мой ответ, что бы он ни значил, все же успокоил ее. Она тоже улыбнулась в ответ и махнула рукой в сторону встроенного в стену бара слева от меня.

— Я с удовольствием выпила бы ирландского,— сказала она.

— Да и я не откажусь,— поднявшись, ответил я и налил два стакана.

Вновь удобно усевшись на стуле, я сказал:

— Знаешь, мне все-таки приятно сидеть с тобой вот так, наедине. Хотя, возможно, это не надолго. Во всяком случае, меня посещают приятные воспоминания.

Она улыбнулась и вся засияла:

— Ты прав,— ответила она, пригубив виски.— Я сижу с тобой, и мне сейчас так легко представить, что мы оба в Амбере.

Бокал виски чуть не выпал из моих рук.

Амбер! От этого слова горячая волна прокатилась по моей спине.

Она тихо заплакала. Я поднялся и, чуть прижав к себе, обнял ее за плечи.

— Не плачь, малышка! Не надо. А то мне самому становится не по себе.

АМБЕР! В этом слове заключалось что-то жизненно важное, пульсирующее, живое.

— Подожди, еще настанут хорошие времена,— мягко сказал я.

— Ты действительно веришь в это?— спросила она.

— Да,— громко ответил я.— Верю!

— Ты сумасшедший! Но, может быть, именно поэтому ты всегда был самым любимым моим братом. Я почти верю во все, что ты говоришь, хоть и знаю, что ты сумасшедший.

Она еще немного поплакала и успокоилась.

— Корвин,— сказала она,— если тебе все же удастся это, если каким-то чудом, которое даже Отражения не могут воплотить, ты добьешься своего, не забудешь свою сестричку Флору?

— Нет,— ответил я, догадавшись, что это ее настоящее имя.— Нет, я тебя не забуду.

— Спасибо. Тогда я расскажу Эрику только самое главное, а о Блейзе и о своих догадках вообще ничего не скажу.

— Спасибо, Флора.

— И все же я ни капельки не доверяю тебе,— добавила она,— и, пожалуйста, помни об этом.

— Могла бы и не говорить.

Она позвонила служанке, и та проводила меня в спальню. Я с трудом разделся, замертво свалился в постель и проспал одиннадцать часов.

Глава 3

Ее не было в доме, когда я проснулся на следующее утро. Записки она тоже не оставила. Служанка ушла по своим делам, подав мне завтрак на кухню. Я отверг возникшее у меня естественное желание попытаться выудить у нее все, что только можно. Скорее всего, она либо ничего не знала, либо просто не стала бы отвечать на мои вопросы. И обязательно донесла бы Флоре о моих расспросах. В настоящий момент я остался хозяином дома и решил вернуться в библиотеку в надежде узнать там как можно больше. Кроме того, я люблю библиотеки. Мне в них очень уютно, и я всегда чувствую себя в полной безопасности за стеной красивых и мудрых слов.

Доннер или Блетцер, или один из их родственников появился неизвестно откуда и пошел за мной. Я попытался было подружиться с ним, но это все равно, что кокетничать с регулировщиком движения, который жезлом приказал тебе остановиться у обочины дороги. По пути в библиотеку я заглядывал в другие комнаты, но они были самыми обычными и выглядели достаточно неинтересно.

Когда я вошел в библиотеку, Африка все еще была передо мной. Закрыв за собой дверь, чтобы собаки мне не мешали, я прошелся по комнате, читая названия книг на стеллажах.

Тут было много книг по истории. По-моему, они составляли основу всей этой коллекции. Были также большие и дорогие издания по искусству. Я пролистал некоторые из них.

Меня немного удивило, что Флора, видимо, богата. Если мы действительно брат и сестра, значит, я тоже отнюдь не нищий? Я стал думать о своих доходах, социальном положении, профессии, занятиях. У меня было ощущение, что денежный вопрос меня мало беспокоил. Когда мне нужны были деньги, я доставал их без всякого труда. Но я не мог вспомнить, есть ли у меня свой дом.

Чем я занимался?

Усевшись за стол, я стал методически вспоминать, что же я знал о себе. Это довольно трудно — исследовать самого себя, как незнакомого человека, так сказать, со стороны. Наверное, именно поэтому у меня ничего не получилось. Что твоё, то является частью тебя и отделить это невозможно.

Может, обратиться к врачу? Эта мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал некоторые анатомические рисунки Леонардо да Винчи. Почти рефлекторно я в уме стал называть некоторые стадии хирургической операции. Тогда я понял, что в прошлом оперировал людей.

Но все это было не то. Хотя я и вспомнил, что у меня медицинское образование, но все равно оно лишь составная часть чего-то другого. Не знаю, почему, но я знал, что не был практикующим хирургом. Кем же тогда я был? Кем?

Что-то привлекло мое внимание.

Сидя за столом, я мог видеть всю огромную комнату до дальней стены, на которой кроме всего прочего висела кавалерийская антикварная сабля, которую я как-то не заметил в прошлый вечер за ужином. Поднявшись, я подошел к стене и взял саблю в руки.

Про себя я даже возмутился, в каком состоянии было оружие. Мне захотелось воспользоваться промасленной тряпкой и абразивом, чтобы привести саблю в надлежащий вид. Из этого следовало, что в рубящем оружии, по крайней мере, я разбирался.

Сабля в руке придавала мне уверенность. Я отдал салют. Проведя несколько атак, сделав пару выпадов и, встав в оборонительную позицию, я понял, что умею фехтовать.

Так каким было мое прошлое? Я стал оглядываться в поисках того, что могло бы прояснить мою память. Но так как в голову больше ничего не приходило, я повесил саблю на место и вернулся за стол. Усевшись поудобнее, я решил исследовать его.

Я начал со среднего ящика, потом внимательно осмотрел ящики с правой и левой стороны.

Огрызки карандашей, листы бумаги, конверты, почтовые марки, чековые книжки — все, что может находиться в любом другом столе.

Каждый ящик я вытаскивал полностью и, пока рассматривал содержимое, держал его на коленях. Я действовал автоматически. Это было, наверное, частью какой-то подготовки, которую я прошел в прошлом. Она подсказала, что у ящика всегда надо осматривать боковые стороны и днище.

Тем не менее я чуть было не упустил из виду одну интересную деталь, которая лишь в самую последнюю минуту привлекла мое внимание, — задняя стенка последнего правого ящика была ниже, чем у всех остальных.

Наклонившись и заглянув внутрь пространства, куда задвигались ящики, я увидел предмет, напоминающий небольшую коробку. Она оказалась маленьким потайным сейфом, который был заперт.

Около минуты у меня ушло на возню со скрепками, булавками и металлическим рожком для обуви, которые я нашел в другом ящике.

В сейфе лежала колода игральных карт. Когда я увидел рисунок на обложке пачки, мое дыхание участилось и меня прошиб холодный пот.

Это было изображение белого единорога на травяном поле.

Рисунок был мне знаком, но вспомнить, что он означает, я не мог, и мне стало больно.

Открыв пачку, я достал карты. Колода состояла из одних картинок с чашами, шпагами, копьями и прочими атрибутами. Червовая масть была необычна, хотя это была простая колода.

Я вставил оба ящика на место осторожно, чтобы не закрыть сейф, пока я исследую колоду до конца.

Червовые картинки выглядели совсем как живые. Мне показалось, что они в любую минуту готовы ожить и сойти с глянцевой поверхности. Карты, холодные на ощупь, было приятно держать в руках. Я вспомнил, что когда-то и сам имел такую же колоду.

Я начал раскладывать карты на столе.

На первой из них был изображен хитрый маленький человечек с острым носом, смеющимся ртом и копной соломенных волос. Он был одет в костюм желтых, красных и коричневых тонов эпохи Ренессанса. На нем был длинный плащ и короткая облегающая куртка. Я знал этого человека. Его звали Рэндом.

Со следующей карты на меня смотрело бесстрастное лицо Джулиана. Темные волосы его свисали ниже плеч, в голубых глазах ничего не отражалось. Он был в белых доспехах, именно белых, а не каких-нибудь серебристых с металлическим оттенком. Он выглядел так, как будто его с ног до головы покрывала эмаль. Я знал, что эти доспехи почти невозможно пробить, они смягчают практически любой удар, хотя кажутся легкими, декоративными. Это был тот самый человек, которого я победил в его любимых соревнованиях, за что он бросил в меня стакан с вином. Я знал его и ненавидел.

Затем я увидел смуглого, темноглазого Каина, который был одет в черный с зеленым сати. На нем была треугольная, небрежно сдвинутая набекрень шляпа с зеленым плюмажем из перьев. Он стоял ко мне в профиль, откинув одну руку в сторону и вывернув носки сапог. На его поясе висел великолепный кинжал, в рукоять которого вставлен изумруд. Я не был уверен в своих чувствах к нему.

Следующим был Эрик. Красивый по любым стандартам, мужчина, с настолько черными волосами, что они отливали голубизной. Вокруг его всегда улыбающегося рта курчавилась борода. Он был одет в простой черный камзол, кожаные чулки, плащ-накидку и высокие черные сапоги. На красном поясе висела серебряная шпага, увенчанная большим рубином. Красным же были оторочены стоячий воротник и манжеты. Его руки с большими ладонями выглядели сильными и уверенными. С пояса у правого бедра свисала пара черных перчаток. Я был уверен, что это он пытался убить меня в тот день, и это ему чуть не удалось. Глядя на него, я чувствовал, что немного его побаиваюсь.

Далее шел Бенедикт, худой телом и лицом, высокий и суровый человек с мощным умом. Желтые, оранжевые и коричневые цвета его одежды странным образом напомнили мне копны душистого летнего сена. У него были сильный, волевой подбородок, карие глаза и каштановые прямые волосы. Стоя рядом с гнедым конем, он опирался на копьё, увитое гирляндой цветов. Он практически никогда не смеялся. И он мне нравился.

Когда я перевернул следующую карту, дыхание мое на секунду остановилось и сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Это был я.

Глядя на карту, я как-будто смотрелся в зеркало. Зеленые глаза, черные волосы, весь в черном и серебряном. На мне был плащ, слегка откинутый, как от порыва ветра. Я был в таких же, как у Эрика, черных сапогах, и на боку у меня тоже висела шпага, только она тяжелее и не такая длинная. На руках черные с серебристым отливом перчатки. Застежка плаща была выполнена в виде серебряной розы.

Это я — Корвин.

Со следующей карты смотрел высокий, мощный мужчина. Он был очень похож на меня, только подбородок его тяжелее, и я знал, что он хоть и медлителен, но сильнее меня. О его силе слагали легенды. Одежда его состояла из обтягивающего серо-голубого костюма с широким черным поясом. Он стоял и смеялся. На тяжелой цепи вокруг шеи висел серебряный охотничий рог. У него были небольшие усики и коротко подстриженная борода. В правой руке он держал кубок с вином. Я почувствовал привязанность к нему, и тогда вспомнил его имя. Его звали Жерар.

За ним последовал разодетый в красные и желтые шелка человек с большой головой и огненными волосами. В левой руке он держал кубок с вином, в правой — шпагу. Сам дьявол плясал в его глазах, таких же голубых, как у Флоры и Эрика. У него был довольно узкий подбородок, но этот недостаток скрывала борода. Шпагу украшал золотой орнамент. На правой руке он носил два больших кольца и одно — на левой: изумруд, рубин и сапфир. Это был Блейз.

Появившаяся следом за ним фигура была похожа более на меня, чем на Блейза, и к тому же мужчина был без бороды. Одетый в зеленый охотничий костюм, он восседал на белой лошади. В нем чувствовалась одновременно сила и слабость, воля и нерешительность. Я одобрял и не одобрял этого человека, относился к нему хорошо и в то же время не очень любил. Звали его Бранд. Я вспомнил имя, как только взглянул на карту.

"Да, я всех их хорошо знаю," — внезапно понял я. Помню их всех со всеми достоинствами и недостатками, знаю, в чем их сила и каким образом можно их победить.

Потому что все они были моими братьями.

Из пачки, лежащей на столе, я вынул сигарету, закурив, откинулся на спинку стула и попытался осмыслить все, что вспомнил.

Все они мои братья. Восемь странных людей, одетых в странные костюмы. Я знал, они имеют на это право — одеваться, во что их душе угодно. И в этом нет ничего странного, так же, как я имею полное право одеваться в черное с серебром. Я ухмыльнулся, вспомнив, что купил в той маленькой лавчонке в Гринвуде.

На мне были черные брюки. Все три рубашки, которые я выбрал, отличали серебром, а куртка была черной.

Вернувшись к картам, я увидел Флору в зеленом, как море, наряде, совсем такой, какой я вспомнил ее в прошлый вечер.

Следующая карта заставила мои глаза наполниться слезами, сам

не знаю, почему. Я увидел черноволосую девушку с голубыми глазами, волосами густыми и длинными. Она была одета во все черное, на талии — серебряный пояс. Ее звали Дейдра.

Появившаяся затем Фиона была с такими же волосами, как у Блейза или Бранда, с жемчужной кожей и моими глазами. В ту самую минуту, как ее карта открылась, я понял, что ненавижу ее.

Следующей была Льюисвилла в переливающимся бледно-зеленом платье. У нее были нефритовые глаза и печально-мягкое выражение лица. Я знал, что она не была похожа на всех нас. Но и она моя сестра.

Одиночество нахлынуло на меня, потому что я был далек от них всех, но все же почти физически ощущал их присутствие.

С явной и непонятной неохотой я расстался с картами и снова сложил их вместе. Картинок в других мастях не было, остальные карты самые обычные, но почему-то я знал, что колода не полная — нескольких карт в ней не хватает.

Что должно быть на отсутствующих картах, я понятия не имел, и меня это до странности печалило.

Взяв сигарету, я задумался.

Почему, когда я держал карты в руках, практически сразу же все так отчетливо вспомнилось? Теперь я знал больше, чем прежде, но только то, что касалось имен, все остальное, как и раньше, — в тумане.

Я никак не мог понять, почему мы изображены на картах. Желание иметь такую колоду у себя было очень сильным. Флорину колоду взять нельзя — у меня будут крупные неприятности, так как она сразу заметит пропажу. Пришлось положить карты в сейф и вновь его запереть. Затем я стал напрягать свою память. Но все было напрасно до тех пор, пока в голове не всплыло магическое слово.

Амбер!

Оно сильно взволновало меня накануне вечером. Даже слишком сильно, так как, хоть и невольно, я постоянно избегал мысли о нем. Но сейчас я стал повторять это слово вновь и вновь, каждый раз стараясь уловить, какие ощущения оно во мне вызывает.

Это слово навевало на меня тоску, желание чего-то и глубокую ностальгию. В нем была давно забытая красота, почти божественная мощь.

Это слово было для меня родным. Оно было частью меня, а я — частью его. Я вспомнил, что это название места, которое я когда-то хорошо знал. Но с ним были связаны лишь чувства, а воспоминаний не было никаких.

Время для меня как бы перестало существовать. И долго ли я просидел задумавшись, не помню.

Как сквозь туман послышался слабый стук в дверь. Ручка медленно повернулась, и служанка, которую звали Кармелла, зашла в библиотеку, спросив, не желаю ли я, чтобы мне подали ленч.

Я желал и последовал за ней на кухню, где проглотил половину цыпленка и кварту молока.

Кофейник, полный крепкого кофе, я забрал с собой в библиотеку, по пути далеко обходя собак. Я допивал уже вторую чашку, когда зазвонил телефон.

Мне очень захотелось поднять трубку, но я подумал, что в доме есть еще несколько параллельных аппаратов, так что Кармелла подойдет и без меня.

Я ошибся. Телефон продолжал настойчиво звонить. В конце концов я не выдержал и снял трубку.

— Алло,— сказал я.— Резиденция миссис Флоримель.

— Будьте добры, пригласите, пожалуйста, миссис Флоримель к телефону.

Мужской голос говорил быстро и немного нервно. Он чуть задыхался, в трубке слышались далекие голоса, что свидетельствовало о звонке из другого города.

— Мне очень жаль,— ответил я,— но миссис в настоящий момент нет дома. Вы позвоните еще раз или, может быть, ей что-нибудь передать?

— С кем я говорю?— требовательно спросил он.

После короткого колебания я ответил:

— Это Корвин.

— О, Боже,— произнес он.

Последовало довольно продолжительное молчание.

Я решил, что он уже повесил трубку, но все же на всякий случай окликнул:

— Алло!

И одновременно со мной он тоже заговорил:

— Она еще жива?

— Конечно, жива! Какого черта! И вообще, с кем я говорю?

— Неужели ты не узнал мой голос, Корвин? Это Рэндом. Послушай, я сейчас в Калифорнии и попал здесь в беду. Собираюсь попросить у Флоры приюта. Ты с ней?

— Временно,— ответил я.

— Понятно. Ты окажешь мне покровительство, Корвин?

Он помолчал, потом добавил:

— Очень прошу тебя.

— Настолько, насколько это в моих силах. Но я не могу отвечать за Флору, пока не переговорю с ней.

— Но ты защитишь меня от нее?

— Да.

— Меня это вполне устраивает. Сейчас я попытаюсь прорваться в Нью-Йорк. Не могу сказать, сколько времени займут неверные Отражения, так как придется идти в обход, но думаю, скоро увидимся.

— Удачи тебе,— сказал я.

Он повесил трубку, раздался щелчок, и я снова услышал отдаленные голоса и тихие гудки.

Судя по всему, хитрый Рэндом попал в беду! Я чувствовал, что мне не стоит особо беспокоиться. Хотя сейчас он может стать одним из ключей к моему прошлому, а может, даже и к будущему. Значит, я попытаюсь помочь ему, конечно, чем смогу, и узнаю от него все, что мне нужно. Я знал, что между нами особой любви не было. Но я также знал, что Рэндом отнюдь не дурак. Он решителен, остроумен и до странности сентиментален по отношению к самым невероятным вещам. С другой стороны, его слово не стоит ни гроша, он мог поклясться в вечной верности до гроба, но при удобном случае ему ничего не стоило передать мой труп в любую анатомичку, лишь бы побольше заплатили. Я хорошо помнил этого маленького шпиона и испытывал к нему непонятную слабость, возможно, из-за тех редких минут, что мы провели вместе. Но доверять ли ему?

И Флоре я решил ничего не говорить до самой последней минуты. Пусть это будет одной из моих козырных карт— если уж не тузом, то, по крайней мере, валетом.

Добавив горячего кофе к остывшему в чашке, я начал медленно его прихлебывать, наслаждаясь вкусом.

От кого он скрывается?

Явно не от Эрика, иначе он никогда не позвонил бы сюда. Затем я стал размышлять о его вопросе, жива ли Флора, который он задал, узнав, что я здесь.

Неужели она была ярой сторонницей ненавистного мне брата? Судя по всему, мои родственники предполагают, что я прикончу ее, как только представится такая возможность. Это казалось мне странным, но ведь неспроста он задал такой вопрос.

В чем же они могли быть союзниками? Почему кругом такая напряженная атмосфера? От кого скрывается Рэндом?

Амбер. Вот ответ.

Каким-то образом я точно знал, что ключ ко всему таится в Амбере. Разгадка всего заключена в каком-то событии, которое произошло там, как мне казалось, совсем недавно. Мне придется быть предельно осторожным, делая вид, что я все знаю, во всем разбираюсь, а тем временем по крохам выуживать всевозможные сведения и пытаться сложить их в единое целое. Я был уверен, что у меня получится. Слишком уж все не доверяли друг другу, и мои недомолвки никого не удивят. Придется играть на этом. Я узнаю все, что нужно, получу то, что хочу, не забуду тех, кто поможет, а остальных уничтожу. Я знал, что это закон, по которому жила наша семья, а я истинный сын своего отца!

Тут у меня снова разболелась голова и запульсировало в висках. Эту боль вызвала мысль об отце... Догадка... Ощущение... Но я ничего не мог вспомнить.

Через некоторое время боль утихла, и я заснул прямо за столом.

А еще через некоторое время открылась дверь, и вошла Флора.

Она была одета в зеленую шелковую блузку и длинную шерстяную юбку. Волосы у нее были уложены в пучок на затылке, выглядела она бледной. Собачий свисток все еще висел на шее.

— Добрый вечер,— сказал я, встав со стула.

Но она не стала отвечать, а подойдя к стенному бару, налила солидную порцию "Джека Даниэльса" и по-мужски опрокинула рюмку. Потом наполнила ее вновь, подошла к столу и села на стул.

Прикурив сигарету, я протянул ее Флоре.

Она кивнула головой, потом сообщила:

— В Амбер дорогою невозможно пройти.

— Почему?

Она изумленно посмотрела на меня.

— Когда в последний раз ты ею пользовался?

Я пожал плечами.

— Не помню.

— Ну что же, будь по-твоему,— сказала она.— Просто я хотела бы знать, какую лепту во все это внес ты.

Я промолчал, потому что понятия не имел, о чем она говорит. Но затем я вспомнил, что попасть в Амбер можно куда более легким путем, чем по дороге. Было совершенно очевидно, что она почему-то не могла им воспользоваться.

— У тебя в колоде не хватает нескольких червовых карт,— внезапно, даже для себя, сказал я почти естественным голосом.

Подскочив на стуле, она пролила виски на пол.

— Отдай!— закричала она, хватаясь за свисток.

Я быстро встал и обнял ее за плечи.

— Я их не брал,— сказал я.— Просто осмотрелся, что здесь к чему.

Явно успокоившись, она принялась тихо плакать, и мне пришлось мягко подтолкнуть ее к стулу.

— Я подумала, ты забрал те, которые остались,— сказала она.— Да и как еще можно было понять твои слова?

Я не стал извиняться. Почему-то мне казалось, что это совсем не обязательно.

— И далеко ты ушла?

— Нет, не очень.

Тут она рассмеялась и посмотрела на меня. В глазах ее зажглись огоньки.

— Так значит, это твоих рук дело? Ты ведь знал, что я обязательно пойду к Эрику, и закрыл мне дорогу в Амбер еще до того, как явился сюда? Теперь мне придется ждать, пока он сам придет. Ты, наверное, хотел заманить его сюда. Должна тебя разочаровать, он никогда не явится сам, а пришлет кого-нибудь.

Она спокойно призналась, что собиралась предать меня, и, более того, обязательно предала бы, представься ей такая возможность. Но

странная нотка восхищения все же проскользнула в голосе этой женщины, когда она говорила о том, что я помешал ее планам. И все же не понятно, как могла она так спокойно признаваться в предательстве перед лицом предполагаемой жертвы? Ответ возник сам собой— все в нашей семье такие, нам ни к чему было хитрить друг перед другом. Хотя мне казалось, у нее все же отсутствует настоящий профессионализм.

— Неужели ты думаешь, я настолько глуп, Флора?— спросил я.— Ты думаешь, придя сюда, я буду спокойно сидеть и ждать, пока ты не преподнесешь меня тепленьким Эрику? Что бы там в пути тебе ни помешало, так тебе и надо.

— Ну, хорошо, я была душой. Но и ты не шибко умен! Ты ведь тоже находишься в ссылке!

Ее слова причинили мне боль, но почему-то я знал, что она ошибается.

— Вот еще!— сказал я.

Она вновь засмеялась.

— Я так и знала, что ты разозлишься и признаешься,— сказала она.— Значит, ты ходишь по Отражениям с какой-то целью. Просто сумасшедший!

Я пожал плечами.

— Чего ты на самом деле хочешь? Почему ты пришел именно ко мне?

— Просто мне интересно, чем ты собираешься заниматься,— ответил я.— Вот и все. Ты не в силах удержать меня здесь, если я не захочу. Даже Эрику это никогда не удавалось. Ты исключаешь возможность, что мне просто захотелось повидать тебя? Может быть, к старости я становлюсь сентиментальным. Как бы там ни было, но я еще поживу у тебя, а потом, наверное, уйду навсегда... Если бы ты не собиралась выдать меня, то в конечном счете могла бы выиграть больше. Вспомни, вчера ты просила, чтобы я тебя не забыл, если произойдет одно событие...

Прошло несколько секунд, прежде чем она догадалась, о чем я говорю, хотя сам я тоже не понимал.

— Значит, ты попытаешься? Скажи, ты действительно собираешься?

— Собираюсь, в этом можешь не сомневаться!— ответил я.— Полагаю, о чем бы мы ни говорили, я действительно сделаю это. Если хочешь, можешь сообщить Эрику. Но только прими во внимание, что я могу победить, и помни, если это произойдет, лучше быть моим другом, чем врагом.

Мне очень хотелось узнать, хотя бы приблизительно, о чем я говорю. Для того чтобы вести более или менее важные разговоры, я уже набрался достаточно слов и понимал кое-что из того, что стоит за ними. Я даже чувствовал, что говорю правильно и иначе не мог говорить.

Внезапно она кинулась мне на шею и принялась целовать.

— Я ничего ему не скажу, честное слово, Корвин! И я думаю, что у тебя все получится. Правда, Блейза тебе трудно будет уговорить, но Жерар, наверное, согласится помочь, а может, даже и Бенедикт. И Каин, увидев, что происходит, переметнется к нам...

— Я привык сам строить свои планы,— сказал я.

Она опять подошла к бару и налила нам по бокалу вина.

— Выпьем за будущее,— предложила она.

— За будущее выпить не грех.

И мы выпили.

Затем она посмотрела на меня и вновь наполнила мой бокал.

— Эрик, Блейз или ты,— сказала она.— Больше никому. Ты всегда был умен и находчив, но о тебе так давно не было слышно, что я даже не считала тебя претендентом.

— Не стоит никогда зарекаться.

Я надеялся, что она замолчит хоть на минуту, и неспеша потягивал вино. Уж слишком откровенно она пыталась вести двойную игру. Что-то смутно беспокоило меня, и хотелось остаться одному и подумать обо всем в тишине.

Сколько мне лет?

Я знал, что ответ на этот вопрос частично объяснил бы чувство отдаленности и отчуждения, которое я испытывал, глядя на игральные карты. Лет тридцать, если верить зеркалу, но теперь-то я знал, что это зависело от Отражений. Я намного старше, и прошло очень много времени с тех пор, как я видел своих братьев, какими они выглядели на картах.

Послышался звонок во входную дверь и шаги служанки Кармеллы— видимо, она пошла открывать.

— А, это наш брат Рэндом,— сказал я, предчувствуя, что не ошибся.— Я обещал ему свое покровительство.

Сначала ее глаза расширились, но потом она улыбнулась, как бы оценивая по заслугам умный поступок, который я совершил.

Я был доволен, что она так думает, хотя ничего подобного у меня и в мыслях не было.

Но так я чувствовал себя в безопасности.

Глава 4

Чувство безопасности сохранялось у меня минуты три, не больше.

Я подошел к входной двери раньше Кармеллы и отворил ее.

Он влетел в комнату и немедленно закрыл за собой дверь, заперев ее на щеколду. Под его голубыми глазами пролегли морщинки, на нем уже не было обтягивающей кожаной куртки и плащ-накидки. Ему давно следовало побриться. Одежда его состояла из обычного коричне-

вого костюма, через руку было переброшено легкое габардиновое пальто, а на ногах надеты кожаные туфли. Но это был все тот же Рэндом — тот самый, которого я видел на карте, только его тогда смеющийся рот выглядел теперь усталым, а под ногтями была грязь.

— Корвин, — сказал он и обнял меня.

Я сжал его плечи.

— Судя по твоему виду, рюмка-другая тебе не помешает, — сказал я.

— Да, да... — согласился он, и я повел его в библиотеку.

Через некоторое время, после того как он уселся с рюмкой в одной руке и зажженной сигаретой в другой, он промолвил:

— Они гонятся за мной, скоро будут здесь.

Флора пискнула и вскочила, но он не обратил на нее никакого внимания.

— Кто?

— Кто-то из других Отражений, — ответил он. — Даже не представляю, кто они и кто их послал... Их четверо или пятеро, а может, и все шестеро. Я зафрахтовал самолет, но они пробрались за мной. Это произошло недалеко от Денвера. Чтобы сбить их со следа, я несколько раз менял направление полета, но это не помогло, а мне не хотелось сбиться с курса... Я еле избавился от них в Манхеттене, но их появление здесь — вопрос времени. Думаю, они скоро явятся.

— И кто именно их послал, ты не знаешь?

Он коротко ухмыльнулся.

— Конечно, кто-то из нашей семьи. Может быть, Блейз, может быть, Джулиан, а может, и Каин. Или это твоя уловка, чтобы я пришел сюда? Хотя надеюсь, что это не так. Ведь не так?

— Конечно, нет, — сказал я. — А насколько это серьезно?

Он пожал плечами.

— Я бы попытался устроить засаду, если бы их было двое-трое. Но их слишком много.

Рэндом был невысок, приблизительно пять футов шесть дюймов, и весил не больше ста тридцати пяти фунтов. Но он не шутил, когда говорил, что может справиться с двумя-тремя громами. Интересно, а насколько я сам силен, если уж являюсь его братом? Я чувствовал себя достаточно сильным физически и знал, что могу вступить в поединок с любым, не особенно за себя беспокоясь. Так на что же я способен? Тут я понял, что скоро мне представится возможность это выяснить, так как раздался громкий стук во входную дверь.

— Что будем делать? — спросила Флора.

Рэндом засмеялся, развязывая галстук и кидая его на стол поверх своего пальто. Затем он снял пиджак и оглядел комнату. Взгляд его остановился на сабле, и в эту же секунду он метнулся к стене и ухватился за рукоятку.

Я почувствовал в своем кармане тяжесть пистолета, достал его и снял с предохранителя.

— Что делать?— усмехнулся Рэндом.— Есть вероятность, что они ворвутся в дом. Следовательно, они будут здесь. Когда ты в последний раз дралась, сестричка?

— Слишком давно,— ответила она.

— Тогда скорее вспоминай, как это делается,— посоветовал он ей,— времени осталось совсем немного. Их кто-то направил сюда, это я могу сказать точно, но нас теперь трое, а их всего шестеро. Так что можно не беспокоиться.

— Но мы ведь не знаем, кто они,— сказала она.

— А какая разница?

— Никакой,— сказал я.— Может, мне открыть дверь?

Они оба едва заметно вздрогнули.

— Без разницы. Лучше подождем здесь.

— Я могу позвонить в полицию,— предложил я.

Они рассмеялись почти истерически.

— Или сообщить Эрику,— сказал я, исподлобья глядя на нее.

Но она отрицательно покачала головой.

— На это у нас нет времени. Конечно, можно взять его карту, но к тому моменту, когда он ответит, если он вообще позволит себе ответить, будет слишком поздно.

— Да к тому же, возможно, это его рук дело,— сказал Рэндом.

— Сомневаюсь,— ответила она.— Это не в его духе.

— Верно,— произнес я просто для того, чтобы что-нибудь сказать, а заодно показать им, что разбираюсь в ситуации несколько не хуже их.

В дверь постучали еще раз, но теперь значительно сильнее.

— Послушай, а Кармелла случайно не откроет?— спросил я и нервно вздрогнул при этой мысли.

Но Флора отрицательно покачала головой.

— Мне кажется практически невероятным, что она откроет.

— Но ведь мы не знаем, с чем нам придется иметь дело,— вскричал Рэндом и выбежал из комнаты.

Я вышел за ним в прихожую как раз в тот момент, когда Кармелла собиралась открыть дверь.

Мы отослали ее обратно в комнату и посоветовали закрыться, после чего Рэндом заметил:

— Все говорит о силе того, кому принадлежит идея с этими посланцами. Корвин, как ты думаешь, что может произойти?

Я пожал плечами.

— Если бы я знал, то сказал бы. Но не беспокойся, в настоящий момент мы с тобой вместе против чего угодно. Отойди-ка.

И я распахнул дверь.

Первый громил попытался просто отпихнуть меня в сторону, но жесткий удар локтем откинул его назад.

Теперь хорошо было видно, что их всего шестеро.

— Что вам угодно?— спросил я.

В ответ я не услышал ни слова, только увидел пистолеты.

Резким ударом я закрыл дверь и накиннул крюк.

— Да, это, бесспорно, они,— сказал я.— Но откуда мне знать, Рэндом, что это не какой-нибудь твой трюк?

— Этого ты знать не можешь,— согласился он.— Я дорого бы дал, чтобы твои слова оказались правдой. Они достаточно неприятно выглядят.

Я не мог с ним не согласиться. Ребята на крыльце выглядели тяжеловесами, лица скрывали шляпы, надвинутые до самых глаз.

— Хотел бы я знать, на каком свете мы сейчас находимся,— сказал Рэндом.

Я почувствовал какое-то раздражение в барабанных перепонках и понял, что Флора дунула в свой собачий свисток.

Так что я не удивился, когда звон выбитого справа от меня стекла смешался с воем и рычанием.

— Она свистнула собакам,— сказал я.— Это шестерка волкодавов, которая при других обстоятельствах наверняка, перегрызла бы горло нам с тобой.

Рэндом кивнул, и мы направились к месту, где раздавался звон высаживаемых стекол.

Подойдя к гостиной, мы увидели, что двое громил уже в комнате и у обоих пистолеты.

Я убил первого и упал, стреляя во второго. Рэндом, размахивая саблей, перескочил через меня, и я увидел, как, брызгая кровью, голова второго громилы отделилась от туловища.

К тому времени в комнату через окно проникли еще двое. Я расстрелял всю обойму, одновременно прислушиваясь к рычанию волкодавов вперемежку со стрельбой, но уже не из моего пистолета.

Сквозь пороховой дым я увидел на полу трех мужчин и столько же собак. Мне стало приятно от мысли, что с половиной нападавших мы уже разделились. Когда оставшиеся влезли в окно, я убил одного таким необычным способом, который меня самого поверг в изумление.

Я схватил тяжелое дубовое кресло и, не задумываясь, швырнул его через всю комнату футов на тридцать. Кресло попало точно в цель и сломало одному из них позвоночник.

Я бросился к двум другим, но прежде чем я успел добежать, Рэндом проткнул одного саблей и опрокинул его на пол, чтобы работу закончила собака. А сам тем временем повернулся ко второму.

Оставшемуся в живых тоже не удалось ничего сделать. Правда, он убил одну из собак, но это был последний сознательный поступок в его жизни. Рэндом задушил его голыми руками.

Мы осмотрелись. У нас тоже были потери— три собаки убиты и одна тяжело ранена. Быстрым ударом сабли Рэндом избавил ее от дальнейших мучений, и мы принялись изучать незваных гостей.

Было что-то необычное в их облике.

В комнату вошла Флора и стала помогать нам осматривать трупы. У них были красные, как бы налитые кровью глаза. Но на их лицах это выглядело естественно.

Ко всему прочему, на каждом пальце гостей было по лишнему суставу.

Их челюсти сильно выдавались вперед, и, открыв одному из них рот, я насчитал сорок четыре зуба, каждый из которых был значительно больше и острее человеческого. Твердая на ощупь кожа была толстой и серой. Были и другие отличия, но и этих вполне достаточно, чтобы понять: они — не люди.

Собрав оружие, мы отобрали себе три маленьких плоских пистолета.

— Вне сомнений, они из Отражений, — сказал Рэндом, и я согласно кивнул головой. — Мне повезло. Кажется, они не думали, что у меня окажется такое подкрепление — брат-военный да с полдюжины собак.

Подойдя к разбитому окну, он выглянул на улицу.

— Никого, — через некоторое время сказал он. — Уверен, мы уложили их всех.

После этого он задернул плотные оранжевые шторы и придвинул высокую тяжелую мебель к окну. Пока он возился, я обыскал карманы трупов. Меня не удивило, что в них не оказалось никаких документов.

— Я еще не допил свое виски, — сказал Рэндом. — Пойдем обратно в библиотеку.

Прежде чем сесть за стол, он тщательно вытер клинок сабли и повесил ее обратно на стену. Я же в это время наливал виски Флоре.

— Будем считать, что на какое-то время я в безопасности, — сказал он. — К тому же нас теперь трое в одной упряжке.

— Похоже на то, — согласилась Флора.

— Господи, у меня со вчерашнего дня и крошки во рту не было, — объявил он.

Флора пошла сообщить Кармелле, что та может выйти, не опасаясь, и спокойно накрыть стол для обеда в библиотеке, но ей не стоит совать нос в гостиную.

Как только дверь за Флорой закрылась, Рэндом тут же повернулся ко мне и спросил:

— Какие у вас с ней отношения?

— Стараюсь не поворачиваться к ней спиной, когда остаемся наедине.

— Она по-прежнему работает на Эрика?

— Насколько я могу судить, да.

— Тогда не понятно, что здесь делаешь ты?

— Пытаюсь заманить сюда Эрика. Он наверняка думает, что единственный способ добраться до меня — прийти ко мне самому, а я хочу знать, насколько велико это его желание.

Рэндом покачал головой.

— Не думаю, чтобы он пошел на это. Да и какая ему выгода? Пока он там, а ты здесь, зачем ему рисковать? Его положение сейчас прочно. А если ты захочешь что-нибудь изменить, тебе самому придется отправиться к нему, а не наоборот.

— Знаешь, Рэндом, наверное, ты прав...

Глаза его загорелись, на губах заиграла прежняя усмешка.

Проведя рукой по волосам, он взглянул мне прямо в глаза.

— Ты все-таки собрался рискнуть?— спросил он.

— Возможно,— ответил я.

— Мальчик, не играй со мной в кошки-мышки. Да у тебя ведь на лице все написано. Ты знаешь, мне почти захотелось присоединиться к тебе. Из всех моих связей больше всего мне нравится секс, и меньше всего— Эрик.

Я закурил сигарету, обдумывая то, что услышал.

Могу ли я поверить Рэндону на этот раз? Он коварный хитрец и, вне всякого сомнения, продаст меня, если только кто-нибудь предложит ему более высокую цену или более выгодную сделку.

— Брат Корвин, вспомни, хоть я и не сделал для тебя ничего хорошего, но я также никогда не причинял вреда. О, всего несколько злых, но невинных шуток, это я признаю. И тем не менее ты вполне можешь сказать, что из всей нашей семьи мы лучше всех понимаем друг друга. По крайней мере, мы никогда не ссорились. Кажется, я слышу шаги. Это или служанка, или Флора, так что давай поговорим о чем-нибудь другом... Хотя нет... Только быстрее... Надеюсь, у тебя есть с собой колода наших любимых карт?

Я помотал головой.

В этот момент вошла Флора.

— Сейчас Кармелла накроет на стол,— сказала она.

Мы выпили за предстоящий обед, и Рэндом подмигнул мне за ее спиной.

К следующему утру трупы исчезли из гостиной, на ковре не осталось ни одного пятнышка крови, и окно совсем как новое. Рэндом таинственно объявил, что он "принял надлежащие меры". Я чувствовал себя недостаточно подготовленным, чтобы расспрашивать его подробнее.

Одолжив у Флоры ее "мерседес", мы поехали кататься. Пригород, через который мы проезжали, казался мне до странности незнакомым. Я никак не мог сообразить, чего же в нем не хватает, но чувствовал— что-то было не так. Пока я попытался разобраться, что к чему, вновь начался приступ головной боли, и я на время решил принимать вещи такими, какие они есть.

Я сидел за рулем, Рэндом— рядом со мной. Чтобы увидеть его реакцию, я небрежно заметил, что снова хотел бы оказаться в Амбере.

— Меня всегда интересовало,— сказал он,— хочешь ты отомстить или здесь кроется что-то еще.

Ответ был в стиле моего замечания— я мог либо сказать что-то, либо промолчать.

Молчать я не собирался, а потому произнес свою уже привычную фразу:

— Я много думал об этом и хорошенько взвесил свои шансы. Знаешь, может быть, я и попробую.

До этого он смотрел в боковое окно, но тут повернул голову и бросил на меня пристальный взгляд.

— Каждый из нас, наверное, мечтает о власти или просто думает о ней. Во всяком случае, как только у меня такая мысль возникала, я сразу же отказывался от нее. Хотя, честно говоря, игра стоит свеч. Мне кажется, что ты сейчас спрашиваешь, помогу я тебе или нет... Да, помогу. Хотя бы для того, чтобы послать всех остальных к черту!

Наступило молчание. Потом он спросил:

— Что ты думаешь о Флоре? Сможет ли она быть нам полезна?

— Сомневаюсь,— ответил я.— Конечно, если все будет предпринято, она присоединится к нам. Но что может быть предпринято сейчас?

Мне не хотелось признаваться ему, что что-то случилось с моей памятью. Я боялся довериться ему до конца. Мне не к кому было обратиться, хотя так много нужно узнать.

— Когда ты думаешь начать?— спросил я.

— Как только ты будешь готов.

Вот я, наконец, и дождался. И абсолютно не знал, что делать дальше.

— Как насчет того, чтобы начать прямо сейчас?— все же спросил я.

Он молчал. Потом, чтобы выиграть время, закурил сигарету. Я же молчал только потому, что не знал, о чем говорить. Наконец он сказал:

— Ладно, поехали. Сколько бензина в баке?

— Три четверти, наверное.

— Сверни на следующем повороте, посмотрим, что будет.

Свернув налево, я увидел, что тротуары, мимо которых мы ехали, стали сыпать искрами.

— Дьявол!— воскликнул Рэндом.— Я вспомнил то, что нужно, слишком быстро. А ведь в последний раз я ехал здесь лет двадцать назад. Кстати, Корвин, давно ты не был в Амбере?

— Слишком давно, даже не помню, когда.

Мы продолжали ехать вперед, и мое удивление возрастало с каждой минутой. Я не мог найти объяснения происходящему. Вдруг небо приобрело розовый оттенок, а потом стало зеленым.

Что бы не ляпнуть чего-нибудь лишнего и этим не выдать себя, я поспешил прикусить язык.

Теперь мы проезжали под мостом, и когда наша машина выползла из-под него, небо стало опять голубым. Правда, теперь со всех сторон нас окружали желтые мельницы.

— Не волнуйся,— сказал Рэндом, перехватив мой удивленный взгляд.— Могло быть и хуже.

Мы двигались по дороге из кирпича. И иногда на нашем пути попадались странно одетые люди.

— Сверни направо.

Я повернул. За поворотом стало еще интереснее. Пурпурные облака застлали солнце, и из них упали первые капли дождя. Небо было раскололи молнии, ветер пригнул деревья к самой земле. Я сбросил скорость и включил фары.

Нам навстречу проскакал всадник, одетый во все серое.

За следующим поворотом было тепло и сухо. Оказалось, мы ехали по берегу моря. Чайки летали над водой, они были огромного размера. Дорога, усыпанная щебенкой, хрустела под шинами. Город, который мы проскакали минут пять назад, уже скрылся из виду.

Я впечился руками в руль, когда мы проехали мимо виселицы с болтающимися на ней скелетом.

Рэндом по-прежнему курил и смотрел в окно.

Дорога поползла на холм, в сторону от берега. Деревья попадались очень редко. Достаточно долго местность не менялась. Из моего открытого окошка потянуло холодом, и я закрыл его.

— Все дороги ведут в Амбер,— произнес Рэндом так, будто это было аксиомой.

Тут я вспомнил, о чем вчера мне сказала Флора, и поспешил поделиться с братом.

— Когда ты звонил вчера, Флоры действительно не было дома. Мне кажется, она пыталась проникнуть в Амбер, но дороги для нее были закрыты. Она подумала, я закрыл их.

— Эта дама совершенно лишена воображения,— злорадно улынувшись, ответил Рэндом.— Естественно, путь был закрыт. Я даже не сомневаюсь в том, что скоро мы пойдем пешком, и то нам придется приложить для этого все наши знания. А эта принцесса, видно, решила, что ее путь будет усыпан лепестками роз. Ведьма! Да она вообще не заслуживает права находиться в Амбере!.. Поверни-ка чуть вправо,— неожиданно закончил он.

Я повернул, и перед моими глазами возникла новая картина. Что же происходит? Я чувствовал, что каким-то необъяснимым образом во всех происходящих изменениях виноват Рэндом. Правда, я никак не мог понять, как ему это удастся и куда же мы должны приехать.

Руль под моими руками изменился, приняв форму полумесяца. Сиденье отодвинулось назад, посадка автомобиля стала ниже, ветровое стекло с моей стороны открылось само собой. Откуда-то налетела песчаная буря, и мне показалось, что она фиолетового цвета. Через некоторое время буря исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Я услышал какой-то звенящий звук. Когда мы подбегали ближе, оказалось, что звук издавала целая куча машин; они стояли на месте и сигналили.

— Сбрось скорость,— сказал Рэндом.— Похоже, мы добрались до первого препятствия.

Я сбросил газ, и новый порыв ветра обдал нас песком. Выключая фары, я на минуту отвлекся, а когда поднял глаза, увидел, что буря уже закончилась. Мне пришлось несколько раз открыть и закрыть глаза, чтобы убедиться, что я не сплю. Дорога была пуста, машины бесследно исчезли, но зато теперь она вся искрила. Я услышал, как Рэндом невнятно ругает кого-то.

— Уверен, что сделал все именно так, как хотелось автору этого блока,— сказал он несколько громче, чем требовалось.— Меня аж злость берет, ведь мы играем ему на руку.

— Ему— это Эрику?— спросил я.

— Как ты думаешь, что нам сейчас предпринять?— сказал он, игнорируя мой вопрос.— Избрать более трудный путь или продолжить этот и посмотреть, сколько блоков впереди?

— Давай проедем еще немного вперед, ведь это только первый барьер,— предложил я, не вполне понимая, о чем речь.

— Ну хорошо,— сказал он.— Только помни, что второй может быть не таким безобидным.

Второй блок оказался живым. Трудно сказать, что это было на самом деле, но по виду это существо напоминало плавильную печь с ручищами, шарящими по дороге. Это существо, видимо, питалось автомобилями.

Я нажал на тормоза.

— В чем дело?— спросил Рэндом, бросая на меня строгий взгляд.

— Мне стало не по себе,— сказал я, и Рэндом пожал плечами.

Когда я вновь взглянул на дорогу, чудовища уже не было.

Как и раньше, смена погоды происходила очень стремительно. Еще одна буря налетела на нашу одинокую машину и исчезла в неизвестном направлении. Дорога, по которой мы ехали, была прямой и ровной, но я не мог понять, из какого вещества она состоит.

— Кажется, нам удалось провести его,— весело сказал мой брат,— потому что мне удалось закрутить несколько Отражений в одно. Я хочу сказать, еще никому не удавалось закрыть все дороги в Амбер.

— Что верно, то верно,— поспешил согласиться я, пытаюсь сгладить впечатление от своих последних слов.

Потом я принялся думать о Рэндоме. Маленький, хищный человек, который вместе со мной мог погибнуть вчера вечером. В чем была его сила? И о каких Отражениях все время идет речь? Я понимал, чем бы там ни являлись эти Отражения, мы сейчас двигались как раз между ними. Каким-то образом это явно вытворял Рэндом. Раз он сидит здесь, на моих глазах, спокойно курит, значит, продельывает он это при помощи своего мозга. Но опять-таки, как?

Правда, я слышал его бормотание, что тут надо "прибавить", а тут

"отнять". Создавалось впечатление, вся вселенная для него — одно большое уравнение.

Теперь я был уверен, что отгадал правильно: он действительно прибавляет к видимому окружающему нас миру и вычитает из него, чтобы все ближе и ближе подобраться к месту, называемому Амбером.

Я тоже когда-то умел это делать. И внезапно меня осенило — ключ к умению лежит в Амбере.

Но вспомнить я не мог.

Дорога вдруг свернула, и пустыня кончилась. Повсюду простирались поля с голубой травой. Через некоторое время появились небольшие холмы. У подножия третьего холма мостовая кончилась. Мы оказались на узкой грязной дороге, она была довольно неровной и петляла вокруг холмов, поросших невысоким колючим кустарником.

Примерно через полчаса холмы кончились, и мы въехали в лес, в котором росли толстые квадратные деревья. Их листья, то осенне-желтого, то пурпурного цветов, имели причудливо изрезанную форму.

Тени сгустились, начал накрапывать мелкий дождь. От устлавших землю мокрых листьев поднимался бледный туман. Откуда-то справа раздался звериный рев.

Руль, изменив форму еще три раза, превратился в конце концов в деревянный пятиугольник. Автомобиль стал большим и высоким, неведомо откуда на его капоте появилось украшение в виде фламинго. На этот раз я воздержался от каких-либо замечаний и ограничился тем, что молча пытался приспособиться к сиденью, которое тоже все время меняло форму. Рэндом, посмотрев на руль после последнего преобразования, покачал головой, и тут же деревья стали выше, на них появились лианы, а машина приняла почти первоначальный вид. Взглянув на стрелку бензомера, я увидел, что у нас осталась еще половина горючего.

— Как это ни странно, пока мы продвигаемся вперед, — заметил мой брат, и я согласно кивнул головой.

За время нашего короткого обмена мнениями дорога расширилась и стала асфальтовой, с обеих ее сторон протянулись каналы, в которых текла грязная вода. По ее поверхности плыли листья, ветки и разноцветные перышки.

Я ощутил легкость во всем теле, закружилась голова.

— Дыши медленно и глубоко, — сказал Рэндом. — Попробуем пройти напрямик. Атмосфера и гравитация на некоторое время изменятся. По-моему, нам здорово до сих пор везло. Постараемся воспользоваться этим до конца. Если получится, то подъедем как можно ближе и как можно быстрее.

— Неплохо придумано, — заметил я.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — сказал он. — Во всяком случае я считаю, игра стоит свеч... Осторожно!

Мы въезжали на холм, на вершине которого появился грузовик,

летящий нам навстречу. Несся он не по своей стороне дороги. Я попытался резко свернуть в сторону, чтобы объехать его, но грузовик тоже повернул. В самый последний момент, чтобы не столкнуться, мне пришлось вырулить на обочину, в грязь.

Справа завизжали тормоза. Грузовик остановился. Я попытался дать задний ход и снова выбраться на дорогу, но машина прочно засела в мягкой грязи.

Услышав, как хлопнула дверь, я повернулся и увидел водителя, который выбирался из правой дверцы грузовика. Это означало, что не он, а мы ехали не по той стороне дороги. Я знал, нигде в Соединенных Штатах нет левостороннего движения, как в Англии. Но я также уже не сомневался в том, что мы покинули Землю, которую я знал.

Грузовик оказался мощным трейлером. На его борту большими красными буквами было написано "ЗУНОКО", чуть ниже и помельче — реклама: "Мы ездим по всему свету". Когда я вышел из машины и попытался извиниться перед подошедшим водителем, он покрыл меня матом. Это был довольно внушительный мужчина одного роста со мной, но с совершенно квадратной фигурой, к тому же в одной руке он сжимал гаечный ключ.

— Послушайте, я же извинился, — сказал я ему. — Что еще вам от меня нужно? Никто ведь не пострадал, и машины тоже целы.

— Таких идиотов, как вы, и близко нельзя подпускать к рулю! — взвыл он. — Вы ходячая угроза для общества.

В это время из машины выскочил Рэндом с пистолетом в руке.

— Эй, мистер, убирайтесь-ка отсюда, пока целы! — крикнул он.

— Спрячь пистолет, — сказал я ему, но он поднял оружие и снял предохранитель. Дуло смотрело прямо в живот шофера.

На лице последнего отчетливо отразился страх, даже челюсть отвисла. Шофер, повернувшись, бросился бежать. Рэндом поднял пистолет и тщательно прицелился, но в тот момент, когда он нажал на курок, мне удалось отвести его руку в сторону. Пуля попала в мостовую и рикошетировала в сторону.

Рэндом повернулся ко мне, лицо побелело от гнева.

— Черт бы тебя побрал! — воскликнул он. — Пуля могла ведь угодить в бак с бензином.

— Она могла попасть и в шофера.

— Ну и что такого? Мы не будем пользоваться дорогой чуть ли не целое их поколение. Этот ублюдок осмелился оскорбить принца Амбера! Стреляя, я думал о твоей чести!

— Я и сам в состоянии защитить свою честь, — крикнул я, и холодная ненависть внезапно охватила меня.

Меня просто через край переполняло бешенство. Тогда он склонил передо мной голову, а в это время дверца грузовика хлопнула, и послышался шум удаляющегося автомобиля.

— Прости меня, брат, — сказал Рэндом, — Прости, что я посмел

так поступить. Но меня возмутило, как он с тобой разговаривает. Мне следовало подождать, пока ты сам решишь, что с ним делать, или спросить у тебя разрешение, прежде чем начать действовать. Я понимаю, но...

— Ладно, все уже кончено,— сказал я.— Давай лучше попробуем выбраться на дорогу и поедem дальше, если, конечно, возможно.

Задние колеса увязли почти до середины дисков. Пока я смотрел на них и пытался сообразить, что бы такое сделать, Рэндом окликнул меня:

— Все в порядке, я смог ухватиться за передний бампер. Возьмись за задний и давай вынесем машину на дорогу.

Наверное, он шутил.

Правда, он говорил что-то о малой гравитации, но я ее почти не чувствовал. Я был довольно сильным человеком, но сомневался, что смогу поднять за задний бампер "мерседес".

Хотя, с другой стороны, мне не оставалось делать ничего другого. Рэндом ожидал от меня именно этого, а я не мог допустить, чтобы он узнал о провалах в моей памяти.

Пришлось наклониться, ухватиться поудобнее, выдохнуть воздух и напрячь ноги. Задние колеса с чавканьем сторвались от влажной глины, и я увидел, что поднял машину со своей стороны фута на два от земли. Черт возьми, было тяжело, но я это сделал!

С каждым шагом мои ноги уходили дюймов на шесть в грязь, но мы с Рэндомом все же несли машину.

Мы поставили автомобиль на дорогу, и он слегка качнулся на амортизаторах. Я вылил жидкую грязь из ботинок, вычистил их пучком травы и выжал носки. Затем отряхнул брючины и закатал их. Бросив ботинки с носками на заднее сиденье, я вытер ноги и сел в машину босиком.

Рэндом сел рядом со мной, захлопнул дверцу и сказал:

— Я очень виноват перед тобой...

— Брось,— сказал я.— Я уже все забыл.

— Я не хочу, чтобы ты на меня сердился.

— Я не сержусь. Только в будущем удержишь, пожалуйста, от убийств в моем присутствии.

— Можешь не сомневаться,— пообещал он.

— Тогда едем дальше.

Мы неслись по каньону среди скал, затем попали в город, в котором, казалось, все было из стекла: высокие, хрупкие и непрочные на вид строения и люди. Розовое солнце высвечивало их внутренние органы и остатки недавних обедов. Когда мы проезжали мимо, они останавливались, чтобы поглазеть на нас. На углах они собирались в целые толпы, но ни один не пытался нас остановить или перейти дорогу перед нашей машиной.

— Местное население, несомненно, будет рассказывать об этом происшествии долгие годы,— заметил Рэндом.

Я кивнул.

Далее дорога закончилась, и мы поехали по поверхности, сильно напоминающей нескончаемый лист силикона. Через некоторое время он сузился, и под колесами снова оказалась дорога. Потом справа и слева от нее потянулись низины с вонючими, бурого цвета болотами. Я могу поклясться, что видел в одном из них диплодока, который поднял голову из тины и весьма неодобрительно поглядел на нас.

Затем над нашей головой пронеслись, громко хлопая крыльями, создания, похожие на летучих мышей. Небо теперь было коричневое с голубым, а солнце — бледно-золотым.

— Бензина у нас осталось меньше четверти бака, — заметил я.

— Хорошо, — сказал Рэндом. — Останови машину.

Я нажал на тормоз и откинулся на спинку сиденья.

Он довольно долго молчал, а потом сказал:

— Поехали.

Миля через три мы подъехали к какой-то баррикаде из отесанных бревен, и я принялся объезжать ее. Вскоре мы обнаружили ворота, и Рэндом скомандовал:

— Остановись и посигналь.

Я так и сделал. Минуты через три деревянные ворота заскрипели на ржавых петлях и распахнулись.

— Можешь смело ехать, — сказал он, — опасности никакой нет.

Въехав, я увидел три колонки с бензином. Такие попадались мне раньше, но при более обычных обстоятельствах. Я подогнал машину к одной из них и стал ждать.

Вышедший из дома человек ростом около пяти футов напоминал пивную бочку. Его нос походил на клубнику, а плечи были минимум в ярд шириной.

— Что угодно? — спросил он. — Заполнить бак?

Я кивнул.

— Просто бензин, — сказал Рэндом.

— Подвиньте немного машину, — он указал направление.

Подогнав машину, я спросил Рэндома:

— Мои деньги здесь подойдут?

— А ты посмотри на них, — ответил он, и я полез в бумажник.

Он был туго набит оранжевыми и желтыми купюрами с римскими цифрами на углах и буквами "DR".

Он ухмыльнулся, увидев, как я рассматриваю купюры.

— Как видишь, я позаботился обо всем.

— Вот и хорошо. Между прочим, я хочу есть.

Мы огляделись и увидели неподалеку неоновую рекламу гриль-бара.

Клубничным нос повесил бензиновый шланг, постоял немного, уставившись в землю, при этом лицо его отражало происходящий в мозгу мыслительный процесс, затем подошел к нам и сказал:

— Восемь драмх Регума.

Я вытащил оранжевую бумажку достоинством в пять драхм, три желтые однодрахмовые и протянул ему.

— Спасибо,— сказал он, засовывая деньги в карман.— Масло и воду проверить?

— Давайте.

Он долил в радиатор немного воды, сказал, что уровень масла в норме, пару раз протер грязной тряпкой ветровое стекло. Затем, помахав рукой, пошел обратно в домик.

Мы купили корзину жареных цыплят и большой кувшин пива. Пообедали, сидя в машине, а потом умылись водой из искусственного родничка и поехали обратно к воротам. Нам пришлось подождать, пока их не открыл человек с алебардой через плечо.

Выехав за ворота, мы снова поехали по дороге, темной полосой выделяющейся на фоне кремниевой равнины.

Впереди показался динозавр. Посмотрев на нас, он заколебался, но потом все же свернул влево. Через некоторое время над машиной пронеслась стайка птеродактилей.

— Им было больно отказываться от Амбера,— сказал Рэндом.

И, что бы это ни значило, я утвердительно хмыкнул в ответ.

— Правда, я боюсь торопить события,— продолжал он,— нас может разорвать на куски.

— Ты прав,— снова согласился я.

— Но с другой стороны, мне не особенно нравится это дикое место.

Мы продолжали ехать вперед, и силиконовые поля сменились каменной местностью.

— Что ты сейчас делаешь?— осмелился спросить я.

— У нас уже есть небо, теперь я попытаюсь сделать что-нибудь с равниной,— ответил он.

Тут же каменистая поверхность стала изменяться, превращаясь в отдельные булыжники, из-под которых проглядывала обыкновенная черная земля. Еще через несколько минут я заметил островки зелени. Сначала их было немного, но трава была настолько яркой, что, живя на Земле, я не мог даже вообразить подобного цвета...

Скоро травы стало еще больше, и на нашем пути стали попадаться отдельные деревья. Затем появился лес.

Но что это был за лес!

Я никогда еще не видел таких могучих и величественных деревьев, такой сочной листвы. Это были огромные дубы, сосны, клены и многие другие деревья, названий которых я не знал вообще. В них шелестел ветерок с невероятно приятным запахом, который нежно обдувал меня, когда я чуть опустил стекло. И мне захотелось открыть его до конца.

— Арденский лес,— сказал человек, который был моим братом, и я знал, что он меня не обманывает. Одновременно я и любил его,

и завидовал ему за его необыкновенные познания, которых сам лишился.

— Брат,— сказал я,— ты все делаешь правильно. Даже лучше, чем я мог ожидать. Спасибо тебе.

Мои слова привели его в некоторое замешательство. Похоже, до сих пор он не слышал от своей родни ни одного хорошего слова.

— Я стараюсь делать все, что в моих силах,— ответил он.— И обещаю тебе, что так будет, пока все не кончится. Взгляни! У нас теперь есть и небо, и лес! Даже не верится, но пока все идет очень хорошо! Мы прошли уже больше половины пути и еще не встретили ни одной серьезной преграды. По-моему, нам здорово везет. Ты дашь мне регенство?

— Да,— ответил я, не понимая, что это могло значить. Но я чувствовал, что действительно хочу удовлетворить его просьбу, если это, конечно, в моих силах.

Он кивнул головой.

— С тобой можно иметь дело,— сказал он.

Маленький хитрец с маниакальной склонностью к убийствам. В этом он весь. И вечно против чего-то восстает. В прошлом наши родители пытались его наказывать, но у них это получалось не достаточно внушительно. Внезапно я вспомнил, что у нас с ним были одни и те же родители. Не то что с Эриком, Флорой, Каином, Блейзом и Фионой. О других я не помнил, но тут был абсолютно уверен.

Машина катилась по твердой дороге среди царственных деревьев. Она казалась нескончаемой. Мне было спокойно и хорошо здесь. Иногда из придорожных зарослей выскакивали олени или потревоженная лиса. Лучи солнечного света проникали сквозь листья и становились похожими на золотые струны. Я понял, что хорошо знаю это место и в прошлом неоднократно бродил по этой дороге. Я верхом ездил через Арденский лес, гулял по нему, охотился, лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел вверх, где проглядывал иногда кусочек чистого амберского неба сквозь кроны могучих деревьев. Я в детстве любил влезать на эти деревья и смотреть с их верхушек на огромный зеленый мир, который расстился внизу передо мной и постоянно менялся.

— Как мне здесь нравится,— сказал я, не понимая, что говорю вслух. И Рэндом включился в разговор.

— Ты всегда любил этот лес,— сказал он.

В его голосе, как мне показалось, проскользнула нотка удивления.

Нашу беседу прервал какой-то отдаленный звук, и, прислушавшись, я понял, что это охотничий рог.

— Прибавь скорость,— быстро сказал Рэндом.— Похоже, это трубят Джулиан.

Я нажал на газ.

Звук рога прозвучал ближе.

— Черт! Его проклятые гончие разорвут автомобиль на куски, а

птички довершат дело и выключат нам глаза!— воскликнул он.— Надо же было напороться на него, когда он так хорошо подготовился к встрече. За чем бы сейчас он ни охотился, он с превеликим удовольствием бросит любую дичь ради такой добычи, как два его брата.

— Живи сам и давай жить другим— вот моя философия на данном этапе,— заметил я.

Рэндом усмехнулся.

— Вот это героизм! Бьюсь об заклад, что он продлится еще целых пять минут!

Звук рога послышался еще ближе, и Рэндом выругался.

— Дьявол!

Стрелка спидометра остановилась на красной отметке— 75 миль, но ехать быстрее я боялся из-за скользкой дороги.

А рог звучал все ближе и ближе, раздался три протяжных сигнала, и вскоре мы услышали лай собак слева от дороги.

— Хотя мы еще далеко от Амбера, но уже почти на настоящей земле,— сказал мой брат,— так что бесполезно пробовать бежать через прилегающие Отражения. Если он действительно преследует нас, то мы не спрячемся там. Нас настигнет или он, или его отражение.

— Что будем делать?

— Будем надеяться, что он гонится не за нами. Но все равно прибавь-ка газу.

— На чем он скачет,— спросил я,— на локомотиве?

— Судя по всему, на самом могучем и быстром коне, которого он когда-либо создавал. Это Моргенштерн.

Задумавшись над его последними словами, я старался вспомнить, что все это могло означать. И мой внутренний голос подсказал мне, что Джулиан действительно создал Моргенштерна из Отражений, придав ему силу и скорость урагана.

И когда я увидел его лошадку, тут же вспомнил, что всегда боялся этого зверя.

Ростом Моргенштерн был на метр выше самого высокого из всех коней, каких мне только приходилось видеть. Его глаза дышали смертью, седая грива развевалась по ветру, копыта сыпали искры и сверкали, как отполированная сталь. Он несся за нашей машиной как ветер, а в седле, пригнувшись, сидел Джулиан. Он был совсем такой, как на игровой карте в колоде Флоры. Те же длинные черные волосы, ослепительно голубые глаза, те же белые блестящие доспехи.

Джулиан улыбнулся и помахал рукой, а Моргенштерн вскинул голову, и его великолепная грива взметнулась, как флаг. Его ног не было видно, поскольку они мелькали с очень большой скоростью.

Однажды Джулиан заставил своего подручного одеть мою старую одежду и мучить лошадей. Я вспомнил, что на первой же последовавшей за этим охоте Моргенштерн едва не убил меня, когда я спешил, чтобы освежать оленя.

Я решил поднять боковое стекло машины, чтобы зверь не уз-

нал меня по запаху. Но Джулиан уже успел заметить меня, и я стал понимать, что это нам сулит. Рядом с ним бежали штурм-гончие. Их тела были твердыми и жесткими, а зубы напоминали сталь. Они тоже, наверное, взяты из Отражений. Ни один обычный пес не мог выдержать такой гонки. Хотя я уже свыкся с мыслью, что все нормальное, привычное для меня здесь таковым быть переставало.

Джулиан сделал нам знак остановиться. Я посмотрел на Рэндома, тот утвердительно кивнул в ответ.

— Если не остановимся, он просто нас уничтожит,— сказал он.

Я нажал на тормоз, сбросил скорость и остановился. Моргенштерн встал на дыбы, перебирая передними ногами в воздухе, затем взрыл землю всеми четырьмя копытами и перешел на легкий галоп. Собаки кружили рядом. Их бока тяжело вздымались, черные языки высунуты. Лошадь блестела от пота.

— Вот это сюрприз!— воскликнул Джулиан своим грубым голосом. Гигантский сокол сделал круг и сел на его левое плечо.

— Это уж точно,— ответил я, высунув голову из окошка.— Как идут дела?

— Как всегда. А как вы с братом Рэндомом?

— С нами все в порядке.

Рэндом кивнул головой и добавил:

— Я думал, что в это время суток ты занимаешься другими видами спорта.

Наклонив голову, Джулиан искоса взглянул на него.

— За любым занятием,— сказал он,— я ни на минуту не забываю о родственниках.

Легкий холодок пробежал по моей спине.

— Услышав звук вашей машины, я решил оторваться от охоты,— продолжал он.— Но не буду вас задерживать. Мне кажется, вы не на прогулку выехали, а направляетесь куда-то по делу. Скажем, в Амбер. Не так ли?

— Верно,— согласился я.— А что здесь делаешь ты?

— Эрик предложил мне приглядеть за дорогой,— ответил он.

Когда он это сказал, моя рука сама потянулась к рукоятке одного из пистолетов, висевших на моем поясе. Я знал, что пули не пробьют доспехи, но надеялся пристрелить Моргенштерна.

— Ладно, братья,— Джулиан улыбнулся,— я рад вашему возвращению и желаю приятного путешествия. Думаю, что скоро увидимся в Амбере.

С этими словами он поворотил коня и поскакал к лесу.

— К черту,— вскричал Рэндом, как только Джулиан угадался на сотню футов,— он наверняка собирается устроить засаду,— и вытащил пистолет из-за пояса.

Мы мчались на приличной скорости.

Через некоторое время, когда я уже вздохнул с облегчением, ти-

шину вновь нарушили звуки рога. Пытаясь выиграть немного времени, я вдавил педаль газа, хотя и знал, что Джулиан все равно настигнет нас. Свернув в сторону, мы затряслись по ухабам. Навстречу выскочил олень, и мне еле удалось объехать его, не сбавляя скорости. Рог прозвучал ближе, и Рэндом пробормотал какое-то ругательство. Я чувствовал, что нам не успеть достигнуть леса, и это действовало на нервы. Выскочив в узкую длинную долину, мы неслись по ней около минуты. На этот раз рог Джулиана прозвучал на более далеком расстоянии. Но затем мне пришлось снизить скорость, ведь мы ехали по пересеченной местности. У Джулиана появилась возможность догнать нас.

Примерно через десять минут он показался в зеркале заднего обзора. Гончие лаяли, прыгая вокруг него. Джулиан летел вдоль дороги, нагоняя нас.

Рэндом наконец опустил стекло со своей стороны и, высунувшись из него, начал стрелять.

— Черт бы побрал эти доспехи!— сказал он.— Я уверен, что попал в него дважды, а он даже не покачнулся.

— Мне бы очень не хотелось убивать такого коня, но, видно, придется попробовать.

— Я и в него стрелял несколько раз,— сказал он, с отвращением швырнув свой разряженный пистолет на пол кабины. Затем достал из-за пояса другой.— Либо я плохой стрелок, хуже, чем можно предположить, либо слухи оказались верными, и Моргенштерна может убить только серебряная пуля.

Из оставшейся обоймы он пристрелил шестерых псов, но их осталось еще дюжины две.

Я отдал брату один из своих пистолетов, и Рэндом уложил еще пятерых собак.

— Последнюю обойму я приберегу для головы Джулиана,— сказал он,— если, конечно, он подъедет достаточно близко.

Преследователи нагоняли нас, и сейчас они находились в пятидесяти футах позади. Я изо всех сил врезал по тормозам. Несколько собак не успели вовремя отскочить, но Джулиан внезапно исчез, и над машиной пронеслась огромная тень— это Моргенштерн перепрыгнул через нее.

Пока всадник разворачивал лошадь, я дал газ, и машина рванула вперед.

Огромным скачком Моргенштерн отпрыгнул в сторону. В зеркальце я увидел, как две собаки вцепились в задний бампер и, оторвав его, вновь кинулись в погоню. Несколько мертвых собак валялись на дороге, но их все еще оставалось слишком много.

— Прекрасно,— сказал Рэндом.— Нам повезло, что они накинута на бампер, а не на колеса, иначе от резины остались бы одни лохмотья. Видно, им никогда раньше не приходилось загонять такую дичь, как автомобиль.

Я сунул Рэндому свой последний пистолет.

— Постарайся убить как можно больше собак,— сказал я.

Он расстрелял обойму спокойно и со снайперской точностью. Собак стало на шесть меньше.

Джулиан неся теперь около машины, и в руке у него сверкала шпага.

Я нажал на гудок, надеясь испугать Моргенштерна, но из этого ничего не вышло. Пришлось свернуть в сторону, но лошадь грациозно отпрыгнула, избегая столкновения. Рэндом положил пистолет на левую руку, прицеливаясь мимо меня.

— Не стоит пока стрелять,— сказал я.— Постараюсь взять его так.

— Ты сумасшедший,— сказал он мне, но все-таки опустил пистолет.

Я вновь резко нажал на тормоза.

Как только машина остановилась, мне пришлось распахнуть дверцу и выскочить наружу босиком.

Нырнув под шпагу Джулиана, я схватил его за руку и выбил из седла. Второй удар, но уже бронированным кулаком, пришелся мне на голову, и от невыносимой боли у меня из глаз посыпались искры.

Он лежал, как пьяный там же, где и упал, а вокруг меня, пытаясь укусь, прыгали собаки... Рэндом раскидывал и пинал их ногами. Я подобрал валявшуюся рядом шпагу Джулиана и приставил острие к его горлу.

— Прикажи им убраться!— закричал я.— Иначе я пригвозжу тебя к земле!

Он что-то резко крикнул собакам, и они, недовольно ворча, разошлись в стороны. Рэндом держал Моргенштерна за уздечку, но с трудом справлялся с конем.

— Что ты можешь теперь сказать в свою защиту, мой дорогой брат?— спросил я.

Его лицо оставалось бесстрастным, на нем ничего не отразилось. Но в глазах зажегся холодный голубой огонь.

— Если ты собираешься прикончить меня, то не стоит терять времени,— сказал Джулиан.

— Я смогу сделать это, когда захочу,— сообщил я ему, любуясь, сам не знаю почему, комыями грязи, прилипшими к его белым доспехам.— Ну а пока я хочу узнать, что ты даешь за свою жизнь?

— Все, что принадлежит мне. И можешь не сомневаться.

Я отступил на два шага назад.

— Вставай и садись в машину, на заднее сиденье,— сказал я.

Ни слова не говоря, Джулиан поднялся на ноги, и, прежде чем он усеялся, я отобрал у него кинжал. Рэндом сел на свое место спереди и, развернувшись, направил пистолет с заряженной обоймой прямо в голову Джулиана.

— Почему бы просто не убить его?— спросил он.

— Мне кажется, он нам еще пригодится,— ответил я.— Есть некоторые вещи, о которых мы с тобой еще не знаем. А нам предстоит долгий путь.

Включив зажигание, я тронулся с места. Собаки дружно припустили за машиной, а Моргенштерн пристроился сбоку.

— Боюсь, что как пленник я не дорого стою,— заметил Джулиан.— Я не так много знаю. И даже если ты надумаешь пытать меня, я не смогу рассказать больше того, что мне известно.

— Хорошо, рассказывай,— предложил я.

— Когда началась вся эта паршивая игра,— начал он,— положение Эрика было самым прочным. Ведь он остался в Амбере. Во всяком случае, мне так казалось, и я предложил ему свои услуги. Возможно, я поступил бы так же, если на его месте был бы кто-нибудь из вас. Эрик поручил мне охрану Арденского леса, так как это один из основных маршрутов. Жерар контролирует южные подступы, а Каин находится в северных водах.

— А что делает Бенедикт?— спросил Рэндом.

— Понятия не имею. Я ничего о нем не слышал. Может быть, он с Блейзом. А может, в одном из Отражений. Вполне вероятно также, что он давно мертв... Прошло много лет с тех пор, как я получил о нем последнюю весть.

— Сколько у тебя в Ардене людей?— спросил Рэндом.

— Больше тысячи,— ответил он.— Некоторые почти наверняка наблюдают сейчас за вами.

— Если они не хотят, чтобы ты неожиданно скончался, то этим они должны ограничиться,— сказал Рэндом.

— Ты, естественно, прав,— сказал он.— Должен признаться, Корвин, ты поступил очень разумно, что не убил меня на месте, а взял с собой. Теперь тебе, возможно, удастся проехать через лес.

— Ты хочешь жить, потому и говоришь так,— не унимался Рэндом.

— Да, я хочу жить. Вы отпустите меня?

— В честь чего?

— Я ведь дал вам кое-какую информацию.

Рэндом засмеялся.

— Ты почти ничего не рассказал, и я уверен, что под пыткой твой язык развязался бы намного лучше. Мы еще займемся этим. Я думаю, вскоре нам предоставится случай остановить машину, и тогда...

Рэндом взглянул на меня.

— Посмотрим,— сказал я.— А где Фиона?— спросил я Джулиана.

— По-моему, где-то на юге, точно не знаю,— ответил он.

— А Дейдра?

— Не знаю.

— Льюивилла?

— В Рэмбе.

— Ладно,— сказал я.— Похоже, ты действительно сказал все, что знаешь.

— Да.

Дальше мы ехали в полном молчании. Лес постепенно начал редеть. Я давно уже потерял из виду Моргенштерна, но иногда видел орла Джулиана. Дорога свернула, и теперь мы направлялись к проходу между двумя пурпурными горами, который был достаточно узок.

— Удобное местечко для возведения баррикад. Кажется мне, нас здесь поджидают,— заметил Рэндом.

— Звучит правдоподобно,— сказал я.— Как считаешь, Джулиан?

Он вздохнул.

— Вы правы,— согласился он.— Скоро появятся. Но я думаю, у нас не возникнет затруднений.

Затруднений действительно не возникло. Мы подкатили к воротам, и, когда сторож в зеленой с коричневым одежде подошел к нам, я указал большим пальцем на заднее сиденье и спросил:

— Понятно?

Ему все стало ясно, к тому же он узнал нас.

Пока мы ехали через перевал, нам открыли еще двое ворот. Орла я больше не видел; наверное, он устал. Поднявшись в горы на несколько тысяч футов, я остановил машину на дороге, проходящей у самого обрыва. Справа от нас была глубокая пропасть.

— Выходи,— сказал я Джулиану.— Пришла пора поразмять ноги.

Он побледнел.

— Я не собираюсь унижаться и не буду вымаливать у вас жизнь.

Я вышел из машины.

— Вот дьявол!— сказал я.— Передо мной лет двадцать никто не унижался! Жаль. Ну что ж, подойди чуть ближе к краю, пожалуйста, и встань вот здесь,— я указал рукой.

Рэндом все еще держал пистолет, нацеленный в голову Джулиана.

— Не так давно,— продолжал я,— ты собирался предложить свою помощь каждому, кто оказался бы на месте Эрика. Не так ли?

— Да, так.

— Посмотри вниз.

И он посмотрел. Глубоко-глубоко.

— Хорошо,— сказал я,— припомни свои слова, если все неожиданно изменится. И запомни того, кто подарил тебе жизнь, когда любовью другой отобрал бы ее у тебя.— Нам пора, Рэндом, поехали,— добавил я.

Мы так и оставили его стоять на краю пропасти. Его брови были нахмурены, он тяжело дышал.

Когда у нас почти кончился бензин, мы были уже на вершине перевала. Я выключил мотор, поставил передачу на нейтральную, и машина начала долгий спуск вниз.

— Я сейчас думаю о том,— сказал Рэндом,— что ты не потерял

проницательности и прозорливости ума. После того, что Джулиан пытался с нами сделать, я наверняка убил бы его. Но мне думается, ты поступил правильно. Сейчас я почти уверен, что если нам удастся переиграть Эрика, Джулиан поддержит нас. Впрочем, я уверен, что он сейчас же доложит обо всем случившемся Эрику.

— Естественно,— сказал я.

— К тому же у тебя гораздо больше причин желать его смерти, чем у любого из нас.

Я улыбнулся.

— Личные чувства всегда мешают доброй политике, деловым отношениям и юридическим решениям.

Рэндом прикурил две сигареты и протянул одну мне.

Глядя сквозь табачный дым вниз, я впервые увидел здешнее море. Под темно-голубым, почти вечерним небом, на котором висел золотой диск солнца, море выглядело, как толстый слой краски. Когда я смотрел на него, мне становилось не по себе. Море напоминало гофрированную ткань королевского голубого одеяния, только цвет его был пурпурным. Вдруг я понял, что говорю на языке, о существовании которого даже не помнил. Я декламировал "Балладу о мореходах", а Рэндом внимательно меня слушал. Когда я замолчал, он спросил:

— Многие думают, что эту балладу написал ты. Это правда?

— Я уже плохо помню,— ответил я и тут же добавил,— это ведь было так давно.

Дорога все больше и больше отклонялась влево. Мы постепенно углублялись в покрытую деревьями долину, и море разливалось прямо перед нашими глазами.

— Маяк Кабры,— прошептал Рэндом, указывая рукой на величественную серую башню, которая возвышалась над водой далеко в море.— Я даже забыл совсем, что он существует.

— Представь себе, я тоже,— сказал я.— Какое это дивное чувство— возвращение домой.

Тут я понял, что язык, которым мы сейчас пользовались, назывался "Таря".

Мы окончательно спустились с гор, продолжая катиться по инерции сколько было можно, а потом я снова включил мотор.

Его громкий звук заставил выпорхнуть из кустов стайку черных птиц. Из-за дерева появилась серая тень, скорее всего, волк, и метнулась в самую гущу кустарника.

Проезжая по лесистой долине, мы неуклонно приближались к морю. Деревьев, в отличие от Арденского леса, здесь было не так много.

Позади остались горы. Чем дальше мы проникали в долину, тем больше могли оценить красоту природы, красоту гигантских нагромождений скал. Горы спускались к морю, становясь все более пологими. Они переливались зеленым, пурпурным и золотым цветами. Обращенные к морю склоны гор были невидимы из долины, последний ве-

личайший пик покрывала вуаль призрачных облаков. Внезапно пробившиеся лучи солнца засверкали огнями. Я подумал, что до этого пика, который и был нашей целью, осталось миль тридцать. Меня переполняла энергия. Рэндом смотрел в ту же сторону.

Все мое внимание занимала машина, но все же я заметил, что мои штаны приобрели какой-то блеск, которого раньше они не имели. Почему-то они стали заметно сужаться к коленям. Манжеты на моей рубашке исчезли, а сама рубашка превратилась в темную куртку с серебряным отливом. Я посмотрел на рубашку. Теперь она больше походила на куртку и была темной с серебряным отливом. Мой пояс тоже изменился — он стал значительно шире.

— Одет я, кажется, достаточно эффектно, — промолвил я, решив проверить, как отреагирует Рэндом.

Он ухмыльнулся. На нем самом откуда-то появилась другая одежда. Коричневые с красным брюки, оранжевая рубашка с коричневым воротником и манжетами. Рядом на сиденье лежала коричневая фуражка с желтым козырьком.

— Мне было интересно, когда же ты, наконец, заметишь, — сказал он. — Как себя чувствуешь?

— Прекрасно, — ответил я. — Кстати, у нас почти совсем не осталось бензина.

— Сейчас мы уже не успеем что-либо предпринять, — сказал он. — Теперь мы в реальном мире, и работа с Отражениями потребует максимального напряжения, к тому же машину тут же приметят. Нам придется ее бросить.

Примерно мили через две так и пришлось поступить. Съехав на обочину дороги, я остановился. Солнце садилось на западе, и тени быстро сгущались.

Я полез на заднее сиденье, где вместо моих ботинок лежали уже черные сапоги. Пока моя рука нащупывала их, что-то зазвенело. Это "что-то" оказалось относительно тяжелой серебряной шпагой в ножнах. А ножны были точно по размеру моих застёжек на поясе. Черный плащ с застёжкой в виде розы из серебра лежал там же, на заднем сиденье.

— Я надеюсь, ты не думал, что это потеряно уже навсегда?

— Честно говоря, я вообще не думал об этом... — неопределенно ответил я.

Захлопнув дверцы машины, мы пошли вперед. Вечер был наполнен прохладой и тонкими ароматами. Солнце уже почти скрылось, и на востоке начали появляться звезды.

Дорога сама вела нас. Было тихо, но Рэндом нарушил тишину.

— Что-то не особенно мне это нравится.

— Что ты имеешь в виду?

— Слишком легко нам все удастся, — ответил он. — Слишком гладко. Проехать через весь Арденский лес и не встретить никаких препятствий... Только Джулиан пытался помешать нам, но к тому

времени мы продвинулись уже достаточно далеко. Я начинаю подозревать, что нам просто не хотели мешать.

— Почему?

— Мы зашли слишком далеко, но слишком быстро,— ответил он.— Такого не бывает! Впрочем, сейчас мы в реальном мире, и назад пути нет. Мы не можем воспользоваться Отражениями, нам остается положить только на свои шпаги.

Его серебряная шпага была несколько короче моей, но при нем выглядела не менее внушительно.

— Мне кажется,— продолжал он,— что мы оказались здесь не вопреки желанию Эрика, а скорее, наоборот, по его воле. Я предпочел бы драться за каждый дюйм пути. Впрочем, если мы здесь, значит, придется положиться на волю случая.

— Какая прекрасная ночь,— сказал я Рэндому.

— Да... Но что это?

Где-то позади нас послышалось легкое шуршание в кустарнике.

— Может, какое-нибудь животное?

Шпага моментально очутилась в его руке.

Мы подождали несколько минут, но больше ничего не услышали.

Рэндом вложил шпагу в ножны, и мы двинулись дальше.

Звук позади нас больше не раздавался, но через несколько минут я услышал шуршание впереди.

Я взглянул на Рэндома. Тот кивнул головой, и мы стали продвигаться еще осторожнее.

Впереди нас на довольно приличном расстоянии появились световые блики, похожие на костер.

Никаких звуков слышно не было.

— По-моему,— заметил Рэндом,— мы направляемся прямо зверю в пасть. Есть великолепная возможность угодить в поджидающую нас ловушку.

Несколько минут мы шагали в полном молчании. Затем я спросил:

— Может, засада? В этих лесах до странности спокойно.

— Все может быть.

Мы прошли, наверное, мили две, когда солнце окончательно скрылось. Ночь была черной, небо усыпано бриллиантами звезд.

— Не совсем подходящий способ передвижения для нас,— заметил Рэндом.

— Да уж.

— Но я почему-то боюсь создать лошадей.

— Я тоже,— соврал я.

— Как ты думаешь, что нас ждет дальше?

— По-моему, дело дрянь,— сказал я.— У меня сложилось впечатление, что скоро они дадут о себе знать.

— Может, уйти с дороги?

— Я только что подумал об этом,— вновь солгал я.— Свернем-ка в лес. Во всяком случае, это нам не повредит.

Что мы и сделали.

Нам приходилось двигаться среди деревьев, мимо темных причудливых кустов и скал. Над нашими головами медленно поднималась большая, серебряная, как лампада, освещающая ночь луна.

— У меня все время такое чувство, что мы не сможем пройти,— сказал Рэндом.

— А можно ли доверять твоему чувству?— спросил я.

Я махнул рукой в сторону костра, но Рэндом просто пожал плечами. И мы пошли направо, к огню.

Почти целый час ушел на путь к чьей-то стоянке. Когда же мы подошли достаточно близко, то увидели следующее. Вокруг костра сидели четыре человека, и еще двое спали в тени неподалеку. К дереву была привязана девушка. Голова ее была повернута в другую сторону, но, когда я увидел ее фигуру, мое сердце сильно забилося.

— Неужели это...

— Во всяком случае,— откликнулся Рэндом,— похожа.

В это время она повернула голову, и я сразу узнал ее.

— Дейдра!

— Хотелось бы мне знать, что натворила эта ведьма,— сказал Рэндом.— Судя по одежде этих людей, можно предположить, что ее ведут обратно в Амбер.

Я посмотрел на стражу. Они были одеты в черное, красное и серебряное. Насколько я помнил, это были цвета Эрика.

— Раз она нужна Эрику, значит, он ее не получит,— сказал я.

— Лично мне Дейдра безразлична,— прошептал Рэндом,— но тебе она всегда нравилась, а следовательно...

Он вынул шпагу из ножен.

Я поступил точно так же.

— Приготовься,— сказал я ему. И поднялся во весь рост.

Мы бросились на них.

На всю битву у нас ушло несколько минут.

Дейдра смотрела на нас, и свет костра преобразил ее черты в подобие маски. Она плакала и смеялась, выкрикивая наши имена громким, но все же испуганным голосом. Я перерезал стягивающие ее веревки и помог удержаться на ногах.

— Привет, сестренка. Не желаешь ли присоединиться к нам? Мы направляемся в Амбер.

— Нет,— ответила она.— Спасибо за то, что спасли мою жизнь, но я предпочитаю жить и дальше. Будто мне не известно, для чего вы туда идете.

— Разыгрывается трон,— сказал Рэндом, и это была новость для меня,— а мы— заинтересованные стороны.

— Если у вас осталась хоть капля разума, то вы не станете играть в эту игру и поживете подольше,— сказала она.

Боже! Как она была красива, хоть и выглядела усталой и лицо выпачкано грязью.

Мне захотелось обнять свою сестру, и я слегка прижал ее к груди. Рэндом где-то откопал наполненный вином мех, и мы все с удовольствием выпили.

— Эрик пока единственный принц в Амбере, и все войска повинуются ему, — сказала Дейдра.

— Я не боюсь Эрика, — ответил я, хотя совершенно не был в этом уверен.

— Он ни за что не позволит войти тебе в Амбер, — сказала Дейдра. — Я сама была пленницей, пока пару дней назад не убежала через потайной ход. Мне казалось, смогу отсидеться в Отражениях, пока все это не кончится. Но, к сожалению, так близко от реального мира сделать это очень трудно. Его воины нашли меня сегодня утром и повели обратно. Боюсь, после моего возвращения Эрик убьет меня. Раньше он относился ко мне как к марионетке, но, узнав о моем бегстве, думаю, взбесился.

— А чем занимается Блейз? — спросил Рэндом.

— Он насылает из Отражений разных чудовищ. Эрика это сильно беспокоит. Но Блейз еще ни разу не атаковал всеми силами, и это волнует Эрика намного больше. До сих пор не ясно, у кого будет корона и скипетр, хотя до сих пор Эрик не выпускает их из рук.

— Понятно. А о нас он что-нибудь говорил?

— О тебе, Рэндом, нет. А о Корвине говорил. Он по-прежнему боится, что Корвин вернется в Амбер.

— Дейдра, как ты думаешь, проникнуть в Амбер сложнее, чем сбежать оттуда? — спросил Рэндом.

— Следующие пять миль пути относительно спокойные, но потом каждый дюйм земли будет грозить всевозможной опасностью. Каждый камень — ловушка, каждое дерево — засада. Это все из-за Блейза и Корвина. Эрик хотел, чтобы вы дошли до этих мест. Отсюда практически невозможно уйти в Отражения и не так легко скрыться от Эрика. Ни один из вас не сможет проникнуть в Амбер и обойти при этом все ловушки.

— Но ведь ты смогла убежать...

— Это совсем другое дело. Во-первых, я бежала из города, а не старалась проникнуть туда. Во-вторых, он не следил за мной так, как за вами. Ведь я всего лишь женщина и не обладаю особым честолюбием. К тому же вы сами убедились, что мне это не удалось. Меня поймали.

— Ну теперь-то все в порядке, сестра, — сказал я. — Ты не будешь пленницей, пока я способен поднять шпагу в твою защиту.

Она сжала мою руку и поцеловала меня в лоб. Я всегда млел, когда она это делала.

— По-моему, за нами следят, — сказал Рэндом, и, повинаясь его жесту, мы скрылись в лесу.

Лежа за кустом, мы пристально смотрели назад, на тот путь, который только что проделали.

После достаточно продолжительного перешептывания мои брат и сестра сказали, что окончательное решение должен принимать я. Решение о чем? Я не знал этого. Претворяться дальше я не мог и решил открыть им мою тайну. Особенного доверия к ним у меня не было, но ведь они мои единственные союзники в этой странной для меня войне.

Еще раз взвесив все "за" и "против", я сознался во всем.

— Мои любимые родственники,— начал я.— Я должен вам кое-что сказать.

Не успел я договорить последнее слово, как рука Рэндома уже судорожно сжала рукоять шпаги. Значит, вот как обстоят дела с доверием между нами. В его глазах я прочел невысказанную мысль: "Корвин заманил меня сюда, чтобы предать".

— Если ты заманил меня сюда, чтобы предать,— сказал он,— то не думай, что сможешь взять меня живым!

— Не говори ерунды,— сказал я,— мне нужна твоя помощь, а не твоя жизнь. Мое признание очень простое. Я понятия не имею, что здесь происходит. Конечно, немного я догадываюсь, что такое Амбер и почему мы прячемся в кустах от каких-то войск. И если уж быть откровенным до конца, то не знаю даже, кто я такой.

Последовало продолжительное молчание. Затем Рэндом прошептал:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мы не понимаем тебя,— добавила Дейдра.

— Я хочу сказать, мне удалось одурачить тебя, Рэндом. Тебе должно было показаться странным, что в течение всего нашего путешествия я только и делал, что вел машину.

— Но ведь ты возглавляешь дело,— ответил он,— и я давал тебе возможность обдумать свои планы. А управлять Отражениями каждый может. К тому же во время пути ты вел себя достаточно прозорливо. Я знаю, что ты— Корвин.

— А мне довелось это узнать всего несколько дней назад,— сказал я.— Но мне точно известно, что я тот, кого вы зовете Корвином. Правда, совсем недавно я попал в автомобильную катастрофу. Получил несколько повреждений черепа. Когда станет светлее, я покажу вам шрамы. Наверное, во время аварии что-то случилось с моей памятью, я страдаю амнезией. Я не понимаю ни одного слова, когда вы говорите о каких-то "Отражениях". Я почти ничего не помню об Амбере. Мне вспомнились мои родственники, и я тут же усвоил, что не могу доверять им. Вот и все... Что тут можно предпринять?

— Господи!— сказал Рэндом.— Да, теперь я понимаю! Меня неоднократно удивляли кое-какие мелочи на протяжении всего пути... Расскажи-ка, Корвин, как тебе удалось провести Флору?

— Мне просто повезло,— ответил я.— Может быть, сработало подсознание. А может, нет. Флора глупа и ничего не заподозрила. Так вы поможете мне?

— Да, постараемся,— сказала мне Дейдра и добавила, обращаясь к Рэндому:— Как ты думаешь, мы сможем уйти отсюда в Отражения?

— Наверное,— ответил тот.— Но я против. Мне бы очень хотелось видеть Корвина в Амбере, а голову Эрика— на копье. Пожалуй, я рискну поспособствовать этому и не собираюсь уходить в Отражения. Можешь идти одна, сестренка. Вы все считаете меня хвастуном и слабаком. Что ж, посмотрим! Во всяком случае, я от своего не отступлюсь.

— Спасибо, Рэндом,— сказал я.

— Видно, правду говорят, что встречаться при лунном свете— дурная примета,— заметила Дейдра.

— Ну да, куда лучше быть привязанной к дереву,— сказал Рэндом, и она не нашла, что ответить.

Мы продолжали лежать за кустом, стараясь не двигаться, и вскоре на поляну, где догорал костер, вышли трое воинов. Они огляделись вокруг. Потом один из них нагнулся и понюхал землю.

Через несколько секунд они уже смотрели в нашу сторону.

— Уэйры,— прошептал Рэндом, когда они двинулись к нам,— что означает "оборотни".

Все, что произошло далее, я видел, как сквозь туман. Они упали на четвереньки, и лунный свет как-то странно засеребрил их серые шкуры. Я ощутил на себе взгляд шести горящих глаз.

Когда моей серебряной шпагой был убит первый волк, в ночи раздался человеческий вопль. Рэндом тем временем одним ударом рассек голову второму. К своему изумлению, я увидел, как Дейдра подняла третьего волка в воздух и переломила ему позвоночник, как-будто сухую спичку.

— Быстро проткни их своей шпагой!— закричал Рэндом.

Я воткнул серебряное лезвие сначала в его волка, потом в оборотня, которому Дейдра сломала хребет, и раздался еще два человеческих вопля.

— Нам нужно убраться отсюда быстрее,— сказал Рэндом.

Мы последовали за ним.

— Куда мы направляемся?— спросил я примерно через час блужданий по лесу.

— К морю,— ответил Рэндом.

— Зачем? Вы хотите искупаться?— удивился я.

— Подводный город Рэмба хранит память принца Корвина.

— Как это?!

— Лабиринт в Рэмбе поможет тебе все вспомнить,— объяснил Рэндом.

— Сначала тебя там убьют, а потом скормят твои куриные мозги рыбам,— вмешалась в разговор Дейдра.

— Я не думаю идти с вами до конца. Мы расстанемся на берегу. Дейдра, ты переговоришь с Мойрой.

— Ты хочешь, чтоб Корвин вновь прошел Лабиринт?

— Да,— ответил Рэндом.

— Но это слишком рискованно.

— Знаю... Слушай, Корвин,— обратился он ко мне.— Все время, пока мы были вместе, ты вел себя честно, поэтому я хочу предупредить тебя. Если по какой-то роковой случайности ты на самом деле не Корвин, то тебе придется умереть. Однако я не верю в это. Ты не можешь быть никем другим. Даже ничего не помня, ты вел себя как истинный принц Амбера. Тебе стоит рискнуть и попробовать пройти то, что мы называем Лабиринтом. Есть шанс восстановить свою память. Рискнешь?

— Может быть,— ответил я.— Что такое Лабиринт и Рэмба?

— Рэмба— это город,— пояснил он,— отражение Амбера под водой. Всё, что есть в Амбере, отражается в Рэмбе. Подданные Льюивиллы живут там так же, как подданные Амбера. За кое-какие мои прошлые проделки они ненавидят меня, поэтому я не буду спускаться туда вместе с тобой. Поговори с ними откровенно, намекни на свою миссию, и они наверняка позволят тебе пройти Лабиринт Рэмбы. Хоть он и является всего лишь зеркальным отражением того, что находится в Амбере, он имеет ту же силу. Иначе говоря, он дает законному сыну своего отца власть над Отражениями.

— Каким образом это может мне помочь?— спросил я.

— Корвин, это поможет тебе узнать, кто ты на самом деле.

— Тогда я рискну.

— Хорошо. В таком случае нам надо продолжать двигаться на юг. Понадобится несколько дней, чтобы дойти до лестницы... Дейдра, ты пойдешь с нами?

— Я пойду с моим братом Корвином.

Я предполагал, что она именно так и ответит. И мне было радостно. Я немного боялся будущего, но я был рад.

Удачно избежав встречи с тремя вооруженными отрядами, мы за ночь добрались до пещеры и под утро заснули в ней.

Глава 5

Прошло еще два дня, прежде чем мы достигли серо-розовых песков побережья. Накануне мы видели несколько солдат, одетых в цвета Эрика, поэтому опасались выходить на открытое место, не будучи точно уверены в том, что мы находимся перед Файелабионией— лестницей, ведущей в Рэмбу.

Солнце уже поднималось, и волны поблескивали под его лучами, слепя глаза. Два дня мы питались одними фруктами и запивали их водой. Я был немного голоден, но позабыл обо всем, как только увидел берег моря, усыпанный кораллами. Он был покрыт оранжевым, розовым и красным песком, из которого торчали ракушки, случайные деревянные обломки и отполированные водой камни. А за берегом

было море. Оно поднималось и опадало. Легкий бриз пел свою песню под фиолетовым небом восхода. И песня эта казалась мне благословением.

Оттуда, где мы стояли, была видна южная часть Амбера. Гора Кол-вир, спускаясь к западу, держала Амбер, как мать держит на руках свое дитя. Она находилась милях в двадцати к северу, слева от нас.

Дейдра дотронулась до моей руки и направилась к северу. Мы с Рэндом последовали за ней. Очевидно, ей попалась на глаза отметка, указывающая путь.

Мы прошли около четверти мили, когда нам показалось, что земля немного дрожит под ногами.

— Это стук копыт!— прохрипел Рэндом.

— Смотрите!— вскрикнула Дейдра, указывая вверх, на парящего в голубом небесном просторе орла.

— Далеко еще?— спросил я.

— Вон к тому каменному столбу,— ответила она.

Примерно в ста ярдах впереди я увидел каменный столб в форме треугольной пирамиды, сложенный из семи камней, отполированных временем, ветром, песком и водой.

Все отчетливее слышался стук конских копыт, и тут же прозвучал сигнал рога. Правда, звук был не такой, как у рога Джулиана.

— Бежим!— крикнул Рэндом.

Мы успели пробежать шагов двадцать пять, когда орел снизился. Он попытался налететь на Рэндома, но тот быстро выхватил шпагу. Тогда орел кинулся к Дейдре. Я обнажил свою шпагу и попробовал поразить его. Полетели перья. Орел взвился вверх и снова спикировал на нас. На сей раз моя шпага наткнулась на что-то твердое. Я не был уверен, но мне показалось, что птица упала. Чтобы убедиться в этом, нужно было оглянуться назад, но у меня не осталось времени — мерный стук копыт звучал уже достаточно близко. Звуки рожка раздавались прямо за нашими спинами.

Мы добежали, наконец, до каменной пирамиды, и Дейдра свернула направо, к морю.

Я не собирался возражать человеку, который, видно, хорошо знал, что делает. Не задумываясь последовав за ней, я краем глаза увидел за собой всадников.

Они все еще были довольно далеко, но неслись по берегу во весь опор. Лаяли собаки, трубили рожки, это подгоняло нас, и мы с Рэндомом летели быстрее стрел. Вскоре нам пришлось вслед за нашей сестрой окунуться в волны прибоя.

Мы уже были в воде по пояс, когда Рэндом сказал:

— Если я останусь здесь, то погибну, но если я пойду с вами, то наверняка умру тоже.

— Первое неизбежно,— ответил я.— Что же касается второго, это еще неизвестно. Там видно будет. Пошли!

Мы двинулись вперед, ощущая под ногами какую-то каменистую

поверхность. Мне не было известно, каким образом мы будем дышать, когда вода накроет нас с головой, но Дейдра не проявляла никакого беспокойства, и я решил промолчать.

Когда воды уже было по горло и она затекала в уши и нос, я испугался. Но Дейдра продолжала идти вперед, и я следовал за ней. Рэндом шел за нами.

Внезапно я понял: то, по чему мы двигались, и есть гигантская лестница Файелабиония.

Еще один шаг, и вода накроет меня с головой. Дейдры уже не было видно, ее скрыли волны.

Набрав полную грудь воздуха, я шагнул вслед за ней.

Вниз вели ступени, и приходилось идти по ним. Немного удивило то, что меня не выталкивает на поверхность и я продолжаю держаться прямо. Я спокойно спускался по лестнице, хотя мои движения и были несколько замедлены. Интересно, что я буду делать, когда в моих легких кончится воздух?

Над головами Дейдры и Рэндома поднимались пузырьки воздуха. Решив понаблюдать, что они делают, я понял — у меня ничего не выйдет. Их грудь вздымалась самым естественным образом.

Мы спустились примерно на десять футов ниже уровня моря, когда Рэндом, шедший слева от меня, обратился ко мне. Я услышал его голос. Это производило такой эффект, будто мое ухо прижато к раковине и каждое слово как бы ударяло в барабанную перепонку. Но я достаточно хорошо его слышал.

— Я думаю, даже если им удастся заставить лошадей спуститься сюда, то с собаками этот номер не пройдет, — сказал он.

— Как тебе удается дышать? — попытался сказать я и отчетливо услышал свой голос.

— Расслабься, — быстро ответил он. — Если ты задержал дыхание, то выпусти воздух и ни о чем не беспокойся. Если не сойдешь с лестницы, сможешь дышать совершенно спокойно.

— Но ведь такого не бывает! — удивился я.

— Если мы дойдем, ты сможешь все об этом узнать, — сказал он.

К этому времени мы спустились уже на двадцать футов, и, выдохнув из груди немного воздуха, я попытался вздохнуть.

Ничего особо странного не случилось, я просто дышал! Над моей головой также показались пузыри, но никаких неприятных ощущений я не испытывал.

Я не ощущал возрастающего давления. Лестница, по которой мы шли, виделась как бы сквозь зеленоватый туман. Она вела вниз — все дальше и дальше. И мы двигались по этой прямой лестнице. Вскоре впереди забрезжил неясный свет.

— Мы спасемся, если успеем пройти сквозь арку, — сказала Дейдра.

— Вы спасетесь, — поправил ее Рэндом, а я задумался, что же такое он натворил, если так боится Рэмбы.

— Если они едут на лошадях, которым раньше не доводилось спускаться сюда,— продолжал Рэндом,— то им придется спешиться и идти пешком. Тогда мы успеем.

— А может, они вообще бросили преследование,— предположила Дейдра.

Мы торопливо пошли дальше.

Вокруг нас стало темно и холодно, но свет впереди все усиливался, а еще через десять шагов я увидел и его источник.

Справа от меня возвышалась колонна. На ее вершине находился какой-то сверкающий шар. Примерно пятнадцатью ступеньками ниже такая же колонна стояла слева. Следующая находилась справа и так далее.

Когда мы пошли между колоннами, вода стала теплее. Лестницу теперь можно было разглядеть лучше. Она была белой с розовыми и зелеными прожилками, камень ее напоминал мрамор, но она не была скользкой. В ширину лестница была, вероятно, футов пятьдесят, по обеим ее сторонам тянулся широкий барьер из такого же камня.

Мимо нас проплывали рыбы. Оглянувшись назад, я не заметил погони.

Стало гораздо светлее. Мы вошли в ярко освещенное пространство. Но свет исходил не от сверкающих шаров. Раньше мой мозг пытался придумать рациональное объяснение происходящему, поэтому я решил, что источником света был шар. На самом же деле это было пламя фута в два высотой. Оно танцевало на самом верху колонны, напоминая гигантский факел.

Так как спускались мы очень быстро, то я решил сэкономить дыхание и спросить, что это такое, потом.

Мы вошли в эту аллею и миновали уже шесть колонн, когда Рэндом сказал:

— За нами гонятся.

Оглянувшись, я увидел вдалеке спускающиеся фигуры, четыре из них были верхом на лошадях.

— Черт с ними,— сказал я и взялся за рукоятку своей шпаги.— После всего, что мы испытали, я чувствую в себе достаточную силу.

Все же мы еще более ускорили шаги. Вода со всех сторон стала похожа на чернила. Только лестница была освещена. Мы бежали вниз с сумасшедшей скоростью, и в отдалении я увидел нечто, напоминающее огромную арку.

Дейдра неслась, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Вокруг нас все дрожало от стука копыт. Целиком заполняющая лестницу группа воинов была еще далеко от нас, но четверо всадников приблизились значительно. Мы бежали за Дейдрой изо всех сил.

Три, четыре, пять... Нам удалось пробежать пять колонн, потом я снова оглянулся и увидел всадников футах в пятидесяти от нас, но тех, кто шел следом, практически не было видно. Грандиозная арка

вздыхалась впереди. Она была огромной и сверкала, как алмаз. На ней были вырезаны тритоны, русалки, нимфы и дельфины. Казалось, что по другую ее сторону стоят люди.

— Им, видно, интересно, зачем мы сюда явились,— сказал Рэндом.

— Если мы не успеем, то этот интерес останется чисто академическим,— проронил я, обернувшись и обнаружив, что всадники приблизились еще футов на десять.

Тогда я вытащил из ножен свою шпагу, и лезвие сверкнуло при свете факелов. Рэндом сделал то же самое.

Чтобы нас просто не задавили, пришлось повернуться к арке спиной.

Они приблизились к нам почти вплотную. Арка находилась всего в ста футах позади нас. Но если нам не удастся справиться с этими четырьмя, то она могла быть с таким же успехом и за сто миль.

Я пригнулся, когда наездник, несшийся на меня, взмахнул саблей. Позади него находился второй воин, поэтому, естественно, я двинулся влево, поближе к краю лестницы. Саблю он держал в правой руке, таким образом, при нападении ему мешало его собственное тело.

Когда он ударил, я парировал и тут же сам сделал выпад. Нападая, он далеко отклонился в седле, и острие моей шпаги вонзилось ему в горло.

Сильный поток крови поднялся, как алый туман, и заколебался в зеленом свете. Сумасшедшая мысль молнией мелькнула у меня в голове: хорошо бы Ван Гог был здесь и видел все это.

Тут появился второй всадник, и я набросился на него сзади.

Он обернулся и попробовал сопротивляться. Но скорость, с какой неслась его лошадь, и сила моего удара выбили его из седла. Пока всадник падал, я ударил его ногой, так что он подлетел вверх. Я вновь сделал выпад, пока он висел над моей головой, и ему удалось отразить его, но на этот раз его вынесло за пределы лестницы. Послышался короткий вопль, когда моего противника раздавило водой.

Я посмотрел на Рэндома. Тот уже убил и лошадь, и всадника, а теперь дрался на ступеньках лестницы с другим подоспевшим воином. Я бросился к Рэндому, но все уже было кончено. Он убил противника и теперь смеялся. Кровь вилась над трупами, а я внезапно вспомнил, что на самом деле был знаком с сумасшедшим Ван Гогом, и еще раз пожалел, что он не мог всего этого нарисовать.

Пешие солдаты находились футах в ста от нас, так что нам пришлось быстро повернуться и поспешить к арке. Дейдра уже успела пройти под ней.

Когда мы вошли в арку, увидели стоявших по ту сторону воинов Рэмбы. Их шпаги, вынутые из ножен, сверкали. Видя это, наши преследователи поспешили скрыться. Рэндом вложил свою шпагу в ножны, я сделал то же самое. "Теперь мне крышка",— прошептал он.

Люди, вышедшие, чтобы защитить нас, узнали Рэндома, и были

явно удивлены его появлению в подводном городе. Но их удивление длилось не долго, Рэндому было приказано сдаться и отдать свою шпагу, что он и сделал, пожав плечами. Два человека встали по бокам от него, а третий пристроился сзади. Мы продолжили спуск по Файе-лабионии.

Из-за воды, которая всюду нас окружала, я полностью потерял чувство времени и не мог сказать, как долго мы шли, пока не оказались возле входа в Рэмбу.

Золотые ворота города высились перед нами. Пройдя через них, мы оказались в городе. Все здесь было словно подернуто зеленой дымкой, сквозь которую изящные высокие здания казались сказочными. Да и все вокруг говорило мне, человеку из конца двадцатого века, что я попал в какой-то сказочный мир, где можно дышать под водой и драться на шпагах.

С того времени, как у Рэндома отобрали оружие, он не произнес ни слова. Мне не оставалось ничего, кроме как разглядывать наш эскорт. Его составляли мужчины с красными, зелеными и черными волосами. Глаза у них были зеленые или фиолетовые. Одежда была весьма оригинальна, но она более всего подходила к жизни в морской пучине. Большинство из них были одеты в костюмы из водорослей и кольчуги из раскрашенных ракушек. Они отобрали мою шпагу, и я ловил их косые взгляды. Никто из них не разговаривал с нами, только когда Дейдра спросила, в городе ли сейчас Льюивилла, она получила утвердительный ответ. По их лицам ничего нельзя было прочесть, и я решил: будь что будет.

Незаметно лестница перешла в улицу. Жители города поглядывали на нас из пятиугольных окон своих домов, когда нас вели по этой, видимо, главной улице Рэмбы. Вскоре мы повернули за угол, где прохладное течение подобно утреннему ветерку коснулось нас и мимо проплыли пучеглазые рыбы.

Когда мы оказались в центре города, перед нами предстал дворец. Боже, я знал его, как моя рука знала перчатку. Это была точная, зеркально отраженная копия дворца в Амбере!

Только здесь он был в зеленом тумане, и его окна отражали свет, будто зеркала.

В стеклянной комнате на троне сидела женщина, которую я почти вспомнил. Волосы ее были зелеными, серебряная нитка с нанизанными на нее жемчужинами поддерживала прическу. Ее глаза напоминали нефрит с черными вкраплениями, а брови разлетались, как крылья чаек. У нее был маленький рот и маленький подбородок, высокие скулы и очень свежие округлые щеки. Обруч белого золота был надет на лоб до бровей, и алмазное ожерелье обвивало шею. С него свисал большой сапфир, покоящийся между ее прелестных обнаженных грудей с бледно-зелеными сосками. Она была одета в короткие штанишки из морских водорослей, схваченные серебристо-голубым поясом. В правой руке она держала скипетр из розового коралла. На каждом ее

пальце было кольцо, и камень в каждом кольце имел свой оттенок синего цвета. Заговорив, она не улыбалась.

— Что ищете здесь вы, объявленные в Амбере вне закона?— спросила она, и голос ее был напевным, мягким, чуть шипящим.

Отвечать стала Дейдра.

— Мы бежим от гнева принца Эрика, который сидит в настоящем городе! Говоря откровенно, мы хотим, чтобы он пал. Если его любят здесь, то мы погибли, потому что отдали себя в руки врагов. Но я чувствую, что это не так. Мы пришли просить помощи, милая Мойра...

— Я не дам вам войск для нападения на Амбер,— ответила она.— Вы должны знать, что весь этот Хаос будет отражен и в моем королевстве.

— Но мы пришли просить тебя совсем не об этом, дорогая Мойра,— продолжала Дейдра.— Нам необходима маленькая услуга, и она не доставит хлопот ни тебе, ни твоим подданным.

— Тогда скажи, зачем вы пришли. Ты же знаешь, что Эрик нелюбим здесь почти так же, как это создание, которое стоит сейчас по твою левую руку,— тут она указала на моего брата, который стоял, гордо и вызывающе подняв голову, с иронической улыбкой, оттягивающей уголки губ.

— Если ему придется платить, то какая бы ни была цена за то, что он здесь натворил, он сделает это, как подобает настоящему принцу Амбера. Как много веков назад заплатили три моих брата,"— неожиданно вспомнил я. Он умрет, смеясь во все горло и издеваясь над ними, даже если изо рта его будет хлестать кровь, а тело будет подвержено пыткам. Умирая, он провозгласит страшное проклятие, которое обязательно исполнится. Я вспомнил, что у меня тоже была такая власть, и может быть, при определенных обстоятельствах мне придется ею воспользоваться...

— То, что я прошу,— сказала Дейдра,— нужно моему брату Корвину, который также является братом принцессы Льюивиллы, живущей здесь вместе с тобой. Насколько я знаю, он никогда не давал повода для обид...

— Да, верно... Но почему он не просит за себя сам?

— Это и есть наша просьба, госпожа. Он не может просить того, о чем ничего не знает. В результате катастрофы, которую он перенес в одном из Отражений, у него почти не осталось воспоминаний. Мы пришли сюда именно для того, чтобы восстановить его память, пусть он вспомнит все, что происходило с ним в прошлом. Тогда он сможет противостоять Эрику.

— Продолжай,— произнесла женщина на троне, бросив на меня взгляд из-под ресниц.

— В одном из уголков твоего дворца,— сказала Дейдра,— есть комната, куда заходят не многие. На полу в этой комнате чуть заметными линиями нанесен некий узор, который мы называем Лабиринтом. Только сын или дочь покойного короля Амбера могут пройти этот

Лабиринт и остаться в живых. А тому, кто сделал это, дается власть над Отражениями.

В этот момент Мойра несколько раз моргнула, и я тут же подумал о том, скольких своих подданных она отправила в эту комнату, чтобы приобрести еще большую власть.

— Мы считаем, что если Корвин пройдет Лабиринт, то вновь обретет свою память, память принца Амбера. Он не может отправиться в город, чтобы проделать все это, и здесь единственное место, где находится такой же Лабиринт, если не считать, конечно, Тир-на-Ног. Но, как ты сама понимаешь, туда идти невозможно.

Мойра взглянула на мою сестру, потом на Рэндому, перевела взгляд на меня.

— А как на это смотрит Корвин?— спросила она.

Поклонившись, я сказал:

— Положительно, госпожа моя.

И тогда она улыбнулась.

— Ну что же, в таком случае даю тебе свое разрешение. Однако за пределами своего государства я не могу гарантировать вам безопасность.

— Что вы, ваше величество,— сказала Дейдра,— мы не ожидаем иной милости, кроме той, о которой просили. А обо всем другом мы позаботимся сами.

— Кроме Рэндому,— возразила Мойра,— о котором позабочусь я.

— Что ты хочешь этим сказать?— спросила Дейдра, так как Рэндом не мог говорить за себя.

— Ты, наверно, помнишь,— ответила она,— однажды принц Рэндом явился ко мне в гости как друг, а затем поспешил удалиться вместе с моей дочерью Маргаритой.

— Я слышала об этом, леди Мойра, но не совсем верю в справедливость слухов.

— Это правда,— ответила Мойра,— и через некоторое время моя дочь вернулась ко мне и вскоре родила сына. А спустя несколько месяцев после рождения Мартина она покончила с собой. Что ты на это можешь сказать, принц Рэндом?

— Ничего.

— Став совершеннолетним,— продолжала Мойра,— Мартин решил пройти Лабиринт. И он единственный из всех, кому это удалось, ведь в его жилах та же кровь, что и у принцев Амбера. Но потом он исчез в каком-то Отражении, и я с тех пор его не видела. Так я потеряла дочь и внука. Что ты скажешь на это, принц Рэндом?

— Ничего.

— Я должна подвергнуть тебя наказанию,— продолжала Мойра.— Ты женишься на женщине по моему выбору и останешься с ней ровно на год. В противном случае готовься расстаться с жизнью. Ты выбираешь жизнь, принц Рэндом?

Он ничего не ответил, только кивнул головой.

Мойра ударила скипетром по ручке трона.

— Очень хорошо,— сказала она.— Да будет так.

После этого мы отправились в отведенные нам покои, чтобы отдохнуть с дороги. Очень скоро Мойра появилась на пороге моей комнаты.

— Проходи, Мойра,— пригласил я.

— Лорд Корвин из Амбера,— торжественно сказала она,— часто я мечтала увидеть тебя.

— А я тебя,— солгал я.

— Твои подвиги— это живая легенда.

— Благодарю, но я все равно ничего не помню.

— Могу я войти к тебе?

— Конечно,— ответил я и сделал шаг в сторону.

Она вошла в комнату, которую сама для меня выбрала.

— Когда ты хочешь пройти Лабиринт?

— Чем скорее, тем лучше.

Она наклонила голову, обдумывая мои слова, потом спросила:

— В каком из Отражений ты жил?

— Очень далеко отсюда,— ответил я.— В месте, которое научился любить.

— Довольно странно, что принц Амбера сохранил такое чувство.

— Какое именно?

— Любовь,— ответила она.

— Возможно, я избрал неверное слово...

— Не думаю,— сказала она.— Баллады Корвина всегда затрагивают самые живые струны души.

— Госпожа слишком добра ко мне.

— Но я права,— добавила она.

— Когда-нибудь я сочиню балладу в твою честь.

— А чем ты занимался, пока был в Отражениях?

— Моя память позволяет сделать вывод, мадам, что я был профессиональным солдатом. Я воевал за того, кто платил. Но кроме этого, я еще сочинил слова и музыку многих популярных песен.

— И то и другое мне кажется вполне естественным.

— Если можно, скажи, что будет с моим братом Рэндомом?

— Он женится на девушке по имени Виала. Она моя подданная, но слепа и потому не имеет поклонников среди местных вельмож.

— Ты считаешь, что для нее это будет хорошо?— спросил я.

— Да. Именно таким способом она завоюет себе довольно видное положение,— ответила Мойра,— несмотря на то, что через год он уйдет и больше не вернется. Но все же, что бы ни говорили о Рэндо-ме, он — принц Амбера.

— А вдруг она полюбит его?

— Неужели любовь все-таки существует на самом деле?

— Я, например, люблю его как брата.

— Сын Амбера впервые в жизни произносит такие слова, и я отношу их за счет твоего поэтического темперамента.

— Что бы ни произошло, — сказал я, — надо быть твердо уверенным, что для девушки это лучший выход из положения.

— Я долго думала над этим, — промолвила она, — и убеждена в правильности своего решения. Какой бы силы ни был удар, она оправится от него, а после ухода Рэндома Виала станет одной из первых дам моего королевства.

— Пусть будет по-твоему, — сказал я и отвернулся, потому что меня неожиданно охватило чувство жалости к этой девушке.

— Ты, Корвин, единственный принц Амбера, которому я могу оказать поддержку, — сказала она, — может быть, еще Бенедикту. Но о нем ничего не известно вот уже двадцать лет, и один Лир знает, где могут лежать его кости.

— Я этого не знал, — сказал я. — У меня все в голове перепуталось. Не обращай внимания. Мне будет не хватать Бенедикта, и не дай Бог, если он действительно мертв. Он был моим военным наставником и научил меня владеть всеми видами оружия. Кроме того, он был ласков со мной.

— Так же, как и ты, Корвин, — прошептала она, беря меня за руку и притягивая к себе.

— Не совсем так, — возразил я, присев на кровать рядом с ней.

— У нас еще много времени до того, как подадут обед, — заметила она через некоторое время и прильнула ко мне мягким плечом.

— А когда его подадут? — спросил я.

— Когда я прикажу, — ответила она, заглянув мне в глаза.

Мне ничего не оставалось сделать, как прижать ее к себе, нащупывая застежку пояса, который окватывал ее тонкую талию. Ее кожа была очень светлой и теплой.

Я подарил ей свою балладу на этой постели, и губы ее отвечали мне без слов.

Во время обеда я научился искусству есть под водой, о котором расскажу подробнее, если в этом возникнет необходимость. Пообедав, мы встали из-за стола, накрытого в высоком мраморном зале, декорированном красно-коричневыми сетями и лесками. Наш путь назад лежал по длинному коридору, все вниз и вниз, следуя рельефу морского дна. Мы спустились по винтовой лестнице, которая светилась и сверкала в окружающей нас абсолютной темноте. Ступенек через двадцать мой брат сказал:

— К черту!

И, сойдя с лестницы, поплыл рядом с ней.

— Так гораздо быстрее, — пояснила Мойра.

— А нам долго идти, — подсказала Дейдра, знакомя об этом по Амберу.

Прошло около получаса, прежде чем мы достигли дна. Когда наши ноги коснулись его, вода совсем не ощущалась. В нишах горели небольшие факелы, которые освещали наш путь.

— Почему эта часть океана, являясь копией Амбера, так не похожа на то, что мы видели до сих пор?— спросил я.

— Потому что так и должно быть,— ответила Дейдра, и ее ответ почему-то вызвал во мне раздражение.

Мы находились в огромной пещере, из которой во множестве направлений расходились туннели. По одному из них мы и пошли.

Путь наш был долог, и я уже потерял счет времени. Вскоре от туннеля пошли боковые ответвления, входы которых были закрыты чугунными решетками или тяжелыми дверями. У седьмого по счету входа мы остановились.

Тяжелая, обитая металлом дверь была раза в два выше меня. Глядя на нее, я припомнил легенды об огромных тритонах. Мойра улыбнулась, и эта улыбка предназначалась мне. Затем она вытащила большой ключ и сунула его в замочную скважину. Однако повернуть его сил у нее не хватило. Наверное, дверь давно не пользовались.

Рэндом что-то пробурчал, и, небрежно отстранив Мойру, ухватился за ключ. Раздался щелчок, дверь открылась. Толкнув дверь ногой, Рэндом предоставил нам возможность заглянуть внутрь комнаты.

Размером она напоминала залу, на полу ее был начерчен узор, это и был Лабиринт. Черный пол блестел, как стекло. Он сверкал, как холодный огонь, чем и был на самом деле; он дрожал и переливался, и вся комната, казалось, меняла очертания в этом свете. От него исходило ощущение непреодолимой силы, которая и была сутью этих кривых. Но у самого центра было несколько прямых линий. Лабиринт напоминал мне сложные непередаваемые узоры, которые иногда машинально рисуешь, водя пером по бумаге. Мне показалось, что я угадываю слова "начало здесь". Сам Лабиринт был примерно ста ярдов в поперечнике и ярдов ста пятидесяти в длину.

В голове у меня зазвенело, в висках застучала кровь, а потом нахлынула уже привычная боль. В мозгу как будто загорелся огонь. Если я принц Амбера, то где-то в моих нервах, в моей крови, в моих генах Лабиринт должен быть каким-то образом закодирован. И я смогу пройти этот путь.

— Черт! Я бы не отказался сейчас от сигареты,— сказал я, и мои сестренки захихикали. Правда, слишком быстро и с большой готовностью. Это указывало на то, что они нервничают.

Рэндом взял меня за руку и сказал:

— Тебе предстоит тяжелое испытание, но нет ничего невозможно-го, иначе нас здесь сейчас не было бы. Иди очень медленно и, главное, не позволяй себе на что-нибудь отвлекаться. Когда с каждым твоим шагом вверх будет подниматься сноп искр, не волнуйся, они не могут причинить тебе вреда. Ты будешь все время чувствовать сильный поток, проходящий сквозь тебя, и через некоторое время станешь как пьяный. Но, несмотря ни на что, продолжай все время идти! Что бы ни произошло, не останавливайся и не сворачивай с пути! В противном случае, вполне возможно, что ты будешь убит.

Пока он наставлял меня, мы шли по правой стороне, огибая Лабиринт и двигаясь к его дальнему концу. Сестры шли за нами.

Наклокившись, я шепнул на ухо Рэндоу:

— Я пытался отговорить ее от того, что она для тебя уготовила, но ничего не вышло.

— Я так и думал, что ты сделаешь это, — сказал он. — Не волнуйся. Я могу целый год даже простоять на голове, ведь я очень терпелив. А может статься, меня отпустят и пораньше, если я очень уж надоем.

— Мойра выбрала тебе девушку по имени Виала. Она слепа.

— Отлично, — сказал он. — Великолепная шутка!

— Помнишь о регентстве, о котором мы говорили?

— Да.

— Будь добр с ней, останься здесь на год, и я выполню обещание.

Молчание. Потом он сжал мою руку.

— Договорились? — спросил я.

— Договорились.

Так мы дошли до того места, откуда начинался Лабиринт. Лабиринт освещал комнату и как бы внушал мне: "Иди, иди!" Я двинулся вперед и посмотрел на линию, горящую огнями. Она находилась недалеко от моей правой ноги.

Пройдя еще немного вперед, я встал на огненную тропинку. Изпод ног взлетели бело-голубые искры. Затем я сделал шаг и почувствовал тот поток, о котором предупреждал Рэндом.

Раздался треск, и у меня начали подниматься на голове волосы. Я сделал еще шаг. Тропинка стала круто заворачивать почти в противоположную сторону. Я сделал еще десяток шагов и испытал сопротивление, как-будто передо мной вырос невидимый барьер. Он толкал меня обратно с такой силой, с какой я продвигался вперед.

Я боролся с сопротивлением, продолжая идти. Внезапно я понял, что твердо знаю — это называется Первой Вуалью.

Пройти ее означает достижение, хороший знак, который говорит о том, что я действительно часть Лабиринта. Каждый шаг теперь требовал от меня колоссального напряжения.

Неожиданно давление резко снизилось. Вуаль расступилась передо мной так же внезапно, как и возникла. Я прошел ее и в результате что-то приобрел.

Приобрел частицу самого себя.

Я видел перед собой иссохшую кожу и торчащие во все стороны кости умерщвленных в Аухвице. Я знал, что присутствовал в Нюрнберге. Я слышал голос Стефана Спендера, читающего наизусть "Вену", я видел премьеру Брехта "Мать Отвага", поставленную на сцене. Я видел, как ракеты вылетали из стальных бункеров Пенемюнде, Вандерберга, Коннела, Кызыл-Кума, и я своими собственными руками трогал Великую Китайскую стену. Мы пили вино и пиво, и Шугарт сказал, что он в стельку пьян и пошел к девкам. А однажды я был в зеленых лесах западной резервации и за один день добыл три

скальпа. Когда мы маршировали, я напевал себе под нос "К моей блондинке", и эта песня прижилась. Я помнил... свою жизнь в том Отражении, которое его обитатели называли Землей. Еще три шага, и я уже держал в руках окровавленную шпату и смотрел на трех мертвецов. Сам я был на лошади, на которой и умчался после того, как во Франции произошла революция.

Я сделал еще один шаг...

Шаг к мертвым. Они были везде вокруг меня. Стояла жуткая вонь. Это был запах гниющей плоти. Я услышал вой собаки, избитой до полусмерти. Клубы черного дыма застилали все небо, и ледяной ветер обдавал меня каплями редкого дождя. Мое горло пересохло, руки тряслись, голова горела как в огне. Я шел, спотыкаясь, сквозь туман горячки, которая сжигала меня. Придорожные канавы были заполнены отбросами, дохлыми кошками и испражнениями. Позвякивая колокольчиком, обдав меня грязью, со скрипом проехала мимо похоронная телега.

Сколько я блуждал — не имею понятия. Очнулся, лишь когда какая-то женщина схватила меня за руку, а на ее пальце я увидел кольцо с Головой Смерти. Она привела меня к себе в комнату. Увидев, что у меня совсем нет денег, она принялась что-то несвязно бормотать. Потом ее раскрашенное лицо искажил страх. Страх смыл улыбку с красных губ, и она убежала, а я свалился на ее кровать.

Позже — опять-таки не помню когда — в комнату вошел огромный верзила, наверное, хозяин проститутки. Стащив меня с кровати, он отхлестал меня по щекам. Я уцепился за его правый бицепс и повис. Он полунес, полутолкал меня к двери.

Когда я понял, что он собирается выгнать меня на улицу, на холод, то сжал его руку сильнее. Моля о приюте, я стал сжимать ее изо всех сил.

Сквозь пот и слезы, застилавшие глаза, я увидел, как его лицо изменилось, и услышал страшный крик, вырвавшийся сквозь его крепко сжатые зубы.

В том месте, где я сжимал руку, кость была сломана.

Оттолкнув меня левой рукой, он, плача, упал на колени. Я сидел на полу, и в голове у меня на минуту прояснилось.

— Я остаюсь здесь, — с трудом сказал я, — пока не поправлюсь. Убирайся! А если ты вернешься, я убью тебя!

— У тебя чума! — закричал он. — Завтра придет телега за твоими костями, — с этими словами он поднялся на ноги и, спотыкаясь, пошел вон.

Каким-то чудом я добрался до двери и задвинул засов. Потом вернулся на кровать и заснул.

Возможно, за мной действительно приезжали на следующий день, но ничего, кроме разочарования, не испытали. Потому что где-то в середине ночи, примерно через десять часов, я проснулся в холодном

поту и понял, что моя болезнь побеждена. Я был очень слаб, но в рас-судке.

Мне довелось пережить чуму.

Я взял плащ мужчины, висевший в шкафу, и немного денег, кото-рые лежали в ящике стола.

Затем вышел в ночь, направляясь в Лондон. То был год чумы, и я не знаю, зачем шел.

Вот так все и началось.

Я уже далеко проник в Лабиринт. Снопы искр непрерывно взлетали у меня из-под ног и достигали колен. Теперь я уже не знал, в каком направлении двигаться и где теперь Рэндом и мои сестры. Меня пронизывали какие-то потоки. Казалось, даже глазные яблоки вибрируют. Затем я испытал ощущение, как будто мои щеки прокалы-вают булавками, и шея внезапно похолодела. Я стиснул зубы, чтобы они не стучали.

Амнезия случилась со мной вовсе не в результате автомобильной аварии. Свою память я потерял во времена правления Елизаветы Вто-рой. Наверное, Флора решила, что после аварии у меня восстано-вилась память. Ведь она знала, в каком я состояний. Я был поражен, когда понял, что она оставалась в Отражении Земля только для того, чтобы не терять меня из виду. Значит, она была там с конца шестнад-цатого века.

Знать точно это я не мог, но обязательно узнаю.

Я быстро сделал еще шесть шагов, дойдя до конца дуги. Впереди был прямой отрезок пути.

С каждым последующим шагом по этому отрезку возрастало со-противление нового барьера. Вторая Вуаль.

Передо мной возник поворот направо. Еще один, и еще...

Я был принцем Амбера. Это оказалось правдой. Нас было пятнад-цать братьев, и шестеро из нас уже мертвы. У нас было восемь сестер, и две из них тоже мертвы, а может быть, даже четыре.

Все мы проводили много времени, путешествуя по Отражениям или находясь в своих Вселенных. Академический вопрос, который яв-ляется одним из основных вопросов философии: могут ли те, кто име-ет власть над Отражениями, создавать свои Вселенные? Не знаю точ-но, что говорит по этому поводу в конечном итоге философия, но мы это могли.

Начался следующий поворот, и мне почудилось, что я иду сквозь липкую клейкую массу.

Один, два, три... Я с трудом поднимал ноги, которые не желали идти.

В голове стучало, а сердце билось так, будто хотело разорваться на тысячу кусочков.

Амбер!

Когда я вспомнил о нем, идти стало гораздо легче.

Амбер был самым великим городом, который когда-либо суще-

ствовал или еще будет существовать. Амбер всегда был и всегда будет. Любой другой город, где бы он ни находился и когда бы ни существовал, был всего лишь Отражением одной из теней Амбера в одной из его фаз. Амбер, Амбер! Я помню тебя. И никогда не забуду!

Мне кажется, что в глубине души я никогда не забывал тебя все эти мучительно долгие века, пока путешествовал по Отражению Земли. По ночам часто сны мои тревожили видения твоих террас, твоих золотых пиков и башен, твоих широких улиц, золотых и красных проспектов. Я помню сладость твоего воздуха, твои дома и дворцы, всю твою прелесть, которая в тебе была, есть и всегда будет. Амбер— бессмертный город, давший частицу своей жизни всем городам в мире. Ничто не может сравниться с тем удовольствием, которое я испытал, вспомнив тебя.

Еще десять шагов, и передо мной возник искрящийся фонтан огня. Пока я наблюдал за ним, пот струился по моему телу, но тут же смылся водой.

Я был на грани срыва. Воды устремились на меня непрерывным потоком, грозя смыть, унести из Лабиринта. Я сопротивлялся и боролся изо всех сил. Инстинкт подсказывал мне, что уйти из Лабиринта до того, как пройдешь его весь, означает верную смерть. Я не смел оторвать взгляд от огня, который переливался передо мной, не мог оглянуться назад, чтобы посмотреть, много ли я прошел и сколько еще осталось идти.

Поток ослаб, и новые воспоминания вернулись ко мне, воспоминания о жизни принца Амбера.

Нет, не просите, я не стану рассказывать о них. Они мои— жестокие и разгульные, благородные и... Воспоминания моего детства, воспоминания о великом дворце Амбера, над которым развевалось знамя с белым единорогом, скачущим во весь опор. Это знамя моего отца Оберона...

Рэндом через Лабиринт прошел. Даже Дейдра прошла сквозь него. Значит я, Корвин, тоже пройду, вне всякого сомнения.

Я вынырнул из филигранного столба огня и пошел по Великой Кривой. На плечи мне упали силы, формирующие Вселенную, и стали строить по образу сыновей Оберона.

Но я все-таки имел преимущество перед любым из тех, кто проделал этот путь ранее. Я знал, что однажды проходил через Лабиринт, а следовательно, могу сделать это и сейчас. Я шел через Лабиринт и вспоминал все, что произошло со мной до тех далеких веков, которые я провел в Отражении Земли и в других Отражениях. Некоторые из них стали дороги и близки моему сердцу. А одно я любил больше всего, если не считать, конечно, Амбера.

Я прошел еще три поворота, прямую линию и несколько крутых виражей и вновь опутил то, что никогда не терял— власть над Отражениями.

Десять поворотов, после которых сознание заволокло сплошным туманом, небольшой вираж, прямая линия и Последняя Вуаль.

Двигаться было сплошным мучением. Вода вокруг меня стала ледяной, а потом вдруг закипела. Казалось, что она давит на меня со всех сторон. Я боролся, еле переставляя ноги. Искры взлетали до пояса, потом до груди, потом до плеч. И вот они уже зарябили перед глазами. Я с трудом видел сам Лабиринт.

Последовал короткий вираж, который окончился темнотой.

Шаг, другой. Последний шаг сопровождался ощущением, будто проходишь сквозь бетонную стену.

Я прошел.

Медленно повернувшись, я посмотрел назад, на тот путь, который проделал. К сожалению, я не мог позволить себе роскоши упасть от усталости на колени. Я был принцем Амбера, и ничто не могло заставить меня проявить слабость перед подданными. Ничто, даже Лабиринт!

Я весело помахал рукой. Видел кто-нибудь меня или нет— это уже другой вопрос.

Я остановился и на секунду задумался.

Теперь я знал, какую власть дает Лабиринт. Будет совсем не трудно пройти по нему назад.

Можно не беспокоиться.

Правда, у меня нет с собой колоды карт, но и сам Лабиринт мог сослужить мне такую же службу.

Меня ждали мой брат, сестра и Мойра, с бедрами, напоминающими мраморные колонны.

Дейдра сможет позаботиться о себе сама. Пусть теперь делает, что хочет— в конце концов, мы спасли ей жизнь. Я не был обязан изо дня в день оберегать ее от опасностей.

Рэндом прикован к Рэмбе на целый год, если, конечно, у него не хватит смелости броситься в Лабиринт, добраться до центра и воспользоваться его силой. Что касается Мойры, то мне было очень приятно с ней. Может быть, когда-нибудь я навещу ее еще раз и все такое... Я закрыл глаза и склонил голову.

За секунду до этого я увидел какую-то тень.

Рэндом? Неужели все-таки рискнул? Как бы там ни было, он все равно не знал, куда я намеревался отправиться. Никто этого не знал.

Открыв глаза, я увидел себя в центре такого же, только зеркального Лабиринта.

Мне было холодно, и я сильно устал. Но теперь я находился в Амбере, в настоящем, а не в том, подводном Отражении. Из Лабиринта я мог переместиться куда бы ни пожелал, в любое место Амбера.

Однако проблема в том, как попасть обратно.

Именно поэтому я стоял, раздумывая, и не двигался.

Если Эрик занял королевские покои, то я смогу найти его там. А может быть, в тронном зале. Но тогда, чтобы попасть обратно в Лаби-

ринт и воспользоваться его могуществом, мне придется добираться до него своими силами.

Я вспомнил об одном из потайных мест дворца и переместился туда. Это была квадратная комната без окон, свет в которую проникал через узкие наблюдательные щели. Закрыв изнутри единственную выдвижную дверь, я обмахнул пыль со скамейки, которая стояла у стены. Затем расстелил на ней плащ и прилег, решив немного поспать. Если кому придет в голову проникнуть ко мне, то я услышу его задолго до того, как он успеет это сделать.

Сон, наконец, накрыл меня своим покрывалом.

Проснувшись, я встал, отряхнул плащ и накинул его на плечи. Затем вышел из комнаты и начал спускаться и подниматься по множеству лестниц, которыми был так богат этот дворец.

Я шел к нужной мне комнате, находя путь по отметкам на стене.

На площадке одного из лестничных пролетов я остановился и принялся искать отверстие в стене. Найдя его, я заглянул в комнату. Никого. Тогда я распахнул дверь и вошел. Я был поражен большим количеством книг, находившихся в этой комнате. Книжки всегда приводят меня в восхищение. Заглядывая в самые укромные уголки, я осматривал все и в конце концов направился к хрустальному сундучку. Старая шутка между членами нашей фамилии гласила, что в сундучке лежит все, без чего не может обойтись наша семья. В нем были четыре колоды фамильных игровых карт. Я долго пытался вытащить одну, чтобы не сработала сигнализация.

Примерно минут через десять мне это удалось. Правда, попотеть пришлось прилично. Я нашел себе кресло и, держа колоду в руках, уселся поудобнее, чтобы поразмыслить. Карты были такие же, как у Флоры, но в холодной колоде были мы все. Теперь я знал, почему это так. Я перетасовал колоду и раскинул карты перед собой надлежащим образом. Рассмотрев их, я увидел, что они не сулят ничего хорошего всей нашей семье. Я собрал карты. Все, кроме одной.

Это была карта с изображением моего брата Блейза. Остальные карты я засунул за пояс и принялся смотреть на Блейза. В это время в замке большой двери — главного входа в библиотеку — заскрипел ключ. Что тут можно было предпринять? Чуть вытащив шпагу из ножен, я стал ждать. Секундой позже пришла мысль, что лучше все-таки нагнуться так, чтобы скрыться за столом.

Чуть приподняв голову, я увидел, что в библиотеку зашел не кто иной, как Дик — человек, который убирал помещение, выкидывал окурки из пепельниц и вытирал пыль с полок.

Скрываться и быть обнаруженным не к лицу человеку моему сана, поэтому я выпрямился.

— Привет, Дик, — сказал я, — помнишь меня?

Он обернулся, застыл на месте и, побледнев, ответил:

— Ну, конечно, лорд. Как я мог забыть.
— Прошло столько времени, что, мне кажется, в этом не было бы ничего странного.

— Никогда, лорд Корвин,— ответил он.

— Я появился здесь без официального приглашения и веду свои поиски без чьего-либо ведома. Если Эрику это не понравится, когда ты ему расскажешь о нашей встрече, будь любезен, объясни ему, что я всего лишь пользуюсь своими законными правами и довольно скоро он увидит меня лично.

— Я сделаю это, милорд,— поклонившись, сказал он.

— Подойди сюда, друг Дик, присядь на минутку рядом со мной, и я скажу тебе кое-что еще.

Он послушно подошел, и мы вместе присели.

— Было время,— начал я, обращаясь к нашему старинному слуге,— когда считалось, что я исчез навсегда и никогда уже не появлюсь. Но, раз уж случалось так, что я не умер и, более того, вернул всю свою былую силу, мне придется оспаривать претензии Эрика на трон Амбера. Но этот вопрос не так просто решить. Тем более что он не перворожденный. Заяви о своих правах прямой наследник, и я не думаю, что Эрик пользовался бы особой популярностью. Поэтому по многим другим причинам, в основном личного характера, я собираюсь противостоять ему.

Правда, пока еще не решено, каким образом я буду это делать, но, клянусь Богом, он заслуживает того, чтобы с ним боролись! Передай это ему! Если он захочет найти меня, скажи, что я в Отражениях, но не в тех, где был раньше. Он должен понять, что я этим хочу сказать. Меня не так просто будет уничтожить, потому что я приму меры предосторожности. И я буду биться с ним до конца, в аду или в раю, пока существует свет, пока один из нас не перестанет дышать. Что ты на это скажешь, старина?

Он взял мою руку и поцеловал ее.

— Да здравствует лорд Корвин, повелитель Амбера,— сказал он, и в глазах его появились слезы.

В этот момент петли входной двери заскрипели, и она распахнулась настежь.

Вошел Эрик.

— Привет,— сказал я как можно более равнодушно.— Не ожидал увидеть тебя так скоро. Как идут дела в Амбере?

Глаза его от удивления расширились, но в голосе все же послышались нотки сарказма.

— С одной стороны, все обстоит просто прекрасно, Корвин. С другой же, как сейчас выяснилось, совершенно отвратительно.

— Жаль,— откликнулся я.— Но, может быть, это можно как-нибудь исправить?

— Я знаю один неплохой способ,— сказал он и бросил взгляд на Дика.

Тот молча удалился, закрыв за собой дверь. Я услышал щелчок замка.

Эрик достал шпагу из ножен.

— Ты желаешь занять трон,— сказал он.

— Разве кто-то из нас этого не желает?— ответил я.

— Скорее всего, ты прав,— вздыхая, заметил он.— Недаром говорят: "Дурная голова ногам покоя не дает". Я никак не могу понять, почему мы все так рвемся попасть в это неясное, в сущности, положение. Надеюсь, ты помнишь, что я уже дважды победил тебя. В последний раз я милостиво подарил тебе жизнь и позволил жить в одном из Отражений.

— О, твоя милость безгранична,— ответил я,— ты прекрасно знаешь, что просто оставил меня подыхать от чумы. А в первый раз, помнится, все решил жребий.

— Значит, придется решать все между нами двумя. Я— твой старший брат, и я лучше и сильнее тебя. Если желаешь биться со мной на шпагах— пожалуйста, меня это вполне устраивает. Убей меня, и, возможно, трон будет твоим. Однако, думаю, что вряд ли тебе это удастся. А мне хотелось бы покончить с твоими претензиями прямо сейчас. Нападай! Посмотрим, чему ты там научился, в Отражении, называемом Землей.

Шпага очутилась в моей руке.

Я обошел вокруг стола и сказал:

— Мне еще никогда не приходилось встречать такого самовлюбленного человека, как ты. С чего ты взял, что лучше всех остальных и больше нас подходишь для трона?

— С того, что я его занял. Попробуй отобрать.

И я попробовал.

Я сделал прямой выпад в голову, который он успешно парировал, а я, в свою очередь нанося режущий удар по запястью, отбил его контратаку.

Он с легкостью блокировал удар и толкнул небольшой стул, который оказался теперь между нами.

Следом за этим я парировал его атаку, он— мою. Затем, пригнувшись, я сделал выпад, но он был отбит, и тут же мне с трудом удалось отбить его удар.

Я решил провести одну очень хитрую атаку, в которую входили удар, потом финт "четыре-шесть" и выпад, заканчивающийся ударом по кисти. Этому приему меня обучили во Франции.

Выпад прошел— из его руки потекла кровь.

— Будь ты проклят, брат,— отступая, сказал он.— Мне донесли, что Рэндом сопровождал тебя.

Тут он кинулся на меня и отбросил назад. Я почувствовал, что, несмотря на мое искусство, он все же сильнее. Возможно, это был один из самых великих фехтовальщиков, с которыми я когда-либо имел дело. Мне уже казалось, что я не смогу победить его, и я стал

отбиваться, как безумный, шаг за шагом отступая назад по мере его неумолимого наступления. Мы оба несколько веков учились у самых лучших мастеров шпаги. Самым великим и непревзойденным из всех был наш брат Бенедикт, но его не было рядом и он не мог помочь. Я хватал со стола какие-то мелочи— первое, что попадалось под руку— и бросал их в Эрика. Но он ловко увертывался и продолжал наступать так же стремительно, а я стал отступать влево и все это время видел кончик его шпаги у своего левого глаза. Я был испуган. Он фехтовал блестяще. Если бы моя ненависть не была так сильна, то я завидовал бы такому искусству.

Я продолжал отступать, а страх следовал за мною по пятам. Это был не просто страх, это было сознание того, что я не смогу его победить. Когда дело касается шпаги, он сильнее меня. Я ругался про себя, но это ничего не меняло. Проведя еще три очень хитрые атаки, я был побежден в каждой из них. Он парировал небрежно и заставлял меня отступать под градом сыпавшихся на меня ударов.

Я фехтовал безупречно. И, возможно, просто казалось, что он— лучше.

В это время в зале снаружи зазвенели знакомые мне звонки. Срабатала сигнализация. Скоро здесь будут наемники Эрика. Если он не убьет меня к тому времени, то они наверняка довершат начатое. Может быть, стрела из арбалета, а может, что-то другое. Какая разница, как тебя убьют!

Кровь капала с правой руки Эрика, но она все еще оставалась крепкой, и я подумал, что при других обстоятельствах мне удалось бы, все время обороняясь, вымотать его до такой степени, что раненая рука помешала бы наконец парировать одну из моих атак.

На этот раз я выругался вслух, и он засмеялся.

— Ты просто дурак, раз явился сюда,— сказал он.

Он так и не понял, что я намеревался сделать с самого начала. Пока еще не поздно. Я специально отступал к двери, и она, наконец, оказалась за моей спиной. Это был большой риск, так как у меня совсем не оставалось времени и пространства для отражения его атак, но это лучше, чем верная смерть.

Левой рукой я, изловчившись, задвинул засов на двери. Дверь была очень тяжелой, и теперь, чтобы проникнуть в библиотеку, им придется высадить ее. У меня оставалось еще несколько минут. Но это стоило мне ранения в плечо от удара, который я мог лишь частично отразить, пока второй рукой запирал засов. Правда, удар пришелся в левое плечо, а мне важна правая рука.

Я улыбнулся, чтобы показать ему, как уверен в себе.

— Может, это ты поступил глупо, войдя сюда,— сказал я.— Так что кто из нас дурак, мы еще посмотрим. Вот видишь, ты уже фехтуешь медленнее.

И тут я попытался провести бешеную быструю атаку.

Он парировал, но отступил при этом на два шага.

— Эта рана тебя доконает,— прибавил я.— Твоя рука слабеет. Неужели ты не чувствуешь, что в ней почти не осталось сил?

— Заткнись!— сказал он.

И я понял, что наконец-то задел его.

Это немного увеличило мои шансы, и я стал наступать на него изо всех сил, на какие только был способен. Но я понимал, что долго мне не выдержать такой убийственной скорости.

Эрик этого понять не мог.

Я посеял в нём зерна страха, он позорно отступал перед моей бешеной атакой.

В дверь застучали, но я мог пока не беспокоиться.

— Я убью тебя, Эрик,— сказал я.— Я, братец, стал куда жестче, чем был. Тебе лучше подготовиться к смерти.

Я увидел, как страх сначала появился в его глазах, а потом отразился и на лице. Соответственно изменилась и его манера фехтования. Теперь он только защищался и отступал. Мой блеф оправдался. Или я заблуждался? Что, если я все время обманывал самого себя? Что, если я просто убедил сам себя в том, что слабее? А Эрик, в свою очередь, внушил мне это? Может быть, я фехтовал ничуть не хуже его? С уверенностью и странным чувством, появившимся во мне, я предпринял ту же атаку, что и раньше. И мне удалось ранить его в ту же руку.

— Надо быть круглым идиотом, Эрик,— сказал я,— чтобы попасться на одну и ту же удочку дважды!

Отступая, он зашел за большое, широкое кресло, и некоторое время мы дрались через него.

Колотить в дверь перестали, и громкие голоса смолкли.

— Они пошли за топорами,— отдуваясь, сказал Эрик.— Ты и оглянуться не успеешь, как они будут здесь.

Не переставая улыбаться, я ответил ему:

— Это все же займет несколько минут. Вполне достаточно, чтобы покончить с тобой и нашим делом. Ты обороняешься с большим трудом. Посмотри-ка на свою руку— из нее просто хлещет кровь.

— Заткнись!

— Когда они высадят дверь, здесь будет только один принц Амбера, и им будет не ты!

Тогда левой рукой он смахнул с полки целый ряд книг. Они посыпались на меня, громяхая и рассыпаясь вокруг.

Но он не воспользовался этой прекрасной возможностью, предоставившейся ему для атаки. Он кинулся через всю комнату и подобрал небольшой стул, который прижал к себе здоровой рукой.

Забившись в угол, он вытянул стул вместо щита перед собой.

— Подходи!— закричал он.— Попробуй добраться до меня сейчас!

— Ты испугался,— сказал я.

Он засмеялся.

— Чисто академический вопрос. Ты не успеешь убить меня— дверь вот-вот рухнет. И тогда твоя песенка спета.

Я в одно мгновение достиг противоположной стены комнаты.

Открыв левой рукой дверь, через которую вошел, я сказал:

— Ладно. Похоже, тебе повезло и сейчас ты не умрешь. Но когда мы встретимся в следующий раз, тебе уже никто не поможет.

Пока я закрывал за собой дверь, он ругал меня моими традиционными ругательствами, плюнул в мою сторону и даже опустил на пол стул, чтобы сделать рукой непристойный жест.

Раздался тупой удар, и восемь дюймов стали вышли из панели двери с моей стороны, когда я задвигал засов. Рискованно возвращаться, потому что дверь библиотеки грозила рухнуть каждую секунду.

Я спустился по лестнице в комнату, где совсем недавно спал, так быстро, как только мог. Спускаясь, я обдумал происшедшее. Сначала в ходе поединка я был подавлен человеком, который всегда выходил из стычек со мной победителем. Нынешняя ситуация заставила меня призадуматься. Может, те века, которые я провел в Отражении Земли, не прошли для меня даром? Может, в течение этого времени я действительно стал искуснее фехтовать? Теперь, по крайней мере, я чувствовал, что равен Эрику на шпагах. Это чувство было мне приятно. Если мы встретимся снова... Я уверен, что такая встреча произойдет, и нам никто не будет мешать. Тогда кто знает? Шансы у нас равные. К тому же сегодняшний поединок напугал его. В этом я был уверен. Вполне возможно, это скажется при следующей встрече.

С последнего лестничного пролета— в нем было ступенек пятнадцать— я просто спрыгнул. Я опережал погоню всего на пять минут, но меня не покидала уверенность, что смогу воспользоваться ими и бежать.

Эту уверенность давала колода карт, которая лежала у меня за поясом.

Я снова вытащил карту, на которой был изображен Блейз, и пристально посмотрел на нее. У меня сильно болело плечо, но я позабыл о ране, когда холод постепенно стал охватывать меня.

Уйти из Амбера сразу в Отражения можно было двумя способами.

Одним из них являлся Лабиринт, редко используемый для этой цели.

Но если тебе не страшно довериться брату, то другим способом была Червовая масть.

Я думал о Блейзе. Ему я почти мог доверять. Он был моим братом, и я мог бы помочь ему, а он— мне. Я уставился на карту с изображением фигуры, одетой во все красное и оранжевое. В одной руке этого человека была шпага, а в другой — бокал вина. Сам дьявол плясал в его голубых глазах. Его борода сверкала, а рисунок на шпаге, как я неожиданно понял, частично повторял рисунок Лабиринта. Казалось, он шевелится.

Я ощутил контакт как порыв ледяного ветра.

Теперь фигура на карте приобрела натуральную величину и изменила позу на ту, в которой человек находился в настоящий момент. Блейз еще не увидел меня, а губы уже зашевелились.

— Кто это?— спросили он, и я ясно услышал слова.

— Корвин,— ответил я.

Он протянул вперед левую руку, в которой на этот раз не было кубка с вином.

— Если хочешь, иди ко мне.

Я тоже протянул руку, и пальцы наши соприкоснулись.

Я сделал шаг.

Моя левая рука все еще держала карту, но мы с Блейзом уже стояли вместе на скале. Слева от нас была пропасть, а справа возвышался высокий замок. Над нашими головами пламенело небо.

— Привет, Блейз,— сказал я, засовывая карту в колоду.— Спасибо за помощь.

Тут я почувствовал слабость и понял, что кровь все еще течет из моего плеча.

— Ты ранен!— сказал он и обнял меня за плечи.

Я собрался было кивнуть головой, но вместо этого упал без сознания.

Поздно ночью в крепости, удобно развалившись в огромном кожаном кресле, я потгивал виски. Передавая бутылку друг другу, мы курили и разговаривали.

— Значит, ты действительно побывал в самом Амбере? -

— Да.

— И ты ранил Эрика в поединке?

— Вот именно.

— Черт! Я предпочел бы, чтоб ты его убил!— Тут он запнулся.— Но... тогда трон захватил бы ты. Против Эрика у меня шансов все же больше, чем против тебя. Впрочем, не знаю, каковы твои планы.

Я решил быть с ним предельно откровенным.

— Все мы претендуем на трон,— сказал я,— поэтому нам нет смысла лгать друг другу. Я не собираюсь убивать тебя ради трона. Слишком это глупо. Но, с другой стороны, я не собираюсь отказываться от царствования только потому, что ты такой радушный хозяин.

Рэндом тоже не отказался бы поучаствовать в этой игре, но с ним можно не считаться. О Бенедикте давно уже никто не слышал. Жерар и Каин, кажется, предпочитают поддерживать Эрика, нежели претендовать на трон самим. И Джулиан тоже.

Я подумал о каждом из принцев Амбера. Из братьев остается только Бранд, но я абсолютно не знаю, чем он занимается теперь. Флора,

как я убедился, целиком принадлежит Эрику. Что замышляет Фиона, покрыто мраком. Но я знаю, что Дейдра беспомощна также, как и Льюисвилла. Только если они вдвоем воспользуются помощью Рэмбы, они смогут представлять для меня какую-нибудь опасность.

— Так что остаемся только мы с тобой,— произнес, наполняя рюмки, Блейз.— Да, ты прав. И неизвестно, что замышляет каждый из нас. Если же сравнить мое положение с твоим, окажется, что я сильнее. Ты молодец, братишка, что пришел ко мне. Я даже пожалуй тебе регентство, когда сяду на трон в Амбере.

— Благослови тебя Бог за доброту,— сказал я.— Там видно будет.

Мы отпили виски. Мой брат сидел, поглядывая на огонь камина, с блаженной улыбкой на лице. Видимо, он уже представлял себя на троне. Внезапно выражение его лица изменилось. Он резко повернулся ко мне и задал очень важный вопрос:

— Что же можно предпринять?

— Для осады Амбера я могу собрать целое войско,— сказал я, и блаженное выражение на секунду вновь появилось на лице моего брата.

— В каком Отражении находится твое войско?— спросил он, оценив ситуацию.

— А вот это уже, как мне кажется, касается только меня. Скажу лишь, что это войско никогда не пойдет против тебя, ибо, когда речь заходит о монаршестве, я предпочитаю видеть на троне тебя, Жерара или Бенедикта, если он жив еще.

— И, конечно, предпочтительнее всех— себя?— мягко улыбнувшись, сказал Блейз.

— Конечно же,— ответил я твердо и отпил из рюмки.

— В таком случае, мы понимаем друг друга, Корвин, и можем пока объединиться.

— Я тоже считаю так, иначе бы не пришел к тебе.

Мой брат, видимо, остался доволен заключенным союзом. Он улыбнулся из-за своей густой бороды и произнес, не глядя на меня:

— Тебе нужна была хоть какая-то помощь. И, выбирая из всех зол, ты обратился ко мне.

— Да, это правда.

— Как бы мне хотелось, чтобы Бенедикт был здесь... И чтобы Жерар переметнулся к нам.

— Мечты, мечты... Желай одно, делай другое. И смотри хорошенько, что выйдет из всей этой затеи. В любом случае ты не проиграешь,— меня тянуло пофилософствовать, и Блейз оценил это.

— Хорошо сказано,— медленно сказал он,— да от истины далеко вато.

Некоторое время мы молча курили, слушая, как потрескивают поленья в камине. Молчание нарушил Блейз.

— Насколько я могу доверять тебе?— серьезно спросил он.

— Ровно настолько, насколько я могу доверять тебе.

— Да, у нас одна мерка, Корвин. И цель одна... В таком случае, не заключить ли нам договор? Многие годы я считал тебя мертвым. И вот ты появляешься здесь и заявляешь о своих правах. Мы союзники. Объединим наши усилия, осадим Амбер. Тот из нас, кто выйдет из этого ада живым, займет трон. Если мы выживем оба— какого черта— там разберемся, тем более, что и ты, и я умеем обращаться со шпагой.

Я обдумывал его слова, ища в них скрытый подвох. Но они звучали как самый порядочный договор, когда-либо предлагаемый мне. Так всегда честные слова кажутся ложью. Я улыбнулся и ответил:

— Утро вечера мудренее. Утром я дам ответ. О'кей?

— Хорошо, брат.

Мы допили виски и ударились в воспоминания.

Плечо слегка гудело, но боль заглушало выпитое виски и наложный Блейзом чудо-бальзам, излечивающий раны.

... Ночь кончилась прежде, чем мы наговорились до усталости— нам было что вспомнить.

Цветные стекла оконного витража стали светлее— наступало утро. Тогда Блейз хлопнул меня по здоровому плечу, сказав, что начал ощущать усталость и что слуга подаст мне завтрак в постель. Я кивнул. Мы пожелали друг другу доброго сна, и он ушел к себе.

Оставшись в одиночестве, я подошел к окну и, открыв его, посмотрел вниз. Звезды гасли, но, кажется, в самую темную ночь их не бывает столько, сколько костров горело внизу. Это было войско Блейза, огромное войско, достойное своего хозяина. Да, я хотел бы видеть Блейза на престоле. Но еще больше хотелось мне самому занять это место. Я все стоял у окна и смотрел вниз. Какие-то тени мелькали между кострами. Что за странная гвардия! Но какой бы она ни была, я не имел и этого. Я вернулся к столу и достал новую бутылку. Однако перед тем, как открыть ее, я зажег светильник и вытащил колоду карт. Я разложил их перед собой на столе, на меня смотрела Червовая масть... Положив на середину карту с изображением Эрика, я сдвинул остальные в сторону. Через некоторое время картинка ожила, и я увидел Эрика в ночных одеждах. Сонным голосом он спросил:

— Кто?

Рука его была перевязана.

— Я, Корвин. Как поживаешь? Видишь сладкие сны?

Он выругался, а я засмеялся. Это была опасная игра. Наверное, я никогда не затеял бы ее, если б не выпил столько виски.

Я продолжал:

— Просто я соскучился по своему могущественному братцу. Эй, властелин Амбера, я хотел сказать, что у меня все в полном порядке. Э-э, да у тебя перевязана голова! Ничего, скоро она перестанет болеть. Недолго тебе еще носить ее. Так что приятных сновидений, Эрик! Тот день, когда я снова войду в Амбер, станет твоим последним днем. Этот день не за горами!

— Приходи,— пробормотал он,— только на этот раз я тебя не пощажу.

Глаза его в этот момент смотрели на меня в упор. Я видел страх в его глазах! Я закрыл карту рукой— эффект, равноценный обрыву телефонного разговора.

Отправив карту Эрика к остальным, я выпил еще рюмочку виски и, засыпая, подумал о войске Блейза, стоявшем лагерем внизу, у подножья величественного замка. Сравнивая силы Эрика с тем, чем располагаем мы, я понимал, что победа достанется нам не слишком легко. Но я знал, что она придет. И я верил.

Да поможет нам Бог!

Глава 6

На следующее утро мы с Блейзом обходили войско. Оно состояло из странных существ, каждое из которых было намного выше меня и имело красную кожу. Волос у них почти не было, на кирпичных лицах сверкали кошачьи глаза — единственное украшение этих полулюдей, если, конечно, не считать шестипалых рук и ног да легких хитонов. Их родиной был Авернус — далекое Отражение, из которого их вывез Блейз, их бог. Да, климат здесь теплый, цвета радовали глаз, и все авернусцы считали нас богами. Вооружение каждого из них составляли два небольших кинжала с загнутыми концами, длинные коготки шестипалых лап и лезвиеподобные длинные вращающиеся уши.

Блейз нашел такое место, где бытовало предание о братьях-богах, похожих на нас и ведущих войну между собой. В этих мифах злой брат оказывался у власти, а добрые, для того чтобы победить его и установить рай для всех, должны были прибегнуть к тайной силе своих подданных. Поэтому-то краснокожие верзилы-авернусцы так радовались, помогая Блейзу. Бедняги... Моя рука покоилась на черной перемычке, я шел, осматривая участников будущего Апокалипсиса, и размышлял о том, что скоро все они погибнут...

Перед одним из воинов я остановился и принялся разглядывать его.

— Знаешь ли ты, кто такой Эрик?— спросил я.

— Князь тьмы,— быстро ответил он, гордясь своими познаниями. А я кивнул, не глядя в сияющие глаза, сказал "молодец" и пошел дальше. Прогремел салют из пушек— создания приветствовали "богов".

— Какова численность твоей армии?— спросил я.

— Примерно пятьдесят тысяч.

— "Безумству храбрых пою я песню"— перефразировал я с иронией.

— Ты не только не сможешь завоевать Амбер со своими пятьюдесятью тысячами, тебе даже не удастся довести их до подножья Колвира. Жаль выставять этих несчастных, вооруженных игрушечными саблями, против бессмертного города!

— Знаю,— отвечал Блейз,— но это не все мое войско. В бухте стоят еще три флотилии, равные половине объединенных сил Каина и Жерара.

— Это уже лучше, хотя и маловато,— возразил я.— Можно сказать, только начало.

— Да, я собираю силы.

— И чем скорее соберешь, тем лучше. Эрик не глупее нас с тобой, и он не будет плакать об уколотой руке и ждать своего финала, сложив руки. Мы будем рекрутировать армию в Отражениях, но и он может делать то же самое. Как ты думаешь, много ли людей останется в нашей армии, когда мы подойдем к Амберу? Остатки наших сил можно будет уничтожить за пять минут — причем без всяких хлопот для Эрика... Интересно, посмеет ли он сам отрубить нам головы, а, братишка?

— Подожди отчаиваться, Корвин. Или тебе уже не хочется в Амберский дворец? Наш наделенный властью брат объявил коронацию через три месяца. К этому времени мы сможем хотя бы утроить наши силы, ведь существуют еще миры в Отражениях, похожие на Авернус, я наберу там много воинов.

— Но и у Эрика будет столько же времени для усиления обороны. Блейз, это — самоубийство. Я не знал, что дела так плохи, когда пришел сюда...

— А что есть у тебя? Ничего! Ходили слухи, что ты командовал великолепным войском. Где же оно? А?

Я отвернулся.

— Их больше нет в живых, я уверен в этом.

— Может, тебе удастся отыскать Отражение твоего Отражения? — предложил Блейз.

— Не хочу даже пытаться. Прости,— сказал я, глядя ему в глаза.

— Тогда какую ты сможешь принести мне пользу?

— Уйду,— ответил я,— если все, что ты от меня хотел,— это пущечное мясо,— и отвернулся.

— Подожди! — закричал Блейз.— Я сказал, не подумав, вспылел. Даже если у тебя ничего нет, мне не обойтись без твоих советов. Пожалуйста, останься со мной. Я даже извинюсь, если хочешь.

— Это не обязательно,— ответил я, зная, что значит для принца Амбера просить прощения.— Я останусь и постараюсь помочь тебе.

— Чудесно, Корвин!

Мы снова были друзьями. Я достал ему войско, побуждав немного по Отражениям. В одном из них я нашел удивительную расу мохнатых существ с клыками и когтями. Они напоминали людей. Но их интеллектуальный уровень не превышал развития тупоголового учителя

начальных классов. Они были честны, преданны и их было не трудно обмануть таким негодяям, какими являлись мы с Блейзом. Чувствовал я себя, глядя на этих смертников, по крайней мере, неуютно. Примерно сто тысяч таких созданий буквально молились на нас, обожествляли, бросались к ногам, целовали руки...

На Блейза это сильно действовало. Он стал нервозен и замкнут.

Через неделю под действием чудо-бальзама плечо мое зажило, не осталось даже шрама на память. А через два месяца в рядах нашей дружины было уже четверть миллиона рыцарей.

— Корвин, Корвин... Ты все тот же неутомимый Корвин!— воскликнул мой брат, и мы выпили по этому поводу.

Все-таки я не стал бодрее. Почти всем нашим солдатам была уготована смерть. Ответственным за нее буду я. Я чувствовал раскаяние, хотя и понимал, что битва в Действительности стоит многих отраженных событий. Но ведь и каждая смерть будет смертью на самом деле! Это я тоже знал...

Много ночей я провел, раскладывая Червовую масть. В моей колоде были те карты, которые отсутствовали в колоде Флоры. На одной из них был рисунок самого Амбера, с помощью этой карты можно в любой момент оказаться в городе. На других были наши исчезнувшие братья. Одна карта была портретом моего отца, я быстро убрал ее в колоду. Отец пропал без вести.

Я подолгу всматривался в каждое из изображений. Я оценивал положение моих братьев, соображая, чего можно добиться от каждого их них. Несколько раз я перекладывал карты, и всякий раз выпадало одно и то же.

Его звали Каин.

Он был одет в зеленое и черное. У него была треуголка с перьями, свисающими назад. На поясе висел кинжал, в рукоятке которого красовался изумруд. Волосы у Каина были черного цвета.

— Каин,— позвал я.

— Кто?— спросил он.

— Корвин.

— Корвин? Это шутка?

— Нет.

— Чего же ты хочешь?

— А что ты можешь предложить?

— Сам знаешь.

В его глазах что-то мелькнуло, когда он посмотрел на меня, но я глядел на его руку с кинжалом.

— Где ты?

— Я с Блейзом.

— Ходили всякие слухи, что ты недавно побывал в Амбере, и я о многом передумал, глядя на перевязанную руку Эрика...

— Ты не догадался еще, зачем я тебя вызвал? Объяснить?— спросил я.— Ответ проще, чем ты думаешь: назови свою цену.

— Что ты имеешь в виду?

— Каин, давай говорить откровенно. Хотя бы сейчас. Как ты думаешь, я и Блейз сможем победить Эрика?

— Нет. Поэтому я с ним. Я не продам свою армаду, если ты вызвал меня для этого, пока не увижу, что вы сильнее Эрика. Я с тем, у кого власть.

— Хитроумный брат. Ну что ж, приятно было с тобой побеседовать. Не скучай, чао! Может, увидимся в Амбере.

И я поднял руку, чтобы накрыть карту. Каин торопливо вскрикнул:

— Подожди!

— Зачем?

— Я ведь даже не знаю, что ты можешь предложить мне.

— Не знаешь? Но ты догадался и дал мне понять, что не продаешься. А это мне не интересно.

— Итак, Корвин, что ты можешь дать мне вместо армады?

Мы торговались с этим хитрюгой целый час. Но я добился своего: северные морские пути будут открыты для меня и трех флотов Блейза, которые, войдя туда, получают подкрепление. В заключение нашей беседы Каин сказал:

— Запомни, если ты проиграешь, трое в Амбере лишатся своих голов.

— Неужто ты не веришь в успех нашего дела?

— Да, скорее всего трон займешь ты или Блейз. Меня вполне устроит служить победителю. Регентство мне тоже лишним не покажется.

— Так мы договорились. Аризедерчи, Каин!

И я закрыл ладонью его карту. Он исчез. Надо было еще договориться с Жераром, но разговор с Каином меня сильно утомил. Немного отдохнув, я взялся за карту Жерара.

Он, узнав о положении дел, согласился не трогать наши корабли. Мы договорились с ним на удивление быстро: Жерару, естественно, тоже хотелось заполучить регентство, и я без колебаний обещал ему все, что ему хотелось.

Затем я снова устроил смотр войскам. Во время обхода заметил, и это открытие заставило меня удивиться, что краснокожие авернусцы и клыкасто-когтистые мохнатки из Отражения Риака очень подружились. Наверное, их объединило служение одним богам, за которых они нас почитали. Это было печальной истиной, о которой я старался не думать. Я осмотрел также и великую флотилию, ждущую своего часа в бухте океана цвета крови...

Вернувшись в замок, я вновь раскинул карты и снова долго разглядывал их. Взял, наконец, карту Бенедикта, попытался разysкать его, но чувствовал только холод. Затем я взял изображение Бранда. Также долгое время был холод. Вдруг послышался крик, вопль, режущий душу.

— Помоги мне!

— Как?— тоже крикнул я.

— Кто это?— спросил он, и я увидел, что его тело забилося в конвульсиях.

— Корвин.

— Забери меня отсюда! Скорее, брат! Я дам тебе все, что смогу, забери меня!!

— Но где ты?

— Я...

Тут все исчезло на некоторое время из моего сознания, а потом темноту сменили какие-то непонятные мне картинки. Последний крик затих в этом странном окружении. И — тишина. Поверхность карты покрылась инеем, так холодна стала она. Я обнаружил, что меня бьет сильная дрожь.

Закурив, я прошелся по комнате. Звезды в окне были затуманены какой-то вязкой дымкой, я не различал созвездий. Только голубая луна сияла на редкость ярко, она будто смеялась над всеми нами. Наверное, это от карты стало все вокруг таким холодным, отсюда — дрожь в сердце, которая заставила меня вспомнить такую же мерзкую ночь в России, где я чуть не замерз до смерти и растерял свою армию в этой великой медвежьей берлоге... Ах, и к чему я пришел? К трону Амбера. Я грустно улыбнулся, отошел от окна. Где же Бранд, что с ним? Кто придумал такие пытки для моего брата? Ответов у меня не было. У кого они могли быть? Неужели я не учел чего-то? Страх не было. Сев за стол, я поставил рядом с картами рюмку с виски.

Стараясь не дотрагиваться до карты Бранда, я взял карту с портретом моего отца. Оберон! Повелитель Амбера. Он стоял передо мною в своих зелено-золотых одеждах. Широкоплечий мужчина с благородной сединой в черной густой бороде. Когда-то я думал, ничто не сможет нарушить ход событий и вечным королем великого города будет Оберон — мой отец. Что же произошло? Я не знал этого. Он просто исчез однажды.

Я, собрав всю энергию, уставился на карту.

Ничего... Ничего... Вдруг что-то... Да, я почувствовал ответ. Это было еле заметное движение, фигура на карте чуть изменила позу, сделавшись будто бы тенью великого Оберона. Но все-таки карта ожила!

— Отец!— Я прислушался.

Молчание. Потом донесся какой-то неясный шелест, и вот я услышал голос своего отца:

— Да, это я...

Голос был далеким, чуть слышным, как шум моря в морской раковине.

— Я...

Долгое молчание.

— Да? Это Корвин, твой сын. Что произошло, почему ты покинул Амбер, оставил своих детей в таком положении?

— Кончилось мое время, Корвин.

Голос звучал все дальше, все тише.

— Ты хочешь сказать, что отрекся от престола? Никто из братьев и сестер мне не говорил об этом. Я же не хочу расспрашивать их, потому что не слишком доверяю. Сейчас Эрик захватил город, он — властелин. Каин и Жерар держат под контролем море, прислуживая ему, а Джулиан сторожит Арденский лес. Блейз объявил всем войну, и я поддерживаю его. Скажи, отец, чего ты хочешь. Дай мне ответ, отец!

Ответ можно было с трудом разобрать.

— Ты единственный из всех, кто спросил... Да...

Он тяжело выдыхал слова:

— Да, боритесь против них.

— А как ты, отец?— спросил я.— Как помочь тебе?

— Мне... уже нельзя помочь, Корвин... Взойди на престол.

— Я? Или вместе с Блейзом?

— Ты... Только ты.

— Да?— Я был очень удивлен.

— Я даю тебе свое благословение на трон. Займи его.

— Но почему, отец?

— У меня не хватает дыхания... Поспеш с этим.

Потом он исчез. Фигура на карте приняла свое прежнее положение, гордо глядя перед собой и держа в руках золотой скипетр и шпагу зеленоватого металла... Да, мой отец жив. Значит, он остается королем Амбера. Почему же он ушел? Куда? Зачем? Кто знает ответ на эти вопросы? Во всяком случае, не я.

Мысли путались в мозгу. Было трудно сосредоточиться. Я решил попробовать отыскать ответ в прошлом. С отцом у нас никогда не было особенно душевных отношений. Я не питал к нему сыновней любви, но и не ненавидел, как, скажем, ненавидел его Рэндом. Это был могущественный и сильный физически человек, которого я встречал чаще всего в тронном зале, где он сидел, а я стоял. Вот и все. Теперь он уступал мне свое место... Это было не так уж плохо, черт возьми! Ловя разлетающиеся радужные мысли, я допил виски и, повалившись на кровать, заснул прежде, чем успел донести голову до подушки — так утомил меня этот день.

...Утром я присутствовал на совещании генерального штаба Блейза. Кроме нас двоих там находились примерно тридцать высоких чинов из числа авернусцев и риаканцев: четыре адмирала, у каждого из которых было в подчинении по четверти нашего флота, а также командующие сухопутными войсками. Заседание длилось четыре часа. Мне пришлось занять место на флагмане флотилии, а "генералиссимус" Блейз должен провести армию окольными путями через Отражения.

Я оценил стратегические способности Блейза: он неплохо все продумал. Хорошо бы, он оказался таким же блестящим тактиком там, в Амбере... Блейз еще раз сверил по картам будущее расположение наших войск. Наблюдая за его действиями, я еще раз подумал о том, что передо мной настоящий принц Амбера. Жаль только, что и Эрик — не игрушка, к тому же он занимает более выгодное положение.

Приближался день, объявленный днем коронации Эрика. Значит, только военное нападение могло помешать ему официально утвердиться в качестве короля Действительности... Но все-таки я решил не торопить события, положившись на волю судьбы. Всему свое время, так думал я. Победа или смерть придут когда-нибудь...

Чтобы заглушить неприятные мысли, невольно возникающие в моем мозгу, я предпринял коротенькое путешествие по Отражениям. Посетил и Авернус. Стоя на пригорке, покрытом желтым туманом, я смотрел на темно-синий дымок вулканов; я чувствовал холодную предутреннюю росу, по телу шла дрожь. Ночи там были слишком холодны, а летом невыносимо парило солнце. Но мне нравились острые скалы, красные травы и бледно-зеленый песок на побережье одного из авернусских морей, я хотел посвятить им одну из бессмертных песен. И я подумал, что мог бы остаться здесь навсегда... Тем не менее мне надо вернуться.

Ступив на флагманское судно, я подумал, что если нам удастся совершить задуманное, мы оставим по себе добрую память. Я принял командование, и мы отправились в поход спустя день.

От моего умения зависела судьба флота, от того, как я проведу корабли, возможно, зависел успех всей нашей кампании. Мы благополучно вышли из бухты в открытое море. Я проводил корабли в шхерах так умело, как будто всю жизнь был лоцманом в здешних водах. Удачно избежав пару водных смерчей, наша эскадра подошла уже достаточно близко к Амберу. Мы успешно миновали каменистую мель и много других преград, потому что я мог влиять на наше передвижение во времени и пространстве.

Блейз тем временем вел армию через Отражения. Я чувствовал, что он проведет ее, несмотря на воздвигаемые Эриком препятствия.

Я держал связь с Блейзом с помощью карт. Так я узнавал о всех битвах, в которых участвовала наша армия. Потери были ощутимые. Например, девять тысяч наших воинов пали под копытами кентавров, пять тысяч были погребены под обломками ужасающего землетрясения, пятнадцать тысяч заразились в каком-то жалком Отражении во время свирепствовавшей там эпидемии чумы, и еще тысяча солдат подхватила ангину и пожелала остаться, подобно шести тысячам дезертиров, которые укрылись в одном из Отражений, очень похожем на рай, им обещанный. Еще двадцать тысяч погибли, когда прямо с неба им на головы стали падать какие-то предметы. Без вести пропали пятьсот человек, пересекающие пустыню, когда вдруг над ними

вспыхнуло грибообразное облако, восемь тысяч наших лучших солдат были полностью истреблены в долине зеленоватой речки, где неизвестно откуда взявшиеся существа открыли по ним огонь. При переправе через ту же речку утонули еще двести воинов, а триста отравились какими-то оранжевыми фруктами. Кроме того, пятьдесят четыре гвардейца погибли на дуэлях, которые они затевали между собой. Еще тысяча солдат погибла, сметенная стадом огромных динозавров, пронесшимися мимо. Семьдесят три сгорели в палатках, в которые угодили молнии; полторы тысячи пропали во время урагана, а еще две тысячи были смыты наводнением.

Вот какие новости я получал с помощью карт. Я был доволен, что к тому времени потерял всего сто восемьдесят четыре корабля. Да, Эрик уничтожал нас не торопясь, по одному. Он старался перекрыть нам дороги в Амбер, но, как однажды сказал Рэндом, никому еще не удавалось закрыть все дороги. Мы продолжали идти и продолжали умирать.

Есть такой закон, по которому только принцы Амбера могут передвигаться по Отражением. Но конечно же, принц мог провести с собой сколько угодно людей, животных, вещей... Мы вели нашу армию и видели, как она погибает. Ах, это не самое легкое зрелище. Но мы понимали, что жизнями наших солдат — уроженцев Отражений — можно пожертвовать, чтобы восстановить справедливость во всем мире. В сущности, мы не очень обманывали их, называясь богами. Так оно и было, ведь весь мир отражается от Амбера. Есть материя, а есть ее Отражение. В этом корень жизни. Так вот, из материи состоит только Амбер, только Амбер — Действительный мир. Все остальное — его отражение и никакого влияния на реальное движение вещей не оказывает. Отражения простираются от Амбера до Хаоса, и никто не может предугадать, как отразятся события, происходящие в Амбере, в своих новых воплощениях, которых бесконечно много. Своим существованием Амбер отбросил множество Отражений по всем направлениям жизни, любая вероятность Амбера реально воплощена в каком-то из Отражений, но есть лишь три дороги через них, и все они совсем непростые.

Одна из них такова: если ты принц Амбера, ты можешь идти сквозь Отражения, заставляя их изменяться на своем пути до тех пор, пока Отражение не станет таким, каким ты хочешь его видеть. Тогда мир Отражения станет твоим собственным созданием, и ты можешь сделать в нем все, что пожелаешь. Конечно, если не вмешаются твои родственники. В одном из таких Отражений я провел много веков до автомобильной катастрофы.

Вторым способом путешествовать по Отражениям служили карты. Их создал королевский художник Дворкин — мастер штриха, нарисовавший их для того, чтобы члены нашей фамилии могли в любое время поддерживать связь друг с другом. Дворкин был художником, очень умело отражавшим в своих картинах не только портретное

сходство, но и пространство, перспективу. На старости лет ему захотелось сделать Оберону какой-нибудь очень ценный подарок, который к тому же увековечил бы его имя. Тогда он придумал Червовую масть, нарисовав на каждой карте особу королевской крови. У меня при разглядывании Черовой масти возникало чувство, будто карты обладали еще какими-то свойствами, о которых я просто не знал.

Третьим путем был Лабиринт, по которому мог пройти лишь член нашей семьи. Создателем Лабиринта тоже был Дворкин. Лабиринт вписывал того, кто шел по нему, в систему карт; выход из Лабиринта давал возможность путешествовать по Отражениям. Мне Лабиринт вернул память...

Теперь я знал, что делал Рэндом, когда мы ехали на машине Флоры в реальный мир: он по памяти добавлял в окружающий нас пейзаж (или вычитал из него) то, что знал об Амбере. Когда под этим воздействием окружающее стало соответствовать Амберу, он понял, что мы прибыли к месту назначения.

В этом не было ничего необыкновенного, потому что любой человек, обладай он знаниями, мог бы достичь своего Амбера. Я и Блейз, каждый из нас, способен сейчас найти или сделать такие Отражения, в которых могли жить и властвовать. Но это были бы только Отражения того города, в котором мы родились, принцами которого мы были, с которым мы связаны, частью которого мы являлись. Если же Эрик станет коронованным хозяином Действительности, это отразится во всех точках нереального мира; вряд ли мы были бы счастливы тогда. Поэтому-то мы избрали этот самый трудный путь: идти войной против Амбера, в котором сейчас находился Эрик. Каждый из моих братьев и сестер хотел бы занять амберский трон, оказывая влияние на многочисленные Отражения.

Собиравшиеся вокруг нас тучи и взволнованный говорок моряков заставили меня оторваться от своих мыслей. Благополучно миновав корабли Жерара, пребывая в пути уже восемь дней, мы приближались к Амберу. Море почернело, солнце скрылось. Я понял, что сейчас разразится шторм, который направил на нас Эрик.

И вот уже первый порыв ветра налетел на наш корабль. "И буря нас била, и ветер нас рвал"— да, старинные поэты были правы. Именно таким был этот шторм. Нас кидало из стороны в сторону, будто какой-то великан забавлялся с нами. Мы промокли насквозь — сверху лил дождь, а снизу нас захлестывали волны. Совершенно черное небо озарялось иногда разрядами молний, оглушающе грохотал гром. С трудом добравшись до рулевого колеса, я пристегнулся и взял его в руки. О, как ликовал сейчас, наблюдая за нами, Эрик!

Вдруг я почувствовал легкое головокружение, услышал позвякивание легких колокольчиков и наконец увидел Блейза как бы на другом конце серого пенного туннеля.

— В чем дело?— спросил Блейз.— Я уже несколько раз пытался связаться с тобой.

— Жизнь наша полна неожиданностей, и мы сейчас захвачены одной из них,— ответил я. Даже в такой момент я не забывал, что я поэт.

— Шторм?

— Да, и еще какой! Кстати, слева от моего корабля вижу какое-то животное безумных размеров. Если у него есть хоть капля мозгов, оно ударит в дно судна... Бр-р-р, оно только что так и сделало. А ты как?

— У нас тоже недавно была буря. Потеряли еще двести солдат.

— Верь, крепись и... свяжись-ка со мной чуть позже. Хорошо?

Он кивнул, и я заметил, как за его спиной сверкнули две молнии.

— Эрик знает наши силы,— добавил он и исчез.

...Прошло еще три часа, прежде чем море стало чуть спокойнее. Лил сильный дождь. Каковы наши потери? Я узнал об этом значительно позже, и это была половина нашего флота. Мы проплывали над Рэмбой. Я достал колоду и вынул оттуда карту Рэндома. Когда он понял, кто его вызывает, первыми его словами было:

— Немедленно поворачивай обратно!

Я спросил, почему. Он ответил:

— Если верить Льюивилле, Эрику ничего не стоит стереть вас в порошок. Она говорит, что вам надо подождать, пока все успокоится, и напасть на него в самый неожиданный момент, скажем, через год.

Я покачал головой.

— Извини,— сказал я,— не могу. Слишком много у нас было потерь. Теперь, когда мы почти у цели, поворачивать назад нельзя. Сейчас или никогда, Рэндом!

Он с сожалением посмотрел на меня, будто говорил: "Поступай как хочешь, но я предупредил тебя".

— Самое главное, Эрик умеет управлять погодой, и это хуже всего,— сказал Рэндом.

— Да, хуже всего,— подтвердил я,— как ты думаешь, он знает, что мы приближаемся?

— А как ты думаешь? Разве он настолько глуп?

— Нет.

— Если я в Рэмбе знаю о вашем приближении, то он, находясь в Амбере, тем более знает об этом. И вы слишком ощутимо влияете на Отражения.

— К сожалению, с самого начала у меня были недобрые предчувствия. Это план Блейза.

— Тогда выходи из игры. Пусть с плеч слетит только одна голова.

— Нет. Я все-таки надеюсь на что-то. Мы можем и выиграть. Тем более я веду флот.

— Ты говорил с Жераром и Каином?

— Да, конечно.

— В таком случае на море у тебя есть шанс. Но послушай: Эрик разобрался, как контролировать драгоценный Самоцвет Правосудия. Здесь, в Рэмбе, все сплетничают о его двойнике. Эрик может исполь-

зовать Самоцвет для управления погодой в реальном мире. Это ясно. И один Бог знает, что еще Эрик может натворить с его помощью.

— Что ж, придется вынести и это, — сказал я. — Нельзя допустить, чтобы какой-то жалкий штормишко взял нас на испуг.

— Корвин, я признаюсь тебе, что имел три дня назад разговор с Эриком.

— Зачем?

— Он вызвал меня, и я разговаривал с ним больше от скуки. Он же чрезвычайно ярко описал мне, какими средствами располагает.

— Он говорил с тобой потому, что узнал от Джулиана, что мы путешествовали вместе с тобой и действуем заодно. Он хотел запугать меня, будучи твердо уверен, что ты расскажешь мне об этом разговоре.

— Может быть, — отвечал Рэндом. — Но суть сказанного от этого не меняется.

— Верно, — согласился я.

— Тогда покинь Блейза, и пусть он сам ведет войну. А ты сможешь напасть на Эрика позже.

— Но ведь приближается коронация!

— Знаю, знаю. Но какая тебе разница, на кого напасть — на короля или принца? Какая разница, как будет зваться Эрик, когда ты его победишь?

— Но я дал слово.

— Возьми назад.

— Нет, я не могу рисковать.

— Тогда ты просто сумасшедший. Ты — псих.

— Быть может.

— А! Ты неисправим, Корвин. Но в любом случае — ни пуха, ни пера!

— К черту!

— До встречи!

Так и завершился мой разговор с Рэндомом, разговор, который, надо сказать, сильно встревожил меня.

Наверное, впереди для меня приготовлена ловушка. Эрик дураком не был и, скорее всего, не поленился поставить какие-нибудь преграды на нашем опасном пути. Так или иначе, я пожал плечами и засунул карты за пояс.

Быть принцем Амбера — значит быть одиноким и гордым. Это значит также, что ты не можешь довериться ни одной живой душе. Я не был сейчас от этого в восторге, но такова моя судьба, что ж поделаешь.

Я не сомневался, что именно Эрик направил на нас тот ужасный шторм. И Рэндом прав, Эрик может управлять погодой в Амбере.

Но я пытался и сам что-нибудь предпринять. Я завел корабли в одно из близлежащих Отражений и создал там занавес из снега. Клянусь, я вложил в него все силы, и это был самый сильный снегопад,

когда-либо создаваемый мною. На океан падали огромные хлопья снега. Пусть-ка попробует кто-нибудь остановить то, что является естественным для данного Отражения.

Но Эрик смог остановить снегопад. Кроме того, он направил на нас новый шторм, куда сильнее прежнего. На сей раз я сразу же взял штурвал в свои руки и не выпускал до конца шторма, перенасыщенного электричеством и нацеленного только на наши корабли. В результате еще сорок судов пошли ко дну.

Честно говоря, я уже боялся вызывать Блейза, чтобы узнать, каковы его потери. Тем не менее я вызвал его, и он сообщил, что у него осталось всего двадцать тысяч солдат, а остальные погибли в очередном наводнении. "И когда только он успел так разделаться и с Блейзом, и со мной?" — подумал я. Я рассказал Блейзу о своей беседе с Рэндомом.

— Лучше ни о чем не думать. Умеет Эрик управлять погодой или нет, а мы все равно побьем его, — сказал Блейз, и его слова немного ободрили меня.

— Надеюсь, — ответил я и отключил связь.

Закурив, я облокотился о борт.

Вскоре покажется Амбер. Теперь я знал, как попасть туда по воде и суше, работая с Отражениями. Мы продолжали плыть. Вдруг стало темно: тьма упала на нас сверху и скрыла все. Тут-то и начался шторм ужаснее всех предыдущих. Кое-как мы выкарабкались из него. Я не стал подсчитывать свои потери. И так ясно, что они огромные. К тому же я был напуган этими бесконечными штормами, ветрами, ливнями... Если Каин сдержит слово и препустит нас, это будет кстати. Если же нет, то это прекрасная возможность разбить нас. Я уже не верил ему. Наверняка он просто предал нас. Я приготовил свой флот — семьдесят три кораблика из некогда грозной флотилии, — когда увидел, что к нам приближается его эскадра. Карты сохранили мне или наоборот, совершенно точно указали на Каина как ключевую фигуру сражения.

Флагманское судно эскадры направилось к моему кораблю. Каин мог бы связаться со мной через колесу карт, но ему явно хотелось, чтоб о нашей встрече знало как можно больше народа — так сильно ощущал он свое превосходство. Он крикнул, не успев подойти поближе:

— Корвин! Немедленно сдай командование флотом! Я превосхожу тебя численностью, и тебе не пробиться.

Я посмотрел на него и поднес рупор к губам:

— А что с нашим соглашением?

— Оно аннулировано, — заявил он. — Ты слишком слаб, чтобы противостоять Амберу, и должен сдаться.

Я посмотрел через плечо на солнце.

— В таком случае, — сказал я, — позволь мне собрать совет капитанов, и, когда солнце будет в зените, я дам тебе окончательный ответ.

— Хорошо,— он не колебался ни секунды,— я думаю, твои капитаны по достоинству оценят создавшееся положение.

Я отвернулся, приказав вести корабль к основной группе судов, находившейся поодаль. Я прикидывал в уме оставшиеся варианты. Если я попытаюсь скрыться, Каин будет преследовать меня по Отражениям, сжигая мои суда одно за другим. На земле Амбера порох не горит, а в том, как эффективен он в Отражениях, мне не хотелосьшний раз убедиться. Если я скроюсь один, мой флот не сможет двигаться по Отражениям без меня и останется здесь в качестве тренировочной мишени для Каина. Таким образом, вариантов было всего два: либо мы все погибнем, либо сдадимся, что означает для меня также смерть. Я решил посоветоваться с Блейзом. Я сконцентрировал волю на карте с его изображением, и вскоре оно зашевелилось.

— Да?

Его голос звучал возбужденно, я расслышал шум битвы.

— У меня крупные неприятности,— сказал я.— Осталось всего семьдесят три корабля, и Каин приказал нам сдаться в плен до полудня.

— Черт бы его побрал! Я еще не продвинулся так далеко, как ты. И сейчас у нас битва. Кавалеристы рубят нас на куски. К сожалению, не могу дать тебе никакого совета, поступай, как знаешь. Прости, они опять атакуют.

На этом контакт был прерван.

Я решил поговорить с Жераром. Когда я вызвал его, увидел за его спиной тонкую береговую линию, кажется, это был юг. Мне не хотелось напоминать ему о нашем разговоре, поэтому я просто спросил его, может ли он помочь мне в борьбе против Каина.

— Я согласился только пропустить тебя, поэтому и увел свою эскадру на юг. Я не смог бы прийти к тебе на помощь вовремя, даже если бы захотел. И я никогда не давал тебе обещания убить своего брата.

Так сказал Жерар и прервал связь, не дожидаясь моего ответа. Он, разумеется, был прав. Ведь он предоставил мне возможность для победы, но не собирался выигрывать за меня битвы.

Что же делать? Ах, как прав был Рэндом!

Я снова закурил. Туман давно исчез, голубое солнце ласково припекало. Скоро полдень. Может, через два часа. Я перетасовал колоду. Конечно, я могу устроить поединок воли с Эриком или Каином. Такую возможность тоже давали карты, и может быть, карты могли наделить нас еще многими свойствами, но я об этом не знал.

Эти карты были сделаны рукой сумасшедшего художника Дворкина, старичка с ненормальным взглядом, который был волшебником, безумцем или блаженным. Мнения на этот счет расходились. Оберон привез его из какого-то дальнего Отражения, избавив Дворкина от страшной смерти, которую он сам выбрал. Подробности были неизвестны, но мы знали, что это событие так повлияло на беднягу, что с

тех пор он слегка тронулся, этот великий художник, обладавший какой-то неведомой силой. Исчез он загадочно много веков назад. Мы часто вспоминали о нем, но никто не знал, где он... А может быть; Оберон просто убил его, дабы тот не разглашал фамильных тайн, связанных с картами и Лабиринтом.

... Каин, скорее всего, будет готов к такой моей атаке, и, наверное, сломить его волю не удастся, даже если я смогу удерживать его в течение некоторого времени. Впрочем, Каин хитер и, должно быть, уже отдал команду, в какое время напасть.

Эрик, без сомнения, готов ко всему. Все-таки я оставил про запас и этот вариант, не отвергая его, а лишь отложив на самый жуткий момент. Все равно мне нечего терять. Только жизнь.

Еще у меня была карта с изображением Амбера, куда я мог попасть в мгновение ока, чтобы попытаться убить лисицу в ее норе. Но шансов у меня — один на миллион, и рисковать не было смысла.

Я бы хотел гордо умереть, сражаясь с достойным врагом, но я не хотел, чтобы гибли невинные и обманутые мною существа. Я даже усомнился в абсолютной чистоте моей крови — ведь у принца Амбера не должна возникать жалость, когда речь идет о царстве. Видимо, сказывались века, проведенные мною на Земле, которые изменили меня, приблизив к жителям этого Отражения, но не отдалив окончательно от моих братьев.

Итак, я решил сдать свой флот Каину. Сам же я надеялся с помощью карт проникнуть в Амбер, вызвать Эрика на поединок и убить его. И каким же глупцом будет он, если согласится на мое предложение. Да, другого пути у меня не было. Я уже повернулся, чтобы объявить свою волю капитанам, но в этот момент чужая воля пригнула меня к палубе, у меня перехватило дыхание. Я чувствовал контакт. С большим трудом я выдавил сквозь сжатые зубы:

— Кто?

Ответа не последовало, но мой мозг, казалось, зажали в тиски и сдавливали со страшной силой. Я сопротивлялся чужой воле, не желая оказаться под контролем чужого сознания. После недолгого сопротивления, видя, что я выдержал первый натиск, Эрик вымолвил первые слова. Его голос неожиданно зазвучал в моих ушах, и мне показалось, что его принес ветер.

— Как поживаешь, братец?— спросил он.— Как дела, ничего?

— Да так себе,— сказал вслух или подумал я, и он усмехнулся.

— Как мне жаль,— сказал он напряженным голосом,— что ты вернулся не для того, чтобы поддержать меня. От этого сотрудничества я многое выиграл бы. Но сейчас, конечно, все решено, и я с удовольствием развлекусь, уничтожая вас с Блейзом.

Я не сразу ответил, посылая новый импульс воли в его мозг. Он слегка отступил, но все же продолжал контролировать меня. Если бы в этот миг один из нас отвлекся, сделал бы ненужное движение, то сразу же попал во власть другого. Я ясно видел Эрика: он находился в

дворцовых покоях. Мы напряженно уставились друг на друга. Со стороны это было незаметно, но и он, и я слишком хорошо чувствовали нашу связь. Я даже обрадовался немного, ведь Эрик сам разрешил одну из моих проблем, когда вызвал меня на поединок воли. Он держал мою карту в левой руке, насунив брови — во всем теле чувствовалось необычайное напряжение. Я пытался найти слабое место, но это мне не удавалось. Офицеры на моем корабле говорили мне что-то, но я не обращал на них внимания.

Сколько прошло времени? Я потерял счет минутам еще в начале поединка. Уже могло пройти и два часа, и три. Может быть, Эрик хотел отвлечь меня на время, чтобы Каин беспрепятственно разделался с остатками моих кораблей? Я ни в чем не был уверен, и мне нельзя было отвлечься. Эрик читал мои мысли и даже не скрывал этого.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Я чувствую это. Действительно, я связан с Каином. После того как ты попросил отсрочку, мы вошли с ним в контакт. И я могу удерживать тебя, пока весь твой флот не спустится в Рэмбу, где людей сожрут рыбки!

— Подожди, они не виноваты ни в чем, ты сам это хорошо знаешь. Они, обманутые, свято верят в то, что сражаются за правое дело...

Я говорил и думал о том солдате, который сказал мне, что Эрик — Князь тьмы.

— Их смерть не сослужит тебе никакой службы, — продолжал я, — и я уже собирался сдать флот Каину.

— В таком случае, тебе не следовало раздумывать столь долго. Сейчас уже поздно, я не могу вызвать Каина без риска попасть под твой ментальный контроль. Пока я освобожу тебя, позову Каина, чтобы отменить приказ, я попаду под действие твоей воли или шпалги — как тебе больше понравится. Мы слишком сильно связаны сейчас, Корвин.

— Предположим, я дам тебе честное слово, что не предприму такой попытки...

— А потом возьмешь его обратно с такой же легкостью. Сделать это не трудно, когда речь идет о королевстве, — сказал Эрик.

— Но ведь сейчас ты можешь читать мои мысли. Ты видишь, что я говорю искренне. Я сдержу слово.

— Я чувствую твою огромную привязанность к этим людям, хотя не понимаю, чем она вызвана... Но все-таки — нет! Даже если сейчас ты откровенен (я это допускаю), то, почувствовав, что свободен, ты можешь изменить свое слово. Я не буду рисковать.

И это было правдой. Амбер слишком горячил кровь во всех нас.

— Кстати, ты стал неплохо фехтовать, Корвин. Где это ты так научился? Ссылка пошла тебе на пользу. Ты продвинулся в этом искусстве почти до той ступени, на которой нахожусь сейчас я. Но, безусловно, ты слабее меня и Бенедикта, если он жив, конечно.

— Не обольщайся, — ответил я, — я знаю, что могу победить тебя в любую минуту. Если тебе угодно, мы можем сразиться хоть сейчас.

— Но-но, не горячись. Я не буду сейчас драться с тобой на дуэли,— сказал Эрик, прочтя мою мысль не столько в мозгу, сколько по лицу, на котором она явно отразилась.

— Я все больше и больше жалею, что ты не со мной. Тебя я мог бы использовать куда лучше других: Джулиан— никто, мне просто плевать на него, Каин— трус, Жерар силен, но у него хитрости не больше, чем у курицы...

Я боялся, что он сам дойдет до Рэндом, и решил замолвить за него доброе словечко. Обстановка показалась мне благоприятной.

— Знаешь, Эрик,— сказал я ему,— по-моему, тебя поддержит Рэндом, если ты попросишь его. Тем более я просто заставил сопроводить меня, а сам он был от этого не в восторге.

— Ха-ха, я не уверен в нем совершенно, от него вечно ждешь какого-то подвоха. Нет, благодарю покорно. Хотя... я взял бы его, если бы он не был твоим протеже сейчас. Лучше пока забудем о нем.

В этот момент мои ноздри уловили запах дыма, а до слуха донесся металлический скрежет. Значит, Каин напал на нас, стремясь уничтожить поодиночке.

— Прекрасно,— сказал Эрик, расплываясь в гадкой улыбке, когда прочитал мои мысли.

— Останови их, пожалуйста! У моих людей нет ни одного шанса против твоей эскадры! Крови ты хочешь? Пупечного мяса?— Я негодовал.

— Даже если бы ты сдался...

Тут он прикусил губу и выругался.

Вот ты и проговорился, братец! Мне стало ясно, почему он так сожалел о том, что я не с ним, а против, и надеялся все-таки заполучить меня! Он начал говорить об этом раньше, чем намеревался, раньше, чем войны Каина уничтожили мои корабли, раньше, чем я сам сдался. Это его выдало. Я усмехнулся, не со злостью, а с жалостью глядя на него.

— Ты все равно будешь моим, когда захватят твой фрегат!— сказал он.

— А пока этого не произошло, получай!

И, собрав всю силу воли, я ударил по нему, давя на его мозг, уничтожая его своей ненавистью. Он еще сопротивлялся, но я уже ощущал его боль. И это заставило меня ударить еще сильнее. Я мстил ему за те годы, которые провел в ссылке; бил по его мозгу, требуя расплаты за то, что он бросил меня, чумного, подышать как собаку; я разрушал барьеры его разума за ту устроенную им автомобильную катастрофу. Я бил по нему, вызывая в его мозгу ответ на мои страдания...

Контроль его ослаб настолько, насколько усилилось мое давление. Я сгибал его волю, которая когда-то пыталась согнуть меня, и он постепенно отступал.

— Дьявол! Дьявол!— вскричал он и накрыл мою карту левой рукой.

Контакт прервался. Я дрожал, но ведь я добился своего— Эрик отступил! Я победил его в состязании воли. Я уже никогда не буду бояться своего брата-тирана. Я, измотанный бурями, вымокший под ливнями, изжаренный солнцем, был сильнее его!

Оглядевшись, я увидел, что сражение идет полным ходом. Палуба была залита кровью. Бок о бок с нашим судном стоял, зацепившись абордажными крючьями, корабль из армады Каина. Другой корабль пришвартовывался со второго борта. Стрела, пущенная из арбалета, пролетела в дюйме над моей головой.

Я вытащил шпагу и ринулся в самую гущу битвы. Я рубил врагов, убивал без счета. Только в первую свою атаку я уложил мертвыми парю дюжин. Та сила, которой обладал принц Амбера и которая позволила мне поднять "мерседес", сослужила в тот день мне хорошую службу. Приноровившись, я уже мог одного противника протыкать шпагой, а другого не глядя швырять за борт.

Матросы, воодушевившись моим примером, храбро дрались. Мы уже победили воинов Каина на двух пришвартовавшихся к нашему флагману кораблях, и, открыв кингстоны, отправили их в Рэмбу. "На развлечение Рэндому",— подумал я, благо никто не мог читать моих мыслей.

В этой битве я потерял половину своих солдат и офицеров, сам получил множество царапин и ушибов, но все же мы выиграли ее. Мы спасли еще один наш корабль, и люди с него перешли к нам. Таким образом, у меня снова была полная команда.

— Крови!— вскричал я.— Крови и мщения за этот день, мои brave воины! Пусть о нас услышат в Амбере!

И все, как один, они подняли свои шпаги и воскликнули:

— Крови и мщения!

Мы уничтожили уже пять кораблей Каина. Реки крови вливались в амберское море, меняя его цвет. Когда мы направились к шестому рейдеру, я взобрался на мачту и огляделся. Что я увидел! От моего флота осталось не более полусотни кораблей. А противник был втрое сильнее! Уже шестой рейдер был обречен на гниение в Рэмбе. Седьмой подплывал к нам, чтобы отнять у меня еще половину команды и... конечно, пойти ко дну. В этом сражении я был ранен несколько раз: правая нога ныла от глубокого пореза, были ранены плечо и левое бедро.

Соединив силы с еще одним кораблем, также вышедшем из битвы победителем, мы потопили следующий корабль.

Однако возможности отдохнуть у нас не было. Почти сразу же к нам подошел очередной корабль соперника, и его команда пыталась забраться на наше судно. Мои люди устали, да и я был не в лучшей форме. К счастью, воины Каина тоже вымотались, и прежде чем кто-то пришел к ним на помощь, мы уже перешли на этот корабль, унич-

тожив всю команду. Наш корабль получил много повреждений и уже черпал воду, а этот был в прекрасном состоянии, и мы воспользовались им.

Мы потопили еще одно неприятельское судно, команда моя состояла теперь из сорока человек, корабль был хорош, но сам я выдохся.

Теперь в поле зрения не было никого, кто мог прийти к нам на помощь. Каждый корабль моего флота вел бой по крайней мере с одним кораблем Каина. На нас надвигался еще один рейдер, но мы просто сбежали от него, выиграв таким образом, около двадцати минут. Я пытался уйти в Отражения, но так близко от Амбера сделать это очень сложно и нужно много времени, а я им не располагал.

Рейдер приближался к нам, а за ним плыл корабль Каина; на мачте корабля развевался черно-голубой флаг с единорогом — символ Амбера. Мы успели потопить рейдер, когда Каин напал на нас. Я стоял на мокрой от крови палубе, вокруг меня собралось человек двенадцать, а Каин забрался на нос и кричал мне, чтобы я сдавался.

— Сохранишь ли ты жизнь моим людям, если я сдамся?

— Да,— ответил Каин,— я сам потеряю столько же, если не соглашусь на твоё условие, а мы бы этого не хотели.

— Даешь честное слово принца?— спросил я.

Каин, немного подумав, кивнул головой.

— Хорошо,— сказал он,— прикажи своим людям сложить оружие и перейти на мой корабль, когда мы подойдем.

Я спрятал свою шпагу в ножны и сказал людям, окружающим меня:

— Вы славно бились и заслужили мою любовь, но мы проиграли. Сложите оружие и знайте, что подвиги, совершенные вами, никогда не будут забыты. Когда-нибудь я возвеличу вас при дворе Амбера!

Мои люди — девять краснокожих авернуцев и трое волосатых риканцев — плакали, складывая оружие.

— Не думайте, что все потеряно. Мы еще повоюем,— сказал я, вытаскивая карту Блейза.— Жаль, что я не могу взять вас с собой, но Каин оставит вам жизнь, увидев, что я ушел.

Борт корабля Каина скрежетнул о наш борт, когда холодная фигура Блейза потеплела.

— Кто?— спросил он.

— Корвин. Как у тебя?

— Мы выиграли сражение, но потеряли очень много людей. Сейчас отдыхаем. А как ты?

— Кажется, мы уничтожили половину флота Каина, но выиграл он и сейчас захватит наш корабль. Помоги мне уйти.

Он протянул вперед руку, я прикоснулся к его пальцам и оказался рядом с ним.

— Кажется, мы уже привыкли к ранам,— сказал я, увидев, что он ранен в голову и левую руку.

— Схватился за острие шпаги,— объяснил он, указывая на руку.

Я перевел дыхание, и мы двинулись к его лодке, где он открыл бутыл с вином, дал мне хлеба, сыра и кусок вяленого мяса. У него еще был приличный запас сигарет, и я с удовольствием выкурил одну, пока его врач перевязывал мои раны.

Его армия насчитывала около ста восьмидесяти тысяч человек. Я стоял на вершине холма, в сгущающихся сумерках, и мне показалось, что я вижу все войска, которые только были в мире за всю историю войн. Слезы внезапно затуманили мне взор, когда я подумал о короткой жизни простых людей, которые ежедневно погибали в результате безумных битв, ведущихся в самых разных мирах.

Я вернулся в палатку Блейза, и мы распили с ним еще одну бутылку.

Глава 7

В эту ночь начался ураган. Он не закончился с наступлением зари и продолжался в течение всего нашего тяжелого похода.

Мы тщетно пытались найти Отражения, в которых в это время не было дождя. За один день мы могли бы дойти до Амбера, но дойдем ли мы до него в насквозь промокшей одежде?

На следующее утро температура резко понизилась. Над землей повисли свинцовые тучи, из которых повалил липкий снег. От дыхания изо рта вырывался пар. Солдаты мерзли. Только волосатые риаканцы переносили морозы более или менее спокойно. Карта из Чертовой масти, изображающая Амбер, показывала, что там теплая сухая осень. Я приказал двигаться быстрее, и мы уже приближались к Амберу.

В середине ночи следующего дня моего пребывания в армии Блейза на нас обрушилась снежная буря, затем полил холодный дождь, сменившийся теплым, и наконец установилась нормальная сухая погода. Наши солдаты были измотаны, они чуть не валились с ног, поэтому Блейз отдал приказ разбить лагерь. Мы поставили тройные караулы — учитывая усталость нашей армии, надо быть готовыми к нападению, которое и состоялось несколькими часами позже.

Возглавлял его Джулиан, судя по описанию тех, кто уцелел. Удар был нанесен по самому уязвимому месту нашего лагеря — периферийной его части. Если бы я знал, что это — Джулиан, я использовал бы его карту и подавил его волю. Но узнал об этом я лишь спустя некоторое время.

Казалось, наши воины потеряли присутствие духа и шли вперед только потому, что им не приказывали остановиться.

Мы потеряли еще около двух тысяч человек, когда вдруг резко похолодало.

На следующий день наше войско постоянно попадало в часто по-

ставленные засады, которых не удавалось избежать. Нападающие атаковали фланги и убивали по пять наших солдат, теряя одного из своих.

К полудню мы оказались у моря. Арденский лес находился севернее нас, а Амбер был прямо впереди. Легкий ароматный бриз, вобравший в себя запахи трав, земли и деревьев, обдувал наши лица. Изредка с деревьев падали листья. Амбер находился примерно в восьмидесяти милях от нас и не был виден. Зато мы видели далекое сияние, исходящее от него. Мы повернули в лес.

Вскоре стали собираться тучки, пошел дождь и засверкали молнии, но затем гроза прошла, уступив место солнцу, которое высушило все вокруг.

Через некоторое время мы почувствовали запах дыма. Он шел отовсюду, поднимался вверх, окружая нас. Вскоре в небо извились языки пламени. Они приближались к нам. Становилось все жарче. В нашем войске началась паника, раздались крики. Колонны сломали свой строй, ринувшись вперед. Мы уже бежали по лесу, и хлопья пепла падали на нас, дым становился гуще, мешал дышать. Огонь застилал небо, которое посылало все новые раскаты грома. Жаркие волны, стремясь поглотить нас, накатывали со всех сторон. Деревья, мимо которых мы бежали, почернели и скорчились, кустарник дымился. Впереди нас не ожидало ничего, кроме огня. Мы помчались быстрее, не сомневаясь, что скоро станет еще хуже, и не ошиблись. Деревья-великаны, объятые диким огнем, стали падать, преграждая нам дорогу. Перепрыгивая их, мы неслись вперед. Жара стояла ужасающая, дышать становилось все труднее, кажется, мы глотали огонь, вдыхая его вместе с горячим воздухом.

Олени, волки, лисы, кролики неслись вместе с нами, не обращая никакого внимания на своих извечных врагов. В полыхающем небе кричали птицы и падали, сгорая, на выжженную землю.

Поджог этого леса, столь же ценного, как и Арденский, казался мне святотатством. Но Эрик был принцем, а хотел стать королем. Если мы сгорим здесь заживо, ему это, естественно, удастся. Стоит ли жалеть каких-то зверьков ради такой цели? Возможно, на месте Эрика и я поступил бы также...

Волосы, брови и ресницы были у нас опалены, в горле пересохло. Много ли людей выйдет из этого ада живыми?

Семьдесят миль, покрытых горящим лесом, отделяло нас от Амбера. Около пятидесяти миль мы уже преодолели.

— Блэйз! — хрипло позвал я. — Через две-три мили отсюда будет развилка. Правая тропа приведет нас к реке Ойзен, впадающей в море. Добраться до воды — это единственный шанс для нас. Как ты считаешь?

Он кивнул, и мы побежали с такой скоростью, с какой только могли передвигаться наши ослабевшие тела.

Сбивая пламя с дымящихся одежд, выплевывая изо рта пепел, сти-

рая с глаз копать, страживая с волос тлеющие угольки, мы добрались до развилки.

— Теперь не больше четверти мили, держитесь!— крикнул я на бегу.

Несколько раз на меня падали ветки. Лицо и руки были обожжены. Мы бежали по горячей траве вниз по склону холма. Завидев воду, люди кинулись вперед с такой скоростью, на которую, по-моему, был способен не всякий бегун.

Бросившись в воду с разбегу, мы ощутили ее прохладное объятие.

Я старался плыть рядом с Блейзом. Течение подхватило нас и понесло все дальше по извилистому руслу Ойзена.

Ветви деревьев над нашими головами были похожи на посеребренные огненные лучи, если это вообще можно себе представить. Когда они с треском падали, нам приходилось уворачиваться или нырять как можно глубже, чтобы избежать легких ушибов и ожогов. Вода шипела вокруг, по ней плыли обуглившиеся деревяшки. Все же это была холодная вода, которая оттягивала жар от наших ран. Мы уже начали стучать зубами. Находились мы уже в нескольких милях от того места, где вошли в реку. Впереди показалась ровная плоская равнина у самой воды, поросшая невысоким, но сочным кустарником. Идеальное место для засады лучников Джулиана, и я сказал об этом Блейзу.

Он не мог не согласиться со мной, как не мог ничего этому противопоставить.

Лес все еще горел вокруг нас, когда мы плыли по Ойзену. Казалось, прошли многие часы, целая вечность с того момента, как мы упали в воду. Но в действительности прошло совсем немного времени, как наши страхи успели воплотиться и на нас посыпались тучи стрел.

Я нырнул и долгое время находился под водой без движения, экономя силы и зная, что меня все равно сносит течением. Мне удалось преодолеть большое расстояние, прежде чем я вынырнул. Когда же сделал это, стрелы вновь посыпались вокруг меня.

Только Бог знает, какой из них было бы угодно оказаться для меня последней, а я не спешил об этом узнать. Набрав побольше воздуха, опустился на самое дно. Рука моя коснулась подводных камней, и я принялся на ощупь пробираться сквозь них. Я плыл так далеко, как только мог, а затем вынырнул у правого берега, сделал глубокий вдох и вновь погрузился в воду, даже не осмотревшись.

Я плыл под водой до тех пор, пока не показалось, что скоро легкие лопнут от напряжения. Я вынырнул. На этот раз мне не повезло. Одна стрела вонзилась в руку. Мне удалось снова нырнуть и сломать ее у наконечника, когда я достиг дна. Потом я вытащил и острие, продолжая плыть по-лягушачьи, извиваясь всем телом и слегка помогая себе здоровой рукой. Я понимал, что когда выплыву на поверхность в следующий раз, буду просто мишенью для лучников. Поэтому я заставил себя плыть все дальше до тех пор, пока в голове не пому-

тилось и перед глазами не запрыгали красные огоньки. Я оставался под водой, по меньшей мере, три минуты.

Я вынырнул, и ничего не произошло. Переведя дух, огляделся — никого не было видно поблизости. Я выкарабкался на левый берег реки, цепляясь за прибрежные корни, похожие на извивающихся змей. Деревьев здесь почти не было, поэтому лесной пожар сюда не добрался. Могло ли так случиться, что я один выжил после всего этого ада? Нет, это казалось мне невероятным. Нас было достаточно много, и кто-то кроме меня должен быть жив.

Я был полумертв от усталости, все тело болело. После холодной воды я дрожал и, наверно, моя кожа была синего цвета в тот момент. Я лежал на спине, отдыхая. Меня окружали незнакомые места. Я заполз в густой кустарник и заснул там, свернувшись в клубок.

Когда я проснулся, то пожалел об этом. Во сне я не ощущал боль, зато проснувшись, почувствовал, что болит каждый кусочек моего тела. Я пролежал еще несколько часов в обмороке. Очнувшись во второй раз, подошел к реке и с жадностью напился. Я все еще был слаб, но состояние, несомненно, улучшалось. С помощью карты Блейза я обнаружил, что он тоже жив.

— Где ты?— спросил он.

— Понятия не имею. Хорошо, что я вообще где-то нахожусь. По моему, море недалеко отсюда, я слышу плеск волн.

— Ты все еще у реки?

— Да, я на левом берегу.

— Тогда оставайся на месте, я пошлю кого-нибудь за тобой. Я собираю войско, здесь уже две тысячи человек, и вряд ли Джулиан сможет приблизиться к нам.

— Хорошо, буду ждать,— ответил я и снова потерял сознание.

Очнувшись, услышал треск веток— кто-то продирался сквозь кусты. Раздвинув несколько веток, я посмотрел вперед и увидел трех высоких солдат из моей армии. Я выпрямился, пригладил волосы, отряхнул одежду. Меня немного покачивало. Я несколько раз глубоко вздохнул и выступил вперед.

— Я здесь,— сказал я.

Услышав голос, двое из солдат выхватили шпаги, приготовившись к обороне, но, узнав меня, улыбнулись и проводили в лагерь. Он был в двух милях от моего прежнего укрытия, и все это расстояние я проществовал с той же гордой осанкой. Меня встретил Блейз.

— Нас уже больше трех тысяч,— сообщил он и позвал военного врача, который перевязал мои раны.

Ночь прошла на удивление спокойно, никто на нас не нападал. Кроме того, все время к нам подходили остатки нашего войска. Их было уже пять тысяч, и Амбер виднелся вдали. Через день мы отправились в путь. Мы прошли уже 15 миль вдоль берега, а войск Джулиана ни разу не встретили. Это было хорошо, хотя и странно. Моя боль

стала понемногу утихать, но временами было так больно, что хотелось кричать во все горло.

До Амбера оставалось уже не более сорока миль, погода стояла хорошая. Близлежащий выжженный лес был чернее дегтя. Огонь уничтожил кустарник в долине, и это было нам на руку — теперь Джулиану негде делать засады, местность просматривалась на милью вперед. До захода солнца мы прошли еще десять миль, и расположились у моря на ночлег.

Утром следующего дня я напомнил Блейзу о приближающемся дне коронации. Мы давно потеряли счет дням, но, наверное, оставалось еще несколько дней в запасе. Сделав в этот день еще два броска, мы остановились в десяти милях от Колвира.

Я чувствовал себя гораздо лучше. Сделав несколько упражнений со шпагой, я обнаружил, что у меня ничего не болит.

На другой день мы подошли к подножию Колвира, где нас встречали уже солдаты Джулиана и матросы Каина.

Блейз держался как на параде, я атаковал с новыми силами. У нас осталось примерно три тысячи солдат, когда все отряды Джулиана были разбиты. Мы победили. Сам Джулиан, конечно, исчез. Мы праздновали победу в ту ночь. Но я был охвачен тревогой и признался в этом Блейзу. Три тысячи солдат против Колвира — надежда на выигрыш становилась все меньше. Я потерял флот, а от всей пехоты у нас осталось лишь десять процентов. Меня не могло это не беспокоить.

Утром мы начали подниматься на гору по узкой лестнице, на которой могли разойтись только два человека; постепенно лестница сужалась. Мы продвинулись еще на триста ярдов вверх, когда новый порыв ветра налетел с моря. Мы шли осторожно, но человек сто все-таки сорвались в пропасть.

Лестница становилась все круче, дождь застучал по камням. Поднявшись примерно на четверть высоты Колвира, мы столкнулись с колонной вражеских солдат, спустившихся нам навстречу. Первые из наступающих обменялись ударами с нашим авангардом, и двое людей упали замертво. Выиграв две ступеньки, мы потеряли еще одного воина. Так продолжалось более часа. Наша линия обороны заметно поредела, фронт приближался к Блейзу и ко мне. Авернуscopy, гордость армии, были сильнее людей из армии Эрика, но число их было непропорционально мало. Раздавались удары сабель, крики. Поминутно мимо нас пролетали сорвавшиеся или сброшенные, чаще это были солдаты противника. Половина лестницы осталась позади. Если мы дойдем до вершины, перед нами будет широкая лестница, по ее отражению я и Рэндом спускались в Рэмбу. Лестница приведет нас к Большой Арке — восточному входу в Амбер.

Впереди нас осталось не больше двенадцати солдат, а сзади — две трети пути и политая кровью лестница. Восточной лестницей пользуются редко, она сделана как бы для украшения. Сначала мы хотели обойти гору с запада и там войти в Амбер, но сделать это было бы

очень сложно, принимая во внимание малое количество воинов на нашей стороне. Сейчас мы должны атаковать в лоб или поворачивать обратно. Отступать мы не собирались, поэтому продолжали драться.

...Еще три воина Эрика свалились вниз, а мы продвинулись на столько же ступенек вперед. Затем один храбрый авернусец пал, и мы сделали шаг вниз. У подножия Колвира собирались птицы. Вдруг выглянуло солнце, видимо, Эрику надоело контролировать погоду в Амбере. Мы платили за каждую ступеньку если не жизнью, то кровью наших солдат. Это было страшно и печально.

Впереди меня осталось шесть человек. И Блейз. Он шел впереди, и скоро настанет его черед согреть острие шпаги чьей-то кровью.

Теперь впереди осталось всего двое наших воинов. Блейз вытащил из ножен свою длинную шпагу, ее лезвие блеснуло на солнце.

— Скоро, Корвин, мы увидим, что они могут сделать против принцев Амбера,— сказал он, а мне подумалось: "Хорошо бы, против одного из них". Вероятно, он догадался, что я так подумал. Три четверти пути по лестнице были позади. Теперь настала очередь Блейза.

Он ринулся вперед, мгновенно убив первого, оказавшегося перед ним. Острие его шпаги вонзилось в горло второго, и почти сразу же он ударил по голове третьего, скинув его вниз. Две секунды понадобилось Блейзу, чтобы справиться с четвертым нападавшим. Я шел следом за ним, держа наготове шпагу, и внимательно наблюдал за его действиями.

Он был великолепен в сражении. Никогда еще я не видел его таким. Он неслился вперед подобно дракону. Шпага его казалась живой в отблесках солнечного света. Враги падали перед ним один за другим. Чтобы ни говорили о Блейзе мои родственники, в тот день он показал себя истинным принцем... Я прикидывал, долго ли он продержится.

В левой руке он сжимал кинжал, жестоко используя его, когда предоставлялся случай. Однако Блейзу пришлось оставить его в горле одиннадцатой жертвы.

Я не видел конца колонны наших врагов, но рассчитывал, что она доходит до вершины лестницы, не дальше. Я даже надеялся, следя за Блейзом, что моя очередь никогда не наступит. Я почти верил в это!

Уже три воина пролетели мимо, чуть не задев меня, когда мы подошли к небольшой лестничной площадке, за которой следовал поворот. Блейз расчистил площадку и снова стал подниматься вверх. Он дрался уже минут тридцать, а неприятели все умирали, все падали вниз. За моей спиной слышался шепот восхищения. Блейз продвигал все фехтовальные приемы, выбивая шпаги плечом, делая подножки, хватая свободной рукой врага за кисть и сбрасывая его со ступеней.

Мы дошли до следующей площадки. Рука Блейза была в крови, а на лице — улыбка. Он убивал улыбаясь, и это подавляло соперников, заставляло их бледнеть, как полотно. Кроме того, за спиной моего брата стоял я, и они чувствовали себя просто смертниками. Блейз под-

нимался все выше и выше. Просто невероятно, даже я не надеялся на это. Я вспомнил Бенедикта, который однажды победил в Арденском лесу целый полк кавалерии.

Но постепенно Блейз начал уставать, его движения слегка замедлились. Если бы я мог хотя бы на несколько минут заменить его, дать отдохнуть! К сожалению, такой возможности не было — лестница настолько сузилась, что на ней нельзя разойтись. Поэтому я продолжал идти за ним, со страхом ожидая рокового удара. Я знал, что он слабеет, я знал, каких нечеловеческих усилий стоит ему продвижение вперед. А мы были уже в ста футах от вершины.

Внезапно мое сердце будто бы сжалось в комок, я представил, как мне будет не хватать моего брата, если его убьют здесь. Блейз был моим братом, и он здорово выручил меня. Наверное, он уже не надеялся живым добраться до вершины, но он продолжал сражаться, расчищая дорогу передо мной.

Он убил еще троих, несмотря на то, что с каждым ударом его шпага двигалась все медленнее. Со следующим он дрался минут пять, но все-таки убил его. Я был почти уверен в том, что больше он не продержится.

Но этого, однако, не произошло. Пока он вытяскивал шпагу из горла одного из воинов, я взял в правую руку кинжал и метнул его. По самую рукоять кинжал вошел в горло очередной жертвы.

Блейз перепрыгнул через две ступеньки и ударом локтя скинул одного воина и вспорол живот другого. Я кинулся следом за ним, готовый в любой момент поддержать его, но пока он не нуждался в моей помощи. У него будто открылось второе дыхание, он кинулся вперед и заколол еще двух солдат. Я попросил передать мне еще кинжал, но солдат, в которого я целился, неожиданно рванулся вперед, и кинжал отскочил от его головы, ударив рукояткой. Блейз быстро прикончил его шпагой.

Следующий солдат кинулся навстречу Блейзу, шпага моего брата вошла тому в живот, он потерял равновесие и упал, увлекая за собой Блейза.

Я мгновенно выхватил из-за пояса колоду своих карт, скорее повинувшись рефлексу, нежели понимая, что делаю, и швырнул ее падающему в пропасть Блейзу, успев во все горло прокричать:

— Блейз! Лови скорее, лови карты!

Я не мог следить за ним дольше. Увидев, что он поймал колоду, я отразил атаку и двинулся дальше...

И тогда начался новый этап нашего наступления на Амбер.

Нам удалось взобраться на Колвир. Я стоял на верхней площадке, поджидая своих славных воинов. Мы построились и продолжили наступление. За час мы добрались до Великой Арки. Пройдя ее, мы очутились в Амбере. Мы все-таки дошли.

Чтобы ни делал сейчас Эрик, где бы он ни был в этот момент, я уверен, он не догадывается, что мы прошли так далеко.

Я задумался над тем, где сейчас Блейз. Успел ли он выхватить карту или достался на дне пропасти птицам, шакалам и червям?

Мы явно недооценили противника. Сейчас войско Эрика превосходило нас во всех отношениях, и нам ничего не оставалось, кроме отчаянного сопротивления. Почему я бросил свои карты Блейзу? На что я теперь могу надеяться? Я видел, как Блейз потерял свои карты, поэтому, желая спасти его, я сделал то, чему научился, пока жил в Отражении Земля.

Мое войско было полностью разбито, со мной осталось лишь горстка воинов, когда уже в центре Амбера нас окружили. О нападении не могло быть и речи, мы защищались и погибали один за другим.

Ах, почему я не остался в Рэмбе? Дейдра или Льюивилла укрыли бы меня...

Я убил еще одного врага и перестал задумываться над этим.

Сгущались сумерки. Нас осталось всего несколько сотен, и мы не продвинулись ни на шаг вперед. Вскоре я увидел Эрика и услышал его голос, он отдавал приказы. Если бы я мог приблизиться к нему, я, наверное, сдался бы, чтобы спасти жизнь солдатам.

Но подойти к нему я не мог. Даже если бы я крикнул, он не услышал бы меня. Поэтому кровопролитие продолжалось. Когда у меня осталось не более сотни человек, подоспел новый отряд Эрика и убил всех моих солдат. На меня же накинута сеть, как на загнанного зверя. Я упал, и меня принялись бить дубинками по голове и израненному телу. Начался какой-то кошмар, который не кончался еще очень долго...

Пришел в сознание я уже в темнице, глубоко под Амбером, сожалея, что не удалось умереть. То, что я был еще жив, говорило о каком-то замысле Эрика; он явно хотел чего-то от меня. Я предвидел ту деградацию, какую я совершу под пытками или просто лежа на этой соломенной подстилке.

Я обыскал свою небольшую каморку, попытался найти хоть что-нибудь, с помощью чего смогу положить конец своим мучениям, и, конечно, ничего не обнаружил. Ко мне никто не приходил, мне никто не принес поесть, никто не пытал меня.

Лежа на подстилке, завернувшись в плащ, я вспоминал все события, начиная с моего побега из Гринвудской частной клиники. Наверное, было бы лучше, если бы я не отказался от того укола и остался там.

Та тюрьма была уютнее этой.

Я впал в отчаяние. Коронация Эрика теперь состоится непременно, и никто не окажет ему сопротивления. Никто.

Впрочем, у меня был один союзник — сон. В этой мокрой, темной и дурно пахнущей камере мне ничего не оставалось делать, кроме как спать.

Я улёгся поудобнее, и сон смежил мне веки.

Глава 8

Я не знаю, сколько раз я просыпался и засыпал снова. Иногда я обнаруживал у двери на подносе кусок мяса и бокал с водой. Я ждал развития событий, ведь не могло же это длиться вечно! И вот за мной пришли. Дверь распахнулась, впуслав мягкий луч света, которому я очень обрадовался. И я услышал, как кто-то произнес мое имя.

В коридоре толпились вооруженные люди. Но я и так не собирался шутить с ними. Я провел рукой по лицу, на нем успела отрасти щетина.

Видимо, я проспал дня три.

Мы шли достаточно долго, поднялись по винтовой лестнице, прошли чуть ли не половину дворца, прежде чем очутились в теплой и чистой комнате, оказавшейся ванной. Там я смыл кровь и грязь, а молчаливый парикмахер побрил и подстриг меня.

Я облачился в свои цвета и снова стал тем Корвином, какой был изображен на карте. Мне подали черный шелковый плащ с серебряной застежкой в виде розы.

— Теперь вы готовы, — сказал мне офицер из охраны.

Меня повели по дворцу; в одной из комнат чернородый кузнец с обручем на голове заковал меня в цепи и надел наручники. Я не сопротивлялся, ибо меня не радовала перспектива быть побитым плебеями.

Мы вошли в столовую залу, где было полно людей, сидящих за столами, стоявших у окон, главной темой для разговоров служил, конечно, я. Я еще не понимал, зачем Эрику понадобился весь этот маскарад, и злился. Гремела музыка. Самые знатные жители Амбера находились в праздничном зале. Горели факелы, раздавался смех. Многих людей я не узнавал, многие когда-то были моими друзьями.

Столы ломились от яств, но к еде еще никто не приступал.

В толпе я заметил Рэйна, бывшего менестреля, которому я даровал титул лорда...

Мне отвели место за большим столом в центре зала. Ах, какая честь! Меня усадили в конце стола (или начале!), и закрепили цепи в кольцах, специально вбитых для этого в пол. Кресло напротив не было пока занято. Я огляделся. Слева от меня сидел Джулиан, а справа — приятная блондинка, которую я не встречал прежде.

— Добрый вечер, — обратился я к ней. — Нас еще не представили друг другу. Меня зовут Корвин.

Она растерянно посмотрела на меня, потом взглянула на сидевшего рядом рыжеволосого мужчину, занятого разговором с соседкой с другой стороны от себя, и наконец, улыбнувшись, сказала:

— Мое имя Кармель. Как вы себя чувствуете, принц Корвин?

— Кармель. Приятное имя. Спасибо, все в порядке. Скажите, как

получилось, что вы, такая приятная женщина, посетили этот шабаш ведьм?

Она не успела ответить. В нашу беседу вмешался Джулиан.

— Корвин,— позвал он, повысив голос,— по-моему, леди, к которой ты пристаешь, не очень-то хочет говорить с тобой...

— И тем не менее для меня она произнесла целую фразу, а тебя заметила только благодаря твоей наглости.

Оказывается, мой язык вовсе не стал менее острым. Джулиан явно смутился, встал и бросил мне:

— Довольно! Я не потерплю этого!

Я лениво потянулся, звякнув цепями. Это произвело должный эффект, а я узнал, насколько свободен в движениях. Маловато... Эрик очень осторожен.

— Джулиан! Если желаешь, подойди поближе и прошепчи свои возражения мне на ушко,— предложил я, притворно зевая.

Но он не послушался.

Разговор с блондинкой можно было считать оконченным. Вскоре в зал вошли шестеро гарольдов и затрубили в свои трубы, настраивая публику на торжественный лад.

Обе створки дверей распахнулись, и, важно выступая, в зал вошел Эрик. Разумеется, все повскакивали со своих мест. Все, кроме меня. Пришлось моим охранникам насильно поднять меня со стула и поддерживать в стоячем положении. Эрик так укутался в королевскую горностаевую мантию, что она совершенно скрыла его собственные цвета. Он остановился возле высокого кресла с резной спинкой во главе стола. Слуги разлили вино. Все подняли бокалы, и Эрик произнес тост:

— Живите вечно в вечном городе!

Я наблюдал за этой сценой.

— Возьми бокал!— напомнил мне Джулиан.

— С удовольствием, если подашь!

Джулиан посмотрел на меня долгим взглядом, и я быстро поднял свой бокал. Придав подобострастное выражение лицу, я крикнул:

— За Эрика, который сидит в самом конце стола!

Никто не захотел пить. Что ж, их дело. А я с удовольствием осушил бокал в то время как все гости, следуя примеру Джулиана, выплеснули вино на пол.

Начали подавать блюда. Я очень проголодался и поэтому ел больше остальных и получал от еды огромное удовольствие. Продолжала грохотать музыка, все веселились. Ко мне никто не обращался, и я ни с кем больше не заговаривал. Никто даже не смотрел в мою сторону, хотя мое присутствие ощущали все.

Каин сидел далеко от меня, по правую руку Эрика. Джулиан, бедняжка, был явно не в форме. Я не видел ни Дейдры, ни Рэндома.

Обстановка была чрезвычайно торжественной. Я понял, что через несколько минут Эрик перестанет зваться принцем Амбера. Обед был

закончен. Гости поднялись со своих мест, и торжественная процессия потянулась из столовой в тронный зал. Конечно же, меня тоже потащили туда.

Эрик остановился перед тронном, и все склонили головы. Все, кроме меня. Но тут же стражники так скрутили мне руки, что я оказался на коленях. Все притихли, когда Каин внес на алой подушке корону Амбера.

Вдруг меня рванули вперед. Я понял, чего они добиваются, и стал сопротивляться... Я снова оказался на коленях, но уже перед самым тронном.

Ах, как не соответствовала легкая мелодия "Зеленые рукава" тому, что происходило в зале, и тому, что творилось в моей душе.

За моей спиной вновь возник Джулиан и сказал:

— Возьми корону и протяни ее Эрику, он коронует себя.

Я перевел взгляд на корону. Она была изготовлена из серебра, имела семь зубцов, которые венчались изумрудами и рубинами. Я вспомнил о том времени, когда мой отец владел этой вещицей.

— Нет,— просто сказал я и сразу же получил удар в лицо.

Джулиан повторил указание более настойчиво. Я попытался ударить его, но меня крепко держали.

— Ну ладно,— сказал я после еще одной пощечины и потянулся к короне.

Несколько секунд я держал ее в руках, потом надел на голову и сказал:

— Я короную себя, Корвина. Я— король Амбера.

Стоит ли говорить, с какой поспешностью сняли корону с моей головы, водворив ее на алую подушечку. Меня снова ударили.

— А теперь возьми и попробуй еще раз,— проговорил Джулиан,— протяни ее Эрику.

Еще один удар, и я почувствовал, что кровь выступила на моей спине. Я согласился взять корону второй раз и швырнул ее изо всех сил, стараясь выбить Эрику глаз одним из зубцов.

Он поймал ее на лету и улыбнулся так, будто добился от ленивой собаки подавать лапу по команде.

— Спасибо,— сказал он, обращаясь ко мне.— А теперь слушайте меня все! В этот день я принимаю царствование. Я беру скипетр в свою руку. Я честно завоевал этот трон и занимаю его по праву крови.

— Лжец!— крикнул я, и мне зажали рот.

— Я короную себя, Эрика Первого, я— король Амбера.

— Славься, король! Славься, король!— раздались возгласы из толпы приглашенных.

После этого "король" наклонился ко мне и сказал:

— Твои глаза видели самое великолепное зрелище. Пусть же оно будет последним в твоей жизни! Эй, стража! Пускай ему выжгут глаза и запрячут в самую глубокую подземную темницу.

— Не потеряй корону, король,— сказал я и плюнул ему в лицо. Меня избили и поволокли из зала. Никто не смотрел в мою сторону, каждый стремился отвести свой взгляд. Последнее, что я видел,— фигура Эрика, восседавшего на троне. Наверняка он раздаривал в этот момент улыбки.

Его приказания были добросовестно исполнены. Слава Богу, что я потерял сознание при первом же прикосновении железа, но успел прежде произнести свое проклятие. Я знал, что никогда теперь Эрик не будет спокойно сидеть на своем троне, потому что проклятие принца Амбера, сказанное в ярости, всегда сбывается... Очнувшись в своей камерке, я почувствовал ужасную боль в голове и выжженных глазницах. Я уткнулся в грязную солому лицом, мне хотелось заплакать, но слез не было. Сон не приходил ко мне. Только Бог знает, сколько времени пролежал я так, пока не заснул наконец.

Когда я проснулся, то ощутил ту же боль, которая не давала мне покоя. Я поднялся на ноги и прошелся по камере, таким образом установив размеры своей тюрьмы: несколько шагов от стены до стены. Я нащупал деревянную дверь, а в противоположном конце комнаты— соломенный матрас. Под дверью была небольшая щель, через которую снаружи подавали мне поднос с едой. В первый раз, когда я его обнаружил, на нем был кусок заплесневелого хлеба и стакан с водой. Я очень голодал и накидывался на еду, хотя она и не прибавляла мне сил. Проснувшись, я шел к двери, у которой иногда находил пищу, съедал ее и снова ложился спать. Я боялся сойти с ума от безделья. Я ненавидел своего брата, который был королем в Амбере. Лучше бы он сразу убил меня!

То время, когда я не спал и не ел, я посвящал обычно воспоминаниям и размышлениям, чтобы хоть чем-то занять свободные минуты. Попробовал было сочинить балладу, но кроме строки "Сижу за решеткой в темнице сырой" так ничего и не придумал. Мне было интересно, почему мои братья не захотели помочь мне и как они вообще отнеслись к моему наказанию. Меня утешала мысль о том, что царствование Эрика не будет безоблачным. Кромешный мрак опустится на великий город. Его навлечет мое проклятие!

Так текли дни в подземелье. Я не могу сказать, сколько времени провел в темнице. Даже если бы у меня были глаза, я не отличил бы дня от ночи. "Наверное, я сижу здесь несколько лет",— думалось мне, когда провел там не более месяца. Я спал, ходил, ел и опять спал. Я изучил каждый камень в полу моей темницы. Иногда я садился, скрестив ноги, и зажимал одну ноздрю. Дыхание становилось ровным, мысли отступали — это помогало мне расслабиться. Это помогало мне не думать ни о чем.

Я был еще жив, я сохранял еще какие-то силы. Но я был узником, потерявшим зрение. Слепец не может управлять Отражениями, изменяя их.

Внешность моя стала, наверное, страшна: борода выросла до груди,

волосы — до плеч. Я очень сильно похудел. Сначала мне все время хотелось есть, но вскоре аппетит пропал.

Я начал забывать обо всех происшедших со мной событиях, я смотрел на них со стороны, будто они происходили с другим человеком.

Однажды за дверью тихо поскреблись. Я не обратил внимания. Вдруг услышал свое имя:

— Корвин? — прошептал кто-то.

— Да? Кто это?

— Я, Рэйн, — последовал ответ, — как вы там?

— Ха-ха, — рассмеялся я, у меня был, наверное, нервный срыв, — здесь так прекрасно! Меня развлекают прекрасные женщины, я пью шампанское, ем бифштексы с кровью... Ну и вопросы ты задаешь, приятель!

— Простите, — сказал Рэйн, — но я не могу ничего изменить...

Боль слышалась в его голосе.

— Знаю, — серьезно ответил я.

— Если бы была возможность, я бы сделал для вас все!

— Знаю, — повторил я.

— Я тут принес кое-что. Возьмите, — сказал он, открывая окошко в двери.

— Что здесь?

— Чистая одежда, три буханки свежего хлеба, головка сыра, немного мяса, блок сигарет и несколько коробков со спичками.

Я потерял на некоторое время голос, в горле пересохло. Я не ожидал такого подарка.

— Спасибо, Рэйн, ты — молодец. Но как тебе удалось все это?

— Мне знаком стражник, стоящий в это время на часах. Он объяснил мне также, как я — вам, поэтому никому не скажет о визите.

— Хорошо, если ты уверен в нем, но лучше не приходи сюда еще раз. Сколько, кстати, времени я здесь пробыл?

— Четыре месяца и десять дней.

— Да, многовато. Что нового в городе?

— Эрик правит, вот и все.

— А Джулиан?

— Послан в Арденский лес, какие-то странные монстры проникают к нам из Отражений.

— Да? — удивился я столь скорому исполнению проклятия. — А где Каин?

— Каин еще в Амбере, ублажает себя, как может.

— А Жерар?

— Стал адмиралом всего флота.

— Да... — протянул я неопределенно, а сам вообще-то был даже рад, что Эрик не наказал его за то, что он увел свои корабли, пропуская нас.

— А тебе случайно не известно, как поживает Рэндом?

— Он пленник. Но его положение лучше вашего: он наверху, во дворце.

— Как? Его взяли в плен?

— Да. С помощью Лабиринта в Рэмбе он появился в покоях Эрика с арбалетом в руках и успел ранить его, прежде чем был схвачен.

— Что же помешало Эрику убить Рэндома?

— Видите ли, Эрик не хочет осложнений и войны с Рэмбой, а ведь Рэндом женат на тамошней дворянке. Говорят, Эрик собирается сделать Мойре предложение ради объединения Рэмбы и Амбера. Хочет прибрать к рукам ее богатства.

— Надо же, как интересно!— сказал я, грустно улыбнувшись.

— Вы ведь очень нравились ей?

— Да, немного. Но откуда это тебе известно?

— Когда читали приговор Рэндому, я присутствовал в зале, и мне удалось поговорить с ним. Леди Виала попросила разрешения сопровождать Рэндома в его ссылку, но Эрик еще не знает, что ответить на это.

Я подумал о слепой девушке, с которой не встретился прежде, и удивился происходящему.

— Давно это было?— спросил я.

— Тридцать четыре дня назад— тогда же, когда появился в Амбере Рэндом. А через неделю Виала подала прошение.

— Да, странная женщина.

— Вы правы, принц Корвин.

— Если увидишь Рэндома, шепни ему привет от меня.

— Хорошо.

— А что с моими сестрами?

— Льюивилла и Дейдра остались в Рэмбе. Леди Флора— первая дама королевства, Эрик осыпает ее милостями. Я не знаю, где сейчас Фиона.

— О Блейзе ничего не известно?

— Наверное, он погиб, хотя его останков не обнаружили.

— А Бенедикт?

— О нем все так же ничего не известно.

— Бранд?

— Тоже ничего.

— Ладно. Пусть мои родственники живут, как им угодно. А как поживаешь ты сам? Написал какие-нибудь новые баллады?

— Нет, работаю над "Осадой Амбера". Эту балладу я посвящаю вам, Корвин. Жаль, что она останется никому не известной.

— Хочу пожать твою руку, Рэйн,— сказал я растроганно, протягивая руку через окошечко.— Спасибо за все, что ты сделал, но не советую шутить с Эриком, я заметил — у него плохо с чувством юмора.

Я почувствовал прикосновение его пальцев. Мы попрощались, и он ушел. Сразу же после его ухода я набросился, как зверь, на оставлен-

ные им продукты, набив поскорее желудок жареным мясом домашней лани и белым амберским хлебом. Я забыл их подлинный вкус, и поэтому еда была для меня наивысшим наслаждением. Господи, как же вкусно! Несмотря на голод, я быстро насытился, и меня начало клонить в сон. Спал я, как обычно, долго, проснувшись же, откупорил бутылку с вином, заранее предвкушая удовольствие. Я быстро захмелел, закурил сигарету, уселся на матрас, облокотившись спиной о стену, и стал вспоминать.

Я подумал о Рэйне. Он был смешным и неуклюжим юношей, кандидатом в придворные шуты. Люди издевались над ним слишком жестоко, и я не был исключением. Рэйн же не слишком обижался — он был умным мальчиком. Я сочинял тогда музыку, пел свои баллады, и они ему очень нравились. Однажды я узнал, что Рэйн умеет играть на лютне. Тогда я, полушутя, взял его в ученики. Мы пели на два голоса, он старался изо всех сил, и я, видя его усердие, хвалил его, преувеличивая таланты. А он все сочинял музыку, пока однажды не превзошел меня в этом искусстве, чему я был даже рад. К тому же я научил его фехтовать. Когда начались войны с темными силами из Отражений, я взял его с собой на войну и после одного из сражений, в котором он дрался как тигр, я посвятил его в рыцари. Он заслужил это посвящение своею преданностью. Впрочем, я не предполагал, что он сможет отважиться на такой риск и принести мне подарок в темницу.

Я отпил еще немного из бутылки и закурил следующую сигарету в честь Рэйна. Он хороший человек.

Когда вся еда, которую принес Рэйн, была съедена и осталась всего одна бутылка вина на особый случай, дня мои потекли также скучно, как и прежде. Наверное, я потерял тогда разум на какое-то время — так однообразно тянулось время во тьме. Я лежал в своей камере или ходил от стены к стене. Я стал очень чуток к запахам и звукам. Кроме тлетворного запаха подземелья я различал иногда запах гниющей плоти. Я думал о том, что если бы умер, то пролежал, наверное, очень долго, прежде чем стражники обратили бы внимание на оставшуюся нетронутой пищу. Я слышал шуршание крысиных лапок по соломенной подстилке, отдаленные стоны измученных узников, гулкие шаги стражников, разносящих пищу. Я без особых трудностей научился распознавать направление этих шагов и определять примерное расстояние, которое они проходили.

Как-то раз я проснулся и сразу понял, что страсть как хочу курить. Я распечатал последнюю пачку, тщательно берегаемую именно для такого случая, закурил и задумался. Теперь надо попытаться установить время. Если у меня был блок, одиннадцать пачек из которого уже выкурены, то получалось, что это всего двести двадцать сигарет. Одну сигарету я, как правило, выкуриваю за семь минут. Значит всего я курил двадцать часов сорок минут с непродолжительными перерывами, равными примерно полутора часам. Предположим, что сплю я, как и всякий нормальный человек, около восьми часов, а

остальное время бодрствую. Если промежуток времени, за который я успевал один раз поспать и выкурить десять-двенадцать сигарет, обозначить за один день, то получалось, что со дня визита Рэйна прошло почти три недели. От скуки я был рад таким образом размять мозги, считая каждую сигарету. Зато когда я докурил последнюю, у меня наступила депрессия.

И опять прошло очень, очень много времени. Эрик не выходил из моей головы. Он был теперь королем, власть над Амбером в его руках. Убежден: он не знает еще многого из того, что знал Оберон, из того, что должен знать истинный король великого города. Интересно, какие у него сейчас проблемы? Что за чудовища проникают из Отражений? Почему он ни разу не спустился, чтобы помучить меня, своего врага? Может быть, меня уже забыли в Амбере? Не-е-т, теперь забудут не скоро, как не скоро забыли Земного Герострата.

А как же поживают другие мои братья? Почему ни один из них не рискнул установить контакт со мною? Ведь так легко было бы взять мою карту и вызволить меня из темницы. Чего боялись они?

Что с моими сестрами? Лучше не буду думать о них, все они — ведьмы.

Долгое время я думал о Мойре. Как она там? Вспоминает ли меня? Наверное, нет. Скорее всего, она уже королева, жена Эрика. Я старался не думать об этом.

Я продолжал мерить камеру короткими шагами. Как же я беспомощен! Даже если бы мне посчастливилось смыться из этой темницы, все равно я не был бы полностью свободным, не имея зрения. Когда-то давно, в Отражении Земля я ослеп от вспышки пороха. Произошло это в восемнадцатом веке. Впрочем, тогда мои глаза не были повреждены, и зрение вернулось через месяц. Теперь же я обречен на вечную слепоту. Иногда я просыпался в холодном поту — видел во сне, как раскаленное железо растекается по моим глазницам. Я еще мог видеть — во сне. Вероятно, я отдал бы свою душу, только бы видеть в течение одного часа, но чтобы в моих руках оказалась шпага и брат принял бы вызов на свою последнюю дуэль!

Так я мечтал, а потом ложился на матрас и засыпал. Просыпаясь, снова мечтал и предавался воспоминаниям. Я вызволял из памяти самые приятные минуты. Но мысли мои вновь и вновь возвращались к Амберу. Вдруг однажды, когда я вспоминал Амбер в очередной раз, мне захотелось плакать, мои слезные протоки начали снова функционировать. Это были первые слезы с тех пор, как мне выжгли глаза, и это были воистину слезы радости!

Как-то раз я услышал шаги, приближающиеся к моей двери, и очень удивился. Обычно пищу разносил один человек, а здесь их было двое, я это ясно слышал. Когда они подошли так близко, что я смог разобрать их речь, один из голосов показался мне знакомым, и я не ошибся: это был Джулиан.

Дверь в мою каморку отворилась, и он позвал меня по имени. Я не сразу отозвался, и он повторил:

— Корвин, иди сюда.

Выбора не было. Я подошел к нему, гордо выпрямившись, и спросил:

— Чего ты хочешь?

— Пойдем со мной, — ответил он и взял меня за руку.

Мы пошли по коридору, Джулиан молчал, и я не видел смысла начинать беседу, нам не о чем было говорить. Мы вошли в большой зал, я понял это по раскатистому эху наших шагов, и прошли вверх по лестнице.

Меня привели в комнату, в которой посадили на стул. Кто-то постриг мои безобразные, обломанные ногти, потом волосы и бороду. После этой процедуры меня вымыли и помогли облачиться в одежды. Наверное, даже из-под плаща торчали мои кости — настолько я исхудал.

Потом меня провели в другое помещение. Там вкусно пахло, звучали веселые голоса, слышалась приятная музыка. До меня дошло, что мы оказались в обеденном зале. Когда Джулиан ввел меня, голоса немного поутихли, но вскоре зазвучали громче прежнего. Спустя некоторое время к ним присоединился звук труб, меня заставили подняться с места. Мягкий тенор Каина донесся до всех присутствующих:

— За Эрика Первого, короля Амбера!!!

То же повторили дворяне, а потом добавили трижды:

— Славься, наш милый король!!!

Я не стал пить, и никто не заставлял меня, как в прошлый раз. Ел я столько, сколько мог вместить желудок. Из застольных разговоров стало понятно, что сегодня отмечается вторая годовщина коронации Эрика. Выходит, мне пришлось просидеть в подземелье целый год! Никто из дворян не разговаривал со мной. Я присутствовал в качестве назидания остальным.

Веселое и беззаботное пиршество продлилось далеко за полночь. Кто-то все время подливал мне вина, и всякий раз разного, это было унижительно. Я напился и жалел, что не могу вызвать рвоту, чтобы хоть чуть-чуть омрачить их веселье. Под утро меня, пьяного и сытого, приволокли в мое подземелье, скрипнули двери, задвижки опустились на привычные места, и я понял, что наступил второй год заключения, второй год слепоты.

Глава 9

Не стану докучать вам ненужными подробностями. Второй год моего заточения был таким же, как и первый, и точно так же завершился

ся. Вот уже третий год проводил я в своем мрачном жилище. Рэйн регулярно навещал меня и приносил по полной корзине сигарет, вина и вкусной еды. Вскоре у меня образовался уже целый склад бутылок и сигаретных блоков. Я их прятал и растягивал удовольствие, выкуривая по пять пачек в неделю, выпивая по две бутылки в день. От Рэйна же я узнавал последние новости.

Оказывается, в Амбер непрерывно вторгались какие-то жуткие монстры из Отражений. Они уничтожали леса, сжигали целые города. Эрик не мог понять, почему так происходит, я же подозревал, что это — моих рук дело. Чудищ, конечно, убивали, но сам факт вторжения был неприятен.

Рэндом и Виала все так же жили пленниками в Амбере, причем она — по собственной воле.

Так обстояли дела в Амбере. А что же было со мной?

А у меня произошло нечто, что заставило меня вновь почувствовать вкус к жизни.

Произошло это вот как. Я сидел на кушетке и раскуривал сигарету из числа тех, что принес Рэйн. И вдруг я понял, что произошло. От радости я распечатал последнюю бутылку. Я курил, отхлебывал из горлышка вино и наслаждался чувством превосходства над Эриком. Кому-то это покажется странным, но я действительно победил его! Я радовался, курил и пил.

Так вот, раскуривая сигарету, я обнаружил, что вижу свет.

Помните, в Гринвудской больнице я очень быстро поправился. Теперь-то вам ясно? Я выздоравливаю очень быстро. Я выжил в зачумленном городе, когда люди дохли вокруг меня. Я выжил в страшном походе на Москву. Мои ткани очень быстро регенерируются. Конечно, мышцы восстанавливаются быстрее, чем нервы, поэтому на это уходит так много времени. Да, прошло почти два года. Зрение возвращалось ко мне, я уже мог видеть свет.

Я вырастил себе новые глаза.

Сколько же времени осталось до следующей годовщины коронации Эрика? Я не сомневался, что буду "приглашен" на празднество, но лишь только Эрик узнает, что я вижу, я вновь лишусь зрения, это я понимал. Следовательно, надо бежать из тюрьмы, пока не пройдет третий год. Но как?

До сих пор я не придавал значения своим мыслям о побеге. Мне казалось это утопией — зачем слепцу свобода... Но теперь у меня появилась надежда.

Дверь в моей камере была сделана из дерева, скорее всего, из дуба, и была обита медью. В самом верху ее, на высоте примерно пяти футов, было маленькое зарешеченное окошечко. Вероятно, для того, чтобы посмотреть на умершего принца. Даже если бы мне удалось высадить эту решетку, я не смог бы через нее открыть засов. Мысль о побеге с помощью этого окошка пришлось оставить. Правда, в двери было еще одно отверстие, через которое мне подавали пищу, но оно

слишком мало и тоже не годилось для задуманного плана. Дверные петли, по-видимому, спрятаны между косяком и дверью, поэтому я не смог бы до них добраться.

Я закурил сигарету (а разжигая спичку, вновь испытал наслаждение от того, что могу видеть) и прошелся по камере, думая обо всех имевшихся в моем распоряжении вещах с точки зрения их пригодности для побега.

Мой выбор остановился на ложке, которую я украл на прошлом банкете. Я хотел еще свистнуть нож, но Джулиан поймал меня за руку. Я все-таки обманул его — в моем ботинке уже лежала ложка. На что она могла теперь пригодиться?

Я слышал рассказы об узниках, которые прокладывали подземные ходы из темниц с помощью самых нелепых инструментов, вроде моей ложки, но, к сожалению, у меня не было времени на подвиги графа Монте-Кристо. Я должен был исчезнуть из темницы в течение нескольких месяцев, остающихся до третьей годовщины коронации Эрика, иначе новые глаза мне не нужны.

Я вновь посмотрел на дверь. Память подсказала мне, что она имела в толщину не более двух дюймов и что замок находился с левой стороны. Кроме того я знал, что она имела крепкие засовы, но об этом у меня будет время еще подумать. Быть может, удастся выдвинуть засов, зацепив его ложкой?

Я начал действовать. Привдвинул матрас к двери, встал на колени, очертил ручкой ложки квадрат в том месте, где был замок, и принялся снимать стружку с дубовой двери.

Работал я до тех пор, пока рука совсем не онемела от усталости, потом взял ложку в левую и продолжал работать так, меняя руки.

Хотя я и говорил Рэйну, чтобы он не навешал меня, мне было скучно без него. Теперь же я просто жил надеждой на его скорейший визит; я хотел упросить его отдать мне клинок, тогда работа пошла бы скорее. Но Рэйн не приходил, а сидеть без дела не хотелось.

Работая в день по несколько часов, я уже на полднюм вгрызся в крепкое дерево, когда же слышались приближающиеся шаги охранника, я убирал матрас на прежнее место, прятал ложку и делал вид, что сплю. Лишь только шаги удалялись, работа возобновлялась.

Все-таки мне пришлось прервать на некоторое время свое занятие: руки мои покрылись волдырями и болели, поэтому пришлось подождать, когда они заживут, а пока я строил планы на будущее. Лишь только прорублю дверь, тотчас подниму засов и выбью квадрат, который выпилил. Шум от его падения, конечно, привлечет внимание стражника, поэтому, когда тот появится на пороге моей камеры, придется убить его. Тогда у меня будет оружие. Я был совершенно уверен, что смогу справиться с ним, для надежности даже потрогал свой бицепс. О ужас, я весь высох! Но все-таки я принц Амбера, следовательно, я был сильнее, чем обычный человек, почти в четыре раза.

Итак, если мне удастся убежать из тюрьмы, то уже ничто не оста-

новит меня со шпагой в руке. Надо только добраться до Лабиринта, а оттуда я перемещусь в любое Отражение. Там залечу свои раны, отдохну и с новыми силами вновь атакую Эрика.

Пусть это займет сто лет, но я подготовлю все как надо, на все двести процентов, прежде чем снова напасть на Амбер. Я имею на это право. Разве формально я не был королем Амбера, разве не короновал себя сам в присутствии дворян до того, как это сделал Эрик? Этой формальности я и буду придерживаться, идя на войну. А еще из чувства мести...

Если бы только было возможно уйти в Отражения прямо из Амбера! Тогда мне не пришлось бы возиться с Лабиринтом. Но Амбер — центр всего, и не так-то просто покинуть его...

Примерно через пару недель раны на моих руках окончательно зажили, и я вновь принялся за работу.

Однажды я стоял на коленях и ощупывал выдолбленное мною отверстие глубиной чуть больше дюйма, как вдруг за моей спиной раздался смехок. В камере был кто-то еще. Я не видел его в темноте, но слышал его усмехающийся голос:

— Подлец. Удрать хочет, — и снова раздался смехок.

— Кто это? — спросил я, и мой голос прозвучал как-то неестественно. — Как ты попал сюда?

— Прошел, — ответили из темноты.

— Прошел? Что за чужь! Но откуда, как?

Я зажег спичку, глазам стало больно, но я не погасил ее. Я рассматривал того, кто говорил со мной. Это был маленький человечек с горбом, с длинными усами и бородой. У него был большой крючковатый нос и блестящие черные глаза.

Я ахнул и подскочил от неожиданности.

— Дворкин! Великий Дворкин! Это вы?!

Человечек снова усмехнулся.

— Это мое имя, — сказал он, — а как твое?

— Неужели вы не узнаете меня, Дворкин?

Я зажег еще одну спичку и поднес ее к своему лицу.

— Посмотрите внимательно. Ведь вы зарисовали меня на нескольких колодах карт! Правда, без бороды и длинных волос. Вспомнили?!

— Корвин, — сказал он. — Я тебя помню, помню.

— Но я думал, что вас давно нет в живых.

— А я, как видишь, жив! — сказал Дворкин и сделал книксен. — Как твой отец? Это он засадил тебя сюда?

— Оберона больше нет, — ответил я. — В Амбере правит мой брат Эрик. Я его узник.

— Тогда я главное тебя. Я — узник самого Оберона.

— Вот как? Мы не знали, что отец посадил вас в темницу.

Я услышал, как этот старый человечек всхлипнул.

— Да, — ответил он сквозь слезы, — он мне не доверял.

- Почему?
- Я сказал ему, что придумал, как можно уничтожить Амбер. Я описал ему этот способ, и он запер меня здесь.
- Он не совсем хорошо поступил.
- Да, конечно. Но он предоставил мне прекрасные комнаты и всякие материалы для моей работы. Он частенько навещал меня, и мы о многом болтали. А потом вдруг Оберон перестал приходить ко мне.
- Наверное, в то время его уже не было в Амбере... Но как же вы попали в мою камеру?— спросил я великого художника.
- Корвин, я уже сказал, что просто прошел.
- Сквозь стену?
- Конечно, нет. Сквозь отражение стены.
- Но ведь в Амбере нет Отражений!
- Видишь ли, Корвин, я сжульничал. Просто я нарисовал новую карту.
- Как это?— спросил я.
- Мне захотелось посмотреть, что интересного с этой стороны стены. Ай-я-яй! Я только сейчас вспомнил, что забыл карту, а без нее я не смогу попасть обратно. Мне придется рисовать новую. У тебя есть, кстати, чем перекусить?
- Возьмите кусок сыра и хлеба,— сказал я ему, протягивая свой скудный обед.
- Спасибо, Корвин.
- Не успев договорить, он накинудся на еду, будто его не кормили целую вечность, а потом выпил всю мою воду.
- А теперь поищи для меня кусок пергамента и перо. Я хочу вернуться к себе и дочитать новую книгу. Очень приятно было с тобой поговорить, я еще когда-нибудь зайду в гости, ладно?
- Да, но у меня нет ни пергамента, ни пера.
- Ах, как не цивилизованно!
- Что поделать...
- Ладно. Но что-нибудь, чем можно рисовать, у тебя есть? А то мне не очень уютно здесь.
- Милейший Дворкин! Вы разделили со мной трапезу,— сказал я, хотя это и было неправдой: он съел все без остатка,— и мне хочется попросить вас об услуге.
- А что тебе нужно?
- Понимаете, я долгое время наслаждался вашим искусством. Конечно, я настолько привык к вашим картинам, что теперь без них мне весьма скучно. Мне всегда хотелось иметь хоть один пейзаж в вашем исполнении. Помните ли вы маяк на Кабре?
- Ну разумеется. Я бывал там не раз, хорошо знаком с хранителем маяка— Жупеном; мы даже играли в шахматы с ним.
- Больше всего на свете я хотел бы иметь такую прекрасную картину, написанную вашей рукой.
- Да, признаться, я начинал рисовать маяк несколько раз, но так

и не доводил до конца... Вернусь к себе и, если пожелаешь, нарисую картину, а потом передам.

— Нет, Дворкин. Мне хотелось бы держать ваш магический рисунок перед глазами постоянно, мне хотелось бы видеть, как вы творите. Не могли бы вы изобразить его на моей стене? Кроме того, он будет утешать многих узников, которые еще пройдут через эту камеру...

— Вполне понимаю. Но чем же я буду здесь рисовать?

— У меня есть ложка с острым концом. По-моему, она подойдет. Мне хочется, чтобы картина была на той, дальней стене, чтобы я смотрел на нее, когда прилягу отдохнуть.

Он довольно долго молчал, и я испугался, что он будет капризничать и упираться.

— Здесь не очень хорошее освещение,— заметил он наконец.

— У меня есть несколько коробков спичек, и я буду светить вам, зажигая спички по одной.

— Да, это далеко не идеальные условия...

— Знаю и прошу извинить меня, Великий Дворкин, но ведь это— лучшее, что я могу предложить. Представьте зато, как картина, написанная рукой мастера, осветит мое жалкое жилище и согреет мою кровь.

— Хорошо. Но ты пообещай, что посветишь мне потом, чтобы я мог нарисовать карту для себя и попасть назад в свою комнату.

— Обещаю,— сказал я, затем достал коробок спичек и дал ему ложку.— Чувствуете ли вы инструмент?

— Конечно,— ответил Дворкин.— Ведь это заостренная ложка!

— Когда вы скажете, что готовы, я зажгу первую спичку. Учтите, вам придется рисовать очень быстро, потому что у нас всего три с половиной коробка; половину я расходую на то, чтобы вы нарисовали Кабрийский маяк, а вторую— на то, что подскажет ваша фантазия.

— Хорошо,— согласился он,— я готов!

Я зажег спичку, и он приступил к работе. Сначала он очертил большой прямоугольник — раму для картины. Затем на стене начали появляться контуры маяка. Дворкин рисовал быстрыми, четкими штрихами, и я удивлялся, как сохранил свое искусство маленький старичок с капризным характером.

Когда спичка догорала до половины, я брался другой рукой за обгоревший конец. Так я экономил драгоценное время и драгоценный свет.

Когда первый коробок кончился, Дворкин уже дорисовывал башню и работал над небом с чайками. Я вдохновлял его, сопровождая восхищенными возгласами каждое движение его руки.

— Великолепно! Просто чудесно!— сказал я, когда он почти закончил картину.

Затем он заставил меня зажечь еще одну спичку, потому что забыл поставить подпись. Вторая коробка спичек подошла к концу. Дворкин отошел на несколько шагов и сказал:

— А теперь давай восхищаться моей картиной.

— Дворкин, если вы желаете вернуться к себе, то вам придется оставить это занятие мне. У нас мало времени для критики.

Немного поворчав, Дворкин подошел к другой стене и начал рисовать, как только я зажег спичку. На стене появился небольшой кабинет, стол с черепом, стеллажи книг вдоль стен. Окончив работу, он довольно пробурчал.

— Теперь хорошо.

К этому времени третья коробка спичек кончилась, и я взялся за четвертую. Я истратил еще шесть спичек на то, чтобы он исправил что-то в своей картине и подписался. Когда она была полностью завершена, он простился со мной, сконцентрировал все внимание на изображении, шагнул вперед и исчез.

Я стоял, весь дрожа, чувства переполняли меня, и тут вновь ощутил присутствие Дворкина, услышал его хихикающий голос.

— Знаешь, что мне пришло в голову,— сказал он.— Как же ты будешь любоваться этой картиной, если здесь темно?

Пришлось его успокоить:

— О, я вижу в темноте так же хорошо, как и при свете. Мы жили с ней так долго вместе, что стали почти друзьями.

— Ага, теперь понятно... Ну-ка, посвети мне.

— Хорошо, только в следующий раз, когда захотите меня проведать, прихватите с собой спички, потому что мои кончились.

Я зажег предпоследнюю спичку, он усталился на рисунок и исчез. Пока она догорала, я смотрел на маяк Кабры. У меня оставалась последняя спичка, и я не был уверен, что за короткое время, пока она горит, я успею сосредоточиться на рисунке и войти в него.

Что же поджечь? Солома была слишком сыра и, наверное, не загорелась бы. Ужасно — иметь путь к спасению из этого ада, но не иметь возможности воспользоваться им! Мне нужен огонь. Быть может, солома из матраса окажется более сухой и загорится? Идея показалась мне небезрассудной.

Я расчистил перед собой пол. Затем поискал мою ложку. Черт! Дворкин утащил ее с собой. Я разодрал руками матрас и вытащил из его середины солому, которая показалась мне самой сухой.

Я зажег последнюю спичку, поджег коробок и аккуратно положил на солому. Через некоторое время пламя разгорелось. Я бросил туда все оставшиеся коробки, и огонь стал еще ярче. Стена, на которой была нарисована башня Кабрийского маяка, озарилась, и я начал концентрировать на ней внимание.

Вскоре мне показалось, что я слышу крик чаек. Подул свежий ветерок, пейзаж Дворкина перестал быть только рисунком, он оживал. Волшебная сила все еще была в руках великого художника. Вот уже маяк казался мне настолько же реальным, как и мое подземелье. Затем он стал единственной реальностью, а все остальное — всего лишь

тенью за моей спиной. Я услышал плеск волн, почувствовал, как пригревает солнце в зените.

Я сделал шаг вперед, и огонь не коснулся моих ног. Я стоял на скалистом островке Кабра, надо мной возвышалась серая башня маяка, освещающего путь ночным кораблям. Амбер находился в сорока милях за моей спиной.

Я больше не узник. Я свободен!

Глава 10

Я поднялся по каменной лесенке, ведущей к запасному входу в башню. С верхней ступеньки я захотел посмотреть вниз. В бухте, ярдах в трехстах позади меня, стояли две привязанные лодочки: легкий парусник с кабиной и весельная лодка мягко покачивались на волнах. Это зрелище казалось фантастическим, я так давно не видел ничего подобного! Я боялся расплакаться от счастья, поэтому резко повернулся к двери и постучал.

Долгое время за дверью не было никаких признаков жизни. Я ударил посильнее. И вот раздалось приглушенное, не очень твердое шаги, двери скрипнули, поворачиваясь на заржавевших петлях.

На пороге стоял хранитель маяка Жупен. Стоял он, надо сказать, не вполне устойчиво, поскольку был слегка пьян. Жупен был невысоким ростом и чем-то напоминал Дворкина. Его борода пепельного цвета была не короче моей. Его обветренная и пористая кожа напоминала по цвету старинную мебель красного дерева. Он не очень хорошо слышал, вероятно, потому, что сам говорил слишком громко.

— Кто вы, черт бы вас побрал?! Что вам нужно?!— выкрикнул он, даже не взглянув на меня.

Меня нельзя было узнать, и я решил сохранять инкогнито как можно дольше.

— Я путешественник с Юга. Мой корабль пошел ко дну, а меня много дней носило по волнам на обломке мачты. Мне крупно повезло, что меня выбросило живым на этот берег,— так начал я свой рассказ, придумывая с ходу несуществующие детали. Недаром столько лет я был мастером по сочинению сказок и баллад!

— Прослав на берегу несколько часов,— продолжал я,— и немного обсохнув я, наконец, пришел в сознание, нашел силы встать и добраться сюда.

Выслушав мое вранье, Жупен сделал шаг вперед, взял меня за руку. Второй рукой он обнял меня за плечи.

— Входи, входи, друг. Обопрись на меня, пойдем со мной,— весело сказал он.

Я оказался в комнате, где царил ужасный беспорядок: нагромож-

дение старых книг, кучи навигационных приборов, морские карты — все это было необычайно живописно раскидано по всем внутренним помещениям маяка. Жупен вел меня через комнаты, я чувствовал, что он сам пошатывается, и старался не слишком опираться о его руку. Вскоре он подвел меня к кровати и предложил прилечь, пока он приготовит что-нибудь поесть.

Сняв ботинки, я с удовольствием натянул одеяло и расслабил свое измученное тело.

Хозяин маяка вскоре вернулся, неся в руке большой деревянный поднос, на котором уместились кружка пива, кусок говядины, толстый ломоть хлеба и несколько яблок. Одним взмахом руки он смахнул с маленького столика все, что на нем лежало, и, подтолкнув его поближе к кровати, поставил поднос и велел мне немедленно приниматься за еду.

Я не заставил Жупена упрашивать себя и "немедленно" приступил к трапезе. Я с дикой жадностью съел все угощение и почувствовал, что очень устал. Жупен понимающе кивнул, заметив это, и ушел, пожелав мне спокойной ночи. Я мгновенно заснул.

Когда я проснулся, ночь еще не кончилась. Мое самочувствие стало намного лучше, чем когда-либо со времен начала войны против Амбера. Я чувствовал себя заново рожденным. Я немного походил по комнате, а потом спустился к морю.

Лишь только очутился за дверью, прохладный ветерок окончательно прогнал сон. Я посмотрел в небо, усеянное миллионами звезд. На вершине башни вспыхнул и погас красный огонек. Я отвернулся и вошел в холодную воду. Купаться совершенно не хотелось, но надо же было привести себя в порядок. Я смыл грязь с тела, выстирал и выжал одежду. Вернувшись в комнату, развесил ее на спинках стульев, чтобы высохла к утру, а сам забрался под одеяло и заснул вновь.

Утром, когда я вышел в большую комнату, служившую столовой, меня встретил улыбающийся Жупен с трубкой в зубах. На столе стоял приготовленный им обильный завтрак с большим количеством мяса. Мы почти не разговаривали за столом, так как рот мой был всегда набит настолько, что язык не мог в нем повернуться и произнести пару слов. Я все еще испытывал голод.

После завтрака я одолжил у Жупена бритву с ножницами и удалился, чтобы заняться своим туалетом. Когда же я, подстриженный и побритый, вернулся к Жупену, он посмотрел на меня прищурившись и сказал:

— Где-то мы встречались с тобой, парень. Твое лицо кажется мне очень знакомым.

Я пожал плечами. Мне не хотелось, чтобы меня уличали во лжи, и не хотелось, чтобы всем вдруг стало известно, что Корвин скрывается на Кабрийском маяке.

— Расскажи-ка, брат, о своем кораблекрушении.

Пришлось рассказывать. Я вложил в рассказ все свои актерские и

сочинительские способности, не упустив даже того трагического момента, когда сломанная ударом ветра грот-мачта с треском свалилась на палубу и прищемила хвост черному, с белыми лапками, коту Пано, жившему на камбузе.

Дослушав рассказ, Жупен похлопал меня по плечу и сказал:

— Я доставлю тебя на берег, когда ты захочешь. А пока можешь спокойно отдыхать здесь.

Я воспользовался его гостеприимством, оставшись на маяке на три месяца. Он кормил меня и поил виски, и даже подарил мне свою новую рубашку. Постепенно я набирался сил. Мы много разговаривали. Жупен, как и я, любил смотреть на звезды, и мы проводили таким образом многие часы. Конечно же, я ему помогал, чем мог: следил за маяком, убирал комнаты (и даже выкрасил две из них); а также составлял морские карты.

Оказалось, Жупен весьма аполитичная личность, ему было абсолютно все равно, кто правит в Амбере, пока он мог жить в своей башне, много пить и вкусно есть. Всех придворных он считал бездельниками и ни за что не хотел бы разделить их судьбу.

Как я уже сказал, я помогал Жупену в составлении карт, потому что частенько водил суда во время войн и знал прекрасно старинные карты амберских морей. Мы провели много вечеров, внося в них исправления. Однажды я рассказал ему, что во время путешествия по дальним северным морям я самостоятельно составил карту, основываясь на собственных наблюдениях, что было сушей правдой. Мое сообщение доставило Жупену огромное удовольствие.

— Кори, — так я назвался, — я хотел бы уплыть с тобой куда-нибудь, — сказал он, — но я сразу не понял, что ты был капитаном.

— Да... Но ведь и ты тоже был им? — спросил я.

— А откуда ты знаешь?

— Я вижу эти навигационные приборы, и, потом, ты любишь возиться с морскими картами. Вот я и подумал так. И к тому же ты ведешь себя как человек, привыкший повелевать.

Жупен широко улыбнулся.

— Ты прав, Кори, когда-то, давно, я действительно командовал кораблем... Давай-ка выпьем за корабли, — предложил он.

Я сделал небольшой глоток и поставил бокал на место. Когда Жупен смотрел на меня, я боялся, что он узнает во мне принца Корвина. Тем не менее я надеялся, что он не выдаст, даже если узнает.

Мне было хорошо на Кабре, но я чувствовал, что пора уходить отсюда.

Однажды я ощутил, что кто-то хочет связаться со мной. Давление было легкое, вопросительное, я не знал, кто бы это мог быть. Я остановился как вкопанный, закрыл глаза и заставил себя ни о чем не думать. Через пять минут это состояние прошло. Кто-то очень хотел связаться со мной. Раздумывая об этом, я принялся ходить по комна-

те, и, странное дело, я заметил, что делаю столько шагов, сколько позволяли размеры моей камеры там, в подземелье Амбера.

Кто же пытался связаться со мной? Эрик, которому, наконец, стало известно, что я бежал? Но он должен опасаться ментального контакта со мной после поединка воли, в котором я победил. Так или иначе, я не мог рисковать сейчас и просто заблокировал канал связи. Блокировка оказалась на меня страшное действие, я задрожал от холода.

Оставаться так близко от Амбера было опасно, поэтому я сообщил Жупену после нашей традиционной вечерней партии в шахматы о своем решении покинуть его. Он налил виски, поднял бокал и сказал:

— Счастливого пути, Корвин. Надеюсь, мы еще встретимся когда-нибудь.

Я не стал ни о чем спрашивать, когда вместо "Кори" он произнес мое настоящее имя. Он улыбнулся, поняв, что я ничем не выдам своего удивления.

— Мне было хорошо с тобой, Жупен,— сказал я.— Если мне удастся задуманное, я отблагодарю тебя за все, что ты для меня сделал.

Он покачал головой.

— Мне не нужно ничего, кроме моей работы. Я счастлив здесь. Это— вся моя жизнь. Не говори мне о своей затее. Я не желаю ничего знать! Просто надеюсь, что ты заглянешь иной раз на мой огонек и мы сыграем с тобой в шахматы, вот и все.

— Обязательно,— пообещал я.

— Если хочешь, возьми мою "Бабочку".

"Бабочкой" назывался парусник Жупена. Я от всей души поблагодарил его.

— Но перед, тем как ты уйдешь, возьми подзорную трубу и посмотри назад, на Гранатовую Долину.

— Хорошо, но с какой стати мне смотреть на нее?

— Об этом лучше судить самому.

Я кивнул и отложил это до утра. Мы еще немного выпили рому, а потом виски "Энн и Золотая печать" и разошлись по своим комнатам, чтобы поспать хоть немного. Засыпая, я подумал, как мне будет не хватать Жупена, моего единственного пока друга. Я думал еще о Гранатовой Долине, о той самой долине, которую наши с Блейзом войска проходили, когда она вся полыхала в огне. Что необычного могло произойти там сейчас?

Мне снились красивые, но тревожные сны об оборотнях и черных шабашах. Я спал, а надо мною всходила полная желтая луна.

Проснулся я на рассвете. Жупен, наверное, еще спал. Меня это обрадовало, я не хотел долгих проводов. Почему-то мне казалось, что я больше никогда не увижу Жупена, и от этой мысли становилось грустно.

Я забрался на самую верхушку маяка, в ту комнату, где горел красный свет. Подойдя к окну, я поднес к глазам подзорную трубу и

посмотрел на долину. Над лесом висел туман, сырой, холодный, серый туман, прилипший к вершинам черных деревьев с переплетенными ветвями. Среди деревьев мелькали какие-то черные звери, напоминавшие летучих мышей. Чье-то злобное присутствие чувствовалось в лесу. Я понял, что это.

Это — то, что сделал я сам. Своим проклятием я переродил Гранатовую Долину. Это — символ моей ненависти. Мне нравилось, как выглядит теперь лес. Он был как бы частью меня. Я создал новый вход в Амбер. Теперь Гранатовая Долина стала тропинкой сквозь мрачные и суровые Отражения. Все дурное из них принимало материальную оболочку и вырывалось в Действительность по тропе, проложенной мною. Это были те чудовища, о которых говорил мне Рэйн. Монстры, которые не давали спокойно править подлому Эрику Первому. Хорошо бы, если его мысли были заняты только борьбой с ними. Пусть же эта борьба отвлечет его от всего остального!

И пусть я выпустил джина из бутылки. Пусть я сделал очень плохое дело. Но я сделал то, чего не удавалось сделать никому, кроме Оберона: я открыл новый путь в Амбер, и открыл его только для зла. Теперь королю надо будет как-то закрыть этот ход!

Если я когда-нибудь завоюю Амбер, мне придется самому разобратся с монстрами, но это будет нелегко, не обладая всеми знаниями Оберона...

Я быстро перекусил, снарядил "Бабочку", поднял паруса, оттолкнулся от берега Кабры и взялся за штурвал. Сегодня Жупена мне увидеть не довелось, возможно, что и он не любил прощаний...

Я направился к берегу ближайшего Отражения, такого же древнего и великолепного, как и сам Амбер. Когда-то, но очень-очень давно, это место было моим. Теперь же мне надо отыскать и снова вернуть эту землю себе, чтобы собрать новое войско для похода на Амбер.

Когда я отплывал в Отражение, белая птица моей судьбы прилетела и села мне на правое плечо. Я написал записку и, прикрепив к ноге птицы, послал ее в путь. В записке было: "Я иду!" И стояла моя подпись.

Я не успокоюсь, пока не отомщу, пока трон не станет моим.

Солнце висело низко над головой. Ветры надували мои паруса, уносил все дальше от Амбера. Я был свободен, и все, задуманное мною, свершалось.

Когда я плыл по морю, черная птица моей судьбы прилетела и села мне на левое плечо. Я написал записку и, прикрепив ее к ноге птицы, послал ее в путь. В записке было: "Эрик, я вернусь". И стояла моя подпись: "Кораин, повелитель Амбера".

Ветер нес меня на восток.

РУЖЬЯ АВАЛОНА

Глава 1

Сойдя на берег, я прошептал:

— Прощай, "Бабочка".

Лодка медленно развернулась и отошла от берега. Я знал, что она приплывет к маяку в бухте Кабры, потому что место, где я высадился, находилось совсем рядом с началом Отражений.

Повернувшись, я всмотрелся в темный строй деревьев, готовясь к предстоящему долгому пути. Я двинулся вперед, рассчитав необходимые поправки. Предрассветный туман заставлял шагать энергично, и это было здорово. Я еще недобрал в весе фунтов пятьдесят, и все плыло перед глазами, но чувствовал себя гораздо лучше. Я больше не был узником подземелья в Амбере — мне здорово помогли и сумасшедший Дворкин, и пьяница Жупен.

Довольно скоро я остановился у дерева с большим дуплом, которое и должно было стоять здесь. Я сунул руку в дупло, вытащил свою серебряную шпагу и с радостью пристегнул к поясу. Настоящая осталась где-то в Амбере, но это не имело ровным счетом никакого значения — она была здесь, потому что лес, по которому я шел, находился уже в Отражении.

Я шел несколько часов, передохнул и снова пустился в путь, оставляя скрытое тучами солнце за левым плечом. Было очень приятно смотреть на листья, камни, мертвые пни и живые деревья, на траву и темную землю. Восхитительно было впитывать в себя запахи и жужжащие, чирикающие, звенящие звуки жизни.

А как я восторгался своими глазами! Вернуть себе зрение после трех лет полной тьмы — это не поддается описанию! Но главное — я свободен!

Рваный плащ, который раздувался и хлопал от ветра, немного отрезвил меня. Должно быть, я выглядел сейчас старым человеком из-за морщинистого лица и изможденной, слишком худой фигурой. К тому же я стал слишком мягким и сентиментальным. Кто мог узнать во мне того, кем я был в действительности?

Так я и шел, продвигаясь к определенному месту, но оно было еще далеко. И вот что произошло... За одним из поворотов дороги я увидел на земле семь человек. Шестеро из них были мертвы, против них был применен один и тот же искусный прием — у каждого отрубили какую-нибудь конечность. Из открытых ран уже перестала течь кровь, но позы еще сохраняли движения боя и агонию боли.

Седьмой полусидел, привалившись спиной к покрытому мхом стволу огромного дуба. Шпагу он не выпустил из руки, просто уронил на колени. В правом боку зияла рана, которую он получил, потому что был без доспехов, в отличие от нападавших. Его серые глаза были открыты, из-под мохнатых бровей он наблюдал, как вороны расклеивают лица мертвецов. Меня он не заметил.

Прежде чем подойти, я поднял капюшон и опустил голову. Мы были знакомы, вернее, давным-давно я знал человека, похожего на этого. Когда я приблизился, он направил дрожащее острие шпаги в мою сторону.

— Я друг.— Убедившись, что он понял, я добавил:— Хотите воды?

— Да.— Он кивнул.

Я открыл флягу и протянул ему. Он выпил, закашлялся, но снова приложился к горлышку.

— Благодарю вас, сэр,— сказал он, возвращая флягу:— Жаль, нет ничего покрепче.

— У меня есть и покрепче, если вы считаете, что это нужно.

Я достал другую фляжку и, вытащив пробку, протянул ему. От поила, которое потреблял Жупен, он кашлял секунд двадцать. Потом улынулся уголками губ и подмигнул мне.

— Сразу стало легче. Вы не будете возражать, если я смочу этим свой бок? Жаль хорошего виски, но...

— Вылейте все, если нужно. У вас дрожат руки, дайте, я сделаю.

Он кивнул. Я распахнул его кожаную куртку и кинжалом разрезал плотную дорожную сорочку. Рана выглядела хуже, чем показалась вначале— достаточно глубокий разрез шел через весь живот наискось от бедра. Он еще кровоточил, хотя из других, менее серьезных ран на руках, плечах и груди кровь уже не шла. Я стянул края большой раны и протер своим носовым платком.

— Начали,— сказал я и стал лить самогон на рану.

Его тело забилося в мелкой дрожь, на лице сразу выступил пот, а руки сжались в кулаки, но он не издал ни звука. Да я и был уверен, что он будет молчать. Я смочил платок, сложил в тугую полоску и положил на рану. Затем перевязал полотном, оторванным от полы моего плаща.

— Хотите еще выпить?

— Дайте воды,— ответил он.— Потом я хотел бы подремать.

Он сделал несколько глотков и поудобней устроился между корней дерева. Я посидел с ним рядом, потом собрал плащи убитых, сделал из них подушку, подsunул ему под голову и прикрыл сверху остальными. После этого я залюбовался красивыми черными птицами, которых становилось все больше.

Он меня не узнал, этот раненый человек, но, с другой стороны, кто меня сейчас узнает? К тому же могло оказаться, что в действительности мы никогда не встречались, хотя здесь в определенном смысле должны быть знакомы.

Я пришел в это Отражение в поисках места, которое точно знал. Когда-то, правда, оно было уничтожено, но в моей власти воссоздать его, потому что Амбер отбрасывает бесчисленное множество Отражений. А выходцы из Амбера могут путешествовать по ним, по этим мирам, которые, если хотите, можно назвать параллельными или пересекающимися Вселенными или даже плодом расстроенного воображения.

Я называю их Отражениями, как все, кто способен управлять ими. Мы просто выбираем нужную нам вероятность и идем, пока не приходим в нее. Но конечно, для этого нужны определенные волевые усилия, так что, можно сказать, мы создаем нужный мир.

Сейчас я шел к Авалону и, если бы прошел мимо раненого рыцаря и шестерых мертвецов, мог добраться до места, где шестеро были бы мертвы, а на рыцаре не было бы ни царапины или где он был бы убит, а они стояли над ним и смеялись. Всё это вероятности, и каждая должна существовать где-нибудь в Отражении.

Любой из моих братьев и сестер, возможно, за исключением Жерара и Бенедикта, прошли бы мимо, даже не взглянув, что произошло. Но я в последнее время стал мягче. Возможно, Отражение Земли, в котором я долго жил, изменило мой характер к лучшему, или пребывание в подземельях Амбера научило меня замечать человеческие страдания. Я только знал, что не мог уйти, когда увидел раненого, в обличье которого другой человек был моим другом. Хотя, произнеси я свое имя на ухо этому человеку, услышал бы проклятия, и он отнесся бы ко мне как к врагу. Что из того? Я подниму его на ноги и пойду своей дорогой — немного доброты всегда к месту.

Я сидел и ждал несколько часов, пока он не проснулся.

— Привет. — Я вытащил пробку из фляжки. — Хотите выпить?

— Не откажусь. — Напившись, он вернул фляжку и продолжил: — Прощу простить мои плохие манеры, я вам не представился, но...

— Я вас знаю, — прервал я его. — А меня зовут Кори.

Он посмотрел на меня, полуузнавая и недоверчиво, словно на языке у него вертелось: "В самом деле?", но все же кивнул.

— Тогда, сэр Кори, — он признал меня ровней себе, — я благодарю вас за то, что вы для меня сделали.

— Лучшая благодарность то, что вы чувствуете себя лучше. — Церемониться, так до конца. — Не угодно ли будет вам отведать моих припасов?

— А что есть? — Его церемонность испарилась без следа.

— Сушеное мясо и хлеб, свежесть которого оставляет желать лучшего. К тому же большой кусок сыра. Ешьте, сколько хотите.

Я дал ему еду, и он принялся за нее с умеренным пылом.

— А как же вы, сэр Кори? — проговорил он с набитым ртом.

— Я поел, пока вы спали. — Я многозначительно осмотрелся вокруг. — Вы убили этих шестерых без чьей-либо помощи?

Он улыбнулся и кивнул.

— Великолепно! — После паузы, которой подтвердил искренность своего восхищения, я спросил: — Что прикажете делать с вами дальше?

Он перестал жевать и удивленно взглянул на меня.

— Я вас не понимаю.

— Куда вы направлялись?

— У меня есть друзья в пяти лигах на север по этой дороге. Я как

раз шел туда, когда все произошло. И я сомневаюсь, чтобы какой-нибудь человек или сам дьявол мог бы меня пронести хотя бы пятую часть этого пути. Если поможете мне встать, вы получите представление о моих габаритах.

Я поднялся на ноги, вытащил шпагу, срубил деревце в два дюйма, укоротил до нужной длины и срезал ветки. Затем проделал то же со вторым. Сняв с мертвецов ремни, я соорудил подобие носилок.

Он смотрел, как я работаю, потом заметил:

— У вас хороший удар и хорошая шпага, сэр Кори. И, кажется, она серебряная.

— Вы выдержите небольшое путешествие?— спросил я.— Пять лиг— это примерно пятнадцать миль.

— А что вы сделаете с покойниками?

— Вы хотите придать их земле по христианскому обряду? Природа сама позаботится о том, что ей принадлежит. Нужно уходить отсюда скорее, от трупов начинает пахнуть.

— Мне хотелось бы, чтобы вы их прикрыли. Они бились храбро.

— Хорошо.— Я вздохнул.— Чтобы вы спокойно спали по ночам, я завалю их камнями. Погребение будет простым, но ничего другого я сделать не могу— нет лопаты.

— Этого будет достаточно.

Я уложил шесть тел в кучу и стал обкладывать камнями. Он тем временем принялся что-то бормотать, вероятно, молитвы. Камней было много, поэтому все получалось быстро, к тому же я выбирал самые большие. Тут-то я и совершил ошибку — один из валунов весил, вероятно, фунтов четыреста, но я не стал его катить, а поднял и перенес на руках.

Он издал такой изумленный возглас, что мне стало ясно— он внимательно следил за моей работой и правильно оценивал вес камней. Я выругался про себя, затем вслух:

— Черт побери! Чуть не надорвался.— Теперь уж я выбирал камни, которые были под силу обычному человеку. Едва закончив, я спросил:— Вы готовы?

— Да.

Когда я переносил его на носилки, он сжал зубы.

— В какую сторону идти?

— Налево.— Он слабо шевельнул рукой.— Дойдете до развилки, и нужно будет свернуть направо. А как же вы...

Я поднял носилки и пошел, неся их перед собой.

— Кори,— позвал он меня.

— Да?

— Вы один из самых сильных людей, каких я когда-либо встречал. Мне кажется, я должен вас знать.

Ответил я не сразу.

— Стараюсь быть в форме. Свежий воздух, регулярные тренировки и все такое...

— И голос ваш кажется мне знакомым.— Он приподнял голову, чтобы рассмотреть меня.

Я поскорее сменил тему.

— Ваши друзья, к которым мы идем, кто они?

— Мы направляемся в крепость, принадлежащую Ганелону.

— Этому суняте?!— Я чуть не выронил носилки.

— Я не понимаю слово, которое вы произнесли, но по голосу догадываюсь, что оно нехорошее. Если так, я должен выступить в защиту.

— Стоп! У меня складывается впечатление, что мы говорим о разных людях с одним именем. Простите.

Через плетение носилок я почувствовал, что он расслабился.

— Несомненно, так и есть,— согласился он.

Я нес его по дороге и скоро должен был свернуть. Он уснул, тогда я ускорил шаг почти до бега. Меня не оставляла мысль, что у кого-нибудь из тех шестерых могут оказаться друзья или родственники, способные погнаться за нами или даже устроить засаду. Но едва он глубоко вздохнул, я сменил свою рысь на обычный шаг. К тому времени я давно уже свернул вправо.

— Я спал,— сказал он.

— И с храпом,— добавил я.

— Сколько вы успели пройти?

— Лиги две.

— Вы не устали?

— Немного. Но отдыха еще не требуется.

— Мой бог!— Он заволновался.— Я рад, признаюсь честно, что мы не враги. Послушайте, а вы— не дьявол?

— Разумеется, дьявол. Разве вы не чувствуете запаха серы? Смотрите, птицы и звери убегают прочь, а мое левое копыто цокает громче обычного.

Прежде чем усмехнуться, он в самом деле втянул воздух носом. Признаться, меня это задело. Удовлетворение я получил только тогда, когда подумал, что на самом деле прошел больше четырех лиг. Оставалось надеяться, что он опять уснет и расстояние потеряет для него значение. К тому же у меня начинали болеть руки.

— Кто были те шестеро, которых вы прикончили?

— Нелюди, хранители Круга. Нужно молиться, сэр Кори, чтобы души этих одержимых покоились с миром.

— Какого круга?

— Черного Круга— места беззакония и источника мерзких чудовищ,— он вздохнул,— откуда приходят все несчастья на эту землю.

— Мне эта земля не кажется особенно несчастной.

— Княжество Ганелона слишком сильно, чтобы на него нападали. Но это временно, потому что Круг расширяется.

— Вы возбудили мое любопытство.

— Сэр Кори, постарайтесь забыть то, что я вам сообщил. Обойдите Круг и идите своим путем. Здесь будет война. Конечно, я многое дал

бы, чтобы вы бились на нашей стороне, но это не ваша война. И вообще никто не скажет, чем она кончится.

Дорога пошла в гору. В просвете между деревьями, вдалеке я увидел то, что слишком живо напомнило мне другое место. Я остановился.

— Что случилось?— Раненый повернулся, опять откинулся на носилки.— Вы шли значительно быстрее, чем казалось. Это и есть замок Ганелона.

Тогда я подумал об этом самом Ганелоне. Мне не хотелось, но я все-таки думал. Он был предателем и убийцей. Много веков назад я выдворил его из Авалона, просто привел в другое Отражение, в другое время и место — примерно так, как мой брат Эрик поступил со мной. Ганелон был обычным смертным и жил недолго, но вполне вероятно, что в этом мире прошло всего несколько лет. Время — одна из самых сложных иллюзий Отражений, даже Дворкин не знал всех его особенностей, а может быть, он-то как раз и знал, и это свело его с ума.

Двойник человека, которого я нес, жил в Авалоне, когда был сослан Ганелон, так что по времени все совпадало. Но я чувствовал, что здешний Ганелон, мой бывший недруг, а еще раньше — доверенное лицо и ближайший помощник, ни в коем случае не стал бы противиться беззаконию. Скорее, он был бы в самом его центре и сговорился бы с самым гнусным из всех чудовищ. В любом случае мне не хотелось его встречать и быть узнанным. И хотя он ничего не знал об Отражениях и только мог предполагать, что я использовал черную магию вместо того, чтобы убить его, хотя он, вероятно, предпочел бы смерть, — это ничего не меняло.

И раненый вспомнил что-то обо мне, хотя, кажется, пока не узнал. Сохранился ли в его памяти образ моего Отражения или того места, которое напоминало Авалон, но не являлось им? Как они воспримут меня — во плоти и крови, — когда опознают?

Солнце зашло, подул ветерок, указывающий, что ночь будет холодной. Раненый опять храпел, поэтому оставшееся расстояние я решил пробежать. Мне показалось, что лес в темноте может стать укрытием для какой-нибудь мерзости из Круга, о котором я ничего определенного не знал кроме того, что он — причина близкой войны. Эти думы — хотел я того или нет — вселили в меня страх. И тогда я услышал за собой мягкое, но тяжелое "топ, топ, топ".

Я положил носилки, вытащил шпагу и обернулся. Это были две кошки. По виду они походили на сиамских, но размерами с хороших тигров. У них были яркие желтые глаза без зрачков. Они уселись по-кошачьи и уставились на меня. Между нами было шагов тридцать. Левая открыла пасть. "Зарычат или замурлычат?" — мелькнуло в голове. Но они заговорили.

— Человек, смертный.

— Еще живой, — ответила та, что справа. Голоса у них звучали одинаково.

- Убьем его здесь.
- А что сделаем с этим, который со шпагой? Вид его мне не по душе.
- Он смертный?
- Подойдите и узнаете,— усмехнулся я.
- Он тощий и старый.
- Он нес другого от камней на могиле до этого места бегом, не отдыхая. Зайдем с двух сторон.

Провоцируя их, я прыгнул вперед. Правая не удержалась и бросилась на меня. Она плохо рассчитала последний скачок и оказалась рядом со мной не в начале прыжка, когда движения полны силы, а в конце, на излете. Шпага расколола ей череп, кажется, задев концом самый позвоночник. Я откинулся назад, торопясь выдернуть шпагу из кости, но вторая кошка меня не атаковала, а скользнула мимо, к носилкам.

Я рубанул наотмашь. Лезвие разрубило тело почти надвое. Она издала такой звук, какой издает медная струна, по которой бьют деревянной колотушкой, и загорелась. Другая кошка тоже дымилась.

Разрубленная пополам была еще жива. Она повернула ко мне голову, и ее горящий взгляд встретился с моим.

— Я знаю тебя,— зазвенел ее голос.— Ты открыватель Пути. Почему ты убил нас?

Пламя уже охватило ее голову. Я отвернулся, вытер лезвие травой и вложил в ножны. Не оглядываясь, поднял носилки и пошел к замку.

Я начинал понимать, что это за существо и почему оно так ко мне обратилось. Во сне я вижу иногда голову огромной кошки, охваченную огнем, и просыпаюсь в поту, сотрясаясь от дрожи. И ночь кажется мне темнее, а в темноте клубятся образы, которые я не могу разобрать, сколько ни всматриваюсь в них.

Замок Ганелона был окружен рвом, мост поднят. На каждом из четырех углов высоких стен стояло по башне, но внутренние стены были еще выше, а те, что стояли в середине этого неправильного квадрата, вздымались под самые облака, затмевающие звезды и отбрасывающие ночные тени на высокий холм и замок. В некоторых бойницах виднелся свет, а ветер доносил до меня звуки голосов. Я опустил свою ношу на землю у подъемного моста и, сложив ладони у губ, закричал:

— Эй, Ганелон! Два путника стоят у твоего порога!

В башенке над воротами проскрежетал металл о камень, и я почувствовал, что на меня смотрят. Я тоже попытался всмотреться, но глаза мои были далеко не те, что раньше.

— Кто там?

— Раненый Ланс и Кори из Кабры, который принес его.

Эту новость передали другому человеку, потом, очевидно, по цепочке еще дальше— я слышал затихающие голоса. Через некоторое время таким же образом пришел ответ.

— Стойте, пока вас можно будет разглядеть. Тогда опустим мост и вы войдете.

Некоторое время пришлось ждать, пока в тучах не появился просвет и нас не осветило достаточно ярко, чтобы обитатели могли убедиться, что нас действительно двое. Но наконец заскрипели блоки, мост упал к нашим ногам, а ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы человек мог протиснуться боком. Итак, я принес сэра Ланселота де Лака в замок Ганелона, которому доверял, как брату — то есть не доверял вовсе.

Внутри я обнаружил, что окружен хорошо вооруженными солдатами, настроенными, однако, не враждебно. Наоборот, когда они принимали Ланса, на их лицах читалось участие. Молча они повели меня через ворота внутренних стен, расположенных каждый раз в стороне от ворот предыдущей ограды, и привели во внутренний двор, освещенный множеством факелов. Здесь была гора соломенных тюфяков, пахло потом, дымом, лошадьми и грубой пищей. Людей было намного больше, чем в обычном гарнизоне замка; здесь расположилась армия.

Ко мне подошли двое офицеров в полном боевом облачении, как перед битвой, и один слегка коснулся моего плеча.

— Идите с нами.

Я шел впереди, они по бокам и чуть сзади, но у меня не было ощущения, что они конвоируют. Мы вошли в самые старые, основные помещения замка, стены которых были сложены из черного камня.

Через большой зал, где за общим столом сидели много офицеров, мы прошли в небольшую пустую комнату, которая, вероятно, хорошо простреливалась через отдушины сверху, поднялись по винтовой лестнице и на втором этаже башни остановились перед тяжелой, окованной железом дверью. Ее охранник, завидя нас, уже стучал в нее древком алебарды. Из-за двери послышался голос, который, к великому сожалению, показался мне знакомым. Мы вошли.

Он сидел за низким столом у широкого окна, выходящего во внутренний двор. На нем была кожаная куртка поверх черной рубашки. Брюки тоже были черными. На широком поясе висел кинжал с костяной рукоятью в форме копыта. На столе, под рукой лежала обнаженная короткая шпага.

Его грива и борода еще оставались рыжими, но уже появилась проседь, глаза были черными, как эбеновое дерево. Он осмотрел меня, потом перевел взгляд на стражников, которые внесли носилки.

— Положите его на мою кровать, — приказал он. — Родерик, займитесь им.

Родерик, врач, выглядел доброжелательным старичком, который не может нанести пациенту особого вреда. На этот счет я успокоился — не для того я нес Ланса, чтобы он здесь умер.

— Где это произошло? — обратился Ганелон ко мне.

— В пяти лигах отсюда.

— Кто вы?

— Мое имя Кори.

Его губы, похожие на дождевых червей, дрогнули под усами.

— Какова ваша роль в этом деле?

— Я не понимаю.

Я намеренно горбился и говорил медленно, неуверенно, едва не заикаясь. Моя борода была по-стариковски длинной, и в ней было полно пыли.

— Почему вы помогли ему?

— Человек человеку брат, и так далее.

— Вы иностранец?

Я кивнул.

— Буду рад видеть вас у себя столько, сколько вы пожелаете.

— Вы очень любезны, но завтра я уйду.

— Тогда выпейте со мной стаканчик вина и расскажите подробней о происшествии.

Я рассказал. Он не перебивал меня, но не отводил свой взгляд от моего лица ни на мгновение. До сих пор выражение "сверлить глазами" казалось мне глупым преувеличением, но после этого разговора я несколько переменил свое мнение. Я уже решил, что он о чем-то догадывается, но тут усталость навалилась на меня, и язык начал заплетаться по-настоящему. Внезапно мне показалось, будто я слушаю себя со стороны, силы иссякли и стало заметно, как дрожат мои руки.

— Дневные заботы, кажется, оказались чересчур утомительными, — услышал я свой голос. — Извините меня.

— Мы поговорим завтра. Идите спать, я распоряжусь, чтобы вас не беспокоили.

Он приказал стражнику у двери отвести меня в одну из комнат. Должно быть, я все время спотыкался, потому что добрый малый поддерживал меня под локоть. Я уснул, едва дойдя до кровати, толком даже не раздевшись, и спал беспробудным сном четырнадцать часов.

Утром мое тело ныло и болело. На столике у окна кто-то предусмотрительно оставил лохань с водой, мыло, полотенце и ножницы. Умывался я долго и тщательно, потому что не мог избавиться от ощущения, что горло забито вчерашней пылью, а глаза песком. Потом я сел на кровать и задумался о себе.

Раньше я мог перенести Ланса на такое расстояние и глазом не моргнуть. Я бился на грешной земле и мог войти в сам Амбер. Теперь эти времена прошли. Я слабый, изношенный человек, и, кажется, моя внешность гораздо меньше обманывает других, чем я думал. Я набирал вес и силы слишком медленно, это следовало ускорить.

Неделя-другая тренировок и сытной пищи должны сослужить мне хорошую службу. Ганелон ничем не показал, что подозревает, кто я такой. Прекрасно, воспользуюсь его гостеприимством. Я встал и отыскал кухню, где впахнул в себя обильный завтрак. У меня возникло сильное желание закутить, но вместе с тем я испытал приступ злорадства — у меня не было табаку, сама судьба была за то, чтобы я быст-

рее вошел в форму.

Во дворе, под ярким солнышком солдаты проводили учения. В дальнем конце лучники пускали стрелы в мишени. Я обратил внимание, что у них были кольца для больших пальцев и целились они в восточной манере. Стоило подумать об этом Отражении. Виды холодного оружия были довольно разнообразны, а фехтовальщики использовали обе стороны клинков — эффективные приемы опытных бойцов.

Пока я наблюдал, один из шпажистов поднял руку, отсалютовал своему партнеру, отступил и вытер лоб. Его противник, казалось, вовсе не устал. Я подошел к ним, улыбаясь.

— Я — Кори из Кабры. Смотрел, как вы фехтуете. — Затем я повернулся к крепкому темноволосому мужчине, который с улыбкой смотрел на отдыхающего приятеля. — Не возражаете, если я попрактикуюсь с вами?

Все так же улыбаясь, он жестом дал понять, что не понимает меня. Я обратился к нему на нескольких других языках, но ничего не вышло. Тогда я просто показал на шпагу, отсалютовал ему рукой, как только что делал его партнер, а потом довольно откровенно показал, что насаживаю его на воображаемый клинок. Оба сразу все поняли.

Отдыхавший предложил мне шпагу, и по тому, как он это сделал, я понял, что он гордится своим оружием. Его шпага была короче и тяжелее, чем Грейсвандир. Мою теперешнюю шпагу я не называл этим гордым именем потому, что это копия, сфабрикованная в Отражении. Но, в конце концов, Грейсвандир, который я нашел в дупле, ничем не отличался от оригинала, поэтому следовало с ним примириться.

Я покрутил новым для меня оружием в воздухе, приучая к нему руку и разминая мускулы. Снял плащ, отшвырнул его и встал в позицию.

Атака последовала незамедлительно, я остановил ее и в свою очередь сделал выпад. Мой противник легко блокировал его, сделал несколько не очень хитроумных финтов и коротким прямым ударом попытался пробить мою защиту. Пришлось отойти назад, потому что руке не хватало скорости, или я еще не разогрелся, как следует. Через пять минут я уже не допускал ошибок, и мускулы мои срабатывали раньше, чем я успевал что-то сообразить — верный признак превосходства над противником.

Он был великолепным фехтовальщиком, но дважды останавливал поединок и просил объяснить приемы, которые я применял. Схватывал он на лету и с широкой улыбкой пользовался моей же наукой. Впрочем, почерк в этих приемах оставался его собственный.

Через пятнадцать минут его улыбка стала не такой широкой — этого времени, я думаю, ему обычно хватало, чтобы одолеть любого соперника. Через двадцать минут улыбка сменилась откровенно недоуменным выражением: я не выглядел человеком, способным так долго противостоять ему. Через двадцать пять минут я был весь в поту, но атаковал резвей прежнего. Мой брат Рэндом похож на чахо-

точного недоноса, но однажды мы бились с ним более двадцати шести часов, чтобы посмотреть, на что мы способны и кто сдастся первым. Сдался я, у меня на следующий день было назначено свидание, на которое я хотел явиться в приличном состоянии, иначе мы могли бы драться и дольше. Даже сегодня я мог согнуть подкову или переиграть человека, с которым фехтовал.

Примерно через полчаса он стал тяжело дышать и атаковал медленнее, чем положено шпажисту его класса. Через несколько минут он догадался бы, что я просто валяю дурака и лишь поэтому не наказываю его немедленно за ошибки. К тому же я был не первым его спарринг-партнером сегодня, так что следовало щадить самолюбие. Я отступил, отсалютовал шпагой, и он подбежал, чтобы обнять меня. Ни один смертный не может знать, какая сила таится в Амбере, но его удовольствие от нашего поединка было искренним.

Хуже всего было то, что у меня кружилась голова и я чувствовал усталость. Но я обещал себе, что загоняю себя сегодня до полусмерти, на ночь наемся до отвала, а завтра начну с начала. Я перешел к лучникам, взял один из тяжелых луков и выпустил в своем "трехпальцевом" стиле около сотни стрел. Естественно, я упражнялся не только на точность стрельбы, что в безветренном колодце из четырех высоких стен было не так уж трудно, но и на силу попадания, для чего пришлось использовать добротные, похожие на староанглийские, мишени из двухдюймовых досок. Затем я наблюдал за всадниками с копьями, щитами и булавами. Потом смотрел, как отрабатывают технику нападения и защиты без оружия. Последнее показалось мне увлекательным, и я сам вошел в круг. Я боролся с тремя соперниками по очереди и здорово разозлил их, так что они принялись работать без скидок, доводя приемы до конца.

После этого я устал до изнеможения и уселся в тени отдохнуть. Почувствовав, что тело расслабилось, я отправился к себе в комнату, где выкупался и переоделся. К этому времени я проголодался, как выросший в пустыне волк. Но не успел я отправиться на поиски ужина, как один из стражников Ганелона, кажется тот, что вчера довел меня до двери спальни, сообщил довольно официальным тоном:

— Лорд Ганелон просит вас к себе на ужин, когда зазвонит колокол.

Я провалялся на кровати до сигнала, наслаждаясь покоем и заслуженной ломотой во всем теле. Когда зазвонил колокол, я подумал, будет не очень вежливо явиться к столу в одежде, одолженной у слуг, но потом решил, что раз Ганелон не позаботился об этикете, пусть довольствуется тем, что есть. Я решил также ничего не делать с несколькими синяками и царапинами, полученными за день. К тому же с ними я выглядел еще старше.

Я подошел к дверям в комнату Ганелона, и мальчик, которого я не видел вчера, выпустил меня внутрь. Другой мальчик накрывал на двоих стол у разожженного камина. Ганелон поджидал меня. На нем была

зеленая с причудливой вышивкой сорочка, узкие зеленые штаны и узкий пояс без оружия. Когда я вошел, он направился мне навстречу.

— Сэр Кори, мне доложили о ваших подвигах за этот день.— Он крепко пожал мою руку.— Теперь я верю, что вы пронесли Ланса пять лиг. Должен сказать, вы более опасный боец, чем выглядите. Не обижайтесь на мои слова.

— Я не обидчив,— усмехнулся я.

Сегодня он выглядел более дружелюбным и неопасным. Он подвел меня к столу, усадил к огню и приказал налить белого вина, которое показалось мне чересчур сладким.

— Глядя на вас, каждый из моих людей думал, что справится одной левой; они ведь не знали, что вы проделали вчера. Если бы им рассказали хотя бы о тех двух тварях или о надгробии, которое вы сложили по просьбе Ланса...

— Как он?

— Мне пришлось оставить стражу в его комнате, чтобы заставить эту гору мускулов повиноваться, как того требует Родерик. Клянусь, он будет лежать не меньше недели!

— Если требуется стража, значит, все хорошо.

Он кивнул.

— За его здоровье!

— За это я выпью с удовольствием.

Когда мы оставили кубки, он сказал задумчиво:

— Если бы у меня было больше таких людей, как вы и Ланс, можно было бы не бояться предстоящей войны.

— С кем?

— С хранителями Круга. Разве вы не слышали?

— Ланс упомянул об этом вчера, но его состояние не позволило дать исчерпывающее объяснение.

На расстоянии едва ли не вытянутой руки от меня один из мальчиков поджаривал на вертеле огромные куски мяса. Поворачивая вертел, он поливал кушанье винной подливой. Когда аромат того и другого долетал до меня, мой живот начинал петь зорю с такой отчетливостью, что Ганелон ухмылялся в усы. Второй мальчик взял корзинку для хлеба и ушел.

Мы посидели молча. Ганелон допил свое вино, я мелкими глотками потягивал из своего кубка.

— Вы что-нибудь знаете об Авалоне?— неожиданно спросил он.

— Очень давно я слышал песню бродячего барда. "На берегу реки сидели мы и, вспомнив Авалон, заплакали. В руках остались сломанные шпаги, щиты расколоты, разрублены доспехи. Разрушены серебряные башни, потоком крови смыты стены. Так сколько миль до Авалона? Ни одной, и все, что есть, что есть. Разрушены серебряные башни."

— Авалон разрушен?— Голос его внезапно изменился.

— Я счел того человека умалишенным. Я не знаю никакого Авалона, а все, о чем он пел, воспринял как фантазию.

Ганелон отвернулся от меня к огню и молчал несколько минут.

— Такое место есть, я жил там много лет назад. Я не знал, что Авалон пал.

— Как вы попали сюда?

— Я был изгнан оттуда владельцем Авалона, принцем Корвином из Амбера. Он провел меня сквозь муки и безумие, чтобы я страдал здесь. Это было хорошо продуманное наказание. Я много раз был близок к смерти, но больше всего страдал от того, что не мог найти дорогу обратно. Я говорил со многими волшебниками, разговаривал даже с пленной тварью из Круга, предлагал ей волю за любые сведения об этой дороге — все впустую. Как сказал тот бард: "И ни одной мили и много". — Мои строки он переиначил, но даже не заметил, загоревшись внезапной надеждой. — Как звали барда?

— К сожалению, не помню.

Надежда, как ненадежна и мимолетна она ни была, покидала его, причиняя заметную боль. Наконец он продолжил разговор:

— Где находится Кабра, из которой вы родом?

— Далеко на востоке, за морями. Это островная страна.

— Есть ли возможность набрать там войско? Я хорошо заплачу.

Я покачал головой.

— Это небольшой остров с отрядом охраны для поддержания порядка. Войска там нет, наемников тоже. Люди очень невоинственны, главным образом, рыбаки. И в любом случае путешествие потребует несколько месяцев, что в виду войны невозможно.

— Тогда вы сильно отличаетесь от соплеменников.

— Я был там военным инструктором, единственным из всех.

— Могу предложить вам работу. Обучайте моих солдат.

— Я останусь на некоторое время и помогу вам.

Ганелон едва заметно, как бы через силу, раздвинул губы в улыбке.

— Печально слышать, что чудесный Авалон больше не существует, но если так, значит, тот, кто меня высла, наверное, тоже мертв. — Он залпом осушил свой кубок. — Значит, и для демонов наступают времена, когда они не способны защитить ни себя, ни свое добро. Тогда у нас есть надежда победить здесь.

— Прошу прощения. — Я решил рискнуть и повести разговор так, как было нужно мне. — Если вы имеете в виду Корвина, то он не погиб, когда случилось то, о чем мы говорили.

Стеклянный, изумительной работы кубок выпал из его пальцев и разбился, но он даже не заметил этого.

— Вы знаете Корвина?

— Сказать, что я его знаю, неточно. Я слышал о нем несколько лет назад от одного из его братьев по имени Бранд. Он рассказал, что Корвин и его брат Блейз повели огромное войско против своего брата Эрика. В битве, происшедшей в том месте, которое называют Амбером, Блейз упал с высокой горы, а Корвин потерпел поражение и по-

пал в плен. После коронации Эрика Корвину выжгли глаза, а потом бросили в самое темное подземелье, где он и находится сейчас, если, конечно, не умер.

Лицо Ганелона во время моего рассказа стало белым как мел.

— Эти имена— Бранд, Блейз, Эрик— я слышал. Скажите, вы давно узнали об этом?

— Около четырех лет назад.

— Он заслуживал лучшей участи.

— Даже если он что-то сделал с вами?

— Я думал над этим и не могу сказать, что у него вовсе не было причины поступить так, как он поступил. Он был силен, сильнее, чем вы или Ланс, и умен. Он умел быть и веселым. Эрику следовало быстро убить его, а не мучить. Я и сейчас не люблю его, но ненависть моя угасла, и повторяю — этот демон заслуживал лучшего, чем уготовила ему судьба.

Второй мальчик вернулся. Тот, что готовил мясо, снял его с вертела и выложил на блюдо.

— Пора ужинать,— предложил Ганелон.

Не вставая, он придвинул свой стул к столу. Я тоже не заставил себя долго упрашивать. Некоторое время мы не разговаривали.

Наевшись и запив красным вином, я начал зевать. Через непродолжительное время Ганелон не выдержал и выругался.

— Черт побери, Кори, прекратите. Это заражает.— И сам с трудом удержался от зевка.— Пойдем, подышим свежим воздухом.

Мы пошли по стенам мимо часовых. Завидя нас, они вытягивались, и Ганелон приветствовал каждого. Мы дошли до наружных постов, уселись прямо на камень и, вдыхая вечерний воздух, смотрели, как звезды одна за другой появляются на быстро темнеющем небе. Ганелон набил трубку, высек искру и закурил. При вспышках огня его лицо могло показаться сатанинским, потому что даже усы не могли скрыть поднятые вверх уголки губ. Но у дьявола этой усмешке полагалось быть злобной, а у Ганелона она была просто глуповатой.

Я почувствовал запах дыма, во тьме он был еще вкуснее. Через некоторое время Ганелон заговорил мягко и внятно.

— Мое происхождение в Авалоне не могло считаться особо благородным, да и чрезмерной добродетелью я не отличался. Промотов наследство, я стал обычным разбойником, грабившим путников. Позже я присоединился к банде, а когда понял, что лучше других приспособлен к роли предводителя, стал им. За наши головы была назначена немалая цена, за мою— самая большая.

Он говорил быстро и отрывисто, в его голосе проскальзывали нотки, напоминающие его прежнего.

— Авалон с серебряными башнями, тенью в жаркие дни и с прохладными водами, в которых звезды, отражаясь, кажутся больше факелов, вот каким он был в те дни. Гордые иноходцы, благородный металл, мягкие губы, темный, душистый эль. Честь...— Он помол-

чал.— Мы с Корвином отправились на войну. Я стал офицером, а потом членом его совета. Мы выиграли много сражений, наступил мир, я остался при дворе Корвина. Это были хорошие годы, он доверял мне. А потом он пожаловал герцогство мелкому и ничтожному дворянчику, на дочери которого хотел жениться. Этого герцогства добивался я, и Корвин обещал мне его. Я был в бешенстве. Я предал его, когда он отправил меня на южную границу, где было неспокойно. Просто открыл проходы на нашу территорию. Много людей погибло, много земель они захватили. Завоеватели прорвались большими силами, я думаю, их будет достаточно, чтобы захватить королевство. Так и было бы, если бы не Корвин... Благодаря своей лисьей хитрости он опять победил. Я был схвачен и приведен к нему на суд. Я отказался поклониться и плюнул ему в лицо — мне ничего больше не оставалось, как показать свое бесстрашие перед лицом неизбежной смерти. Но он объявил, что поощрит меня за прошлые заслуги. Он приказал расковать меня и подошел ко мне. Я бросился на него, но он ударил один раз, и я лишился сознания. Когда очнулся, он вез меня, перебросив через седло своего коня. Время от времени он что-то говорил мне, хотя я не ответил ни разу. Мы скакали по удивительным землям, именно тогда я понял, что он обладает волшебной силой, потому что никто ни о чем подобном не слышал. Затем он развязал меня и уехал.

Несколько раз он безуспешно попытался затянуться погасшей трубкой, снова зажег ее, раскурил и продолжил.

— Он бросил меня в самой ужасной части этого мира. Мне солоно пришлось, пока однажды не повезло — спесивый рыцарь в доспехах приказал мне убраться с дороги.

Он ненадолго замолчал, переживая то событие.

— Мне было все равно — жить дальше, как я жил, или умереть. Я обозвал его вислоухим сыном шлюхи и послал к дьяволу. Он напал на меня, но был настолько самонадеян, что мне без особого труда удалось направить его копьё в землю. От удара он вылетел из седла, и прежде чем успел подняться, я нарисовал ему широкую улыбку под подбородком его же собственным кинжалом. Таким образом я обзавелся конем и оружием. Я взялся за старое — разбой на большой дороге. Это тоже была хорошая жизнь, хотя такой, как в Авалоне, я не увижу больше никогда. Местная стража дрожала, когда слышала о нас, против моих людей посылали иноземных наемников, безжалостных, как сам ад, но расправиться с нами не удавалось. Потом появился Круг, и никто не знает, почему.

Он яростно запыхтел трубкой.

— Все началось на западе. В центре какой-то проплешины нашли мертвую девочку, и ее стец умер в страшных конвульсиях. Место стали считать проклятым, его забыли бы, но оно принялось быстро расти и через несколько месяцев заняло полмили в окружности. Трава там почернела и стала блестящей, словно металлическая, деревья причудливо скрутились и тоже почернели. Они качались без ветра, и даже

ясным днем там кружили летучие мыши. В сумерках внутри Круга можно увидеть странные движущиеся тени, и все ночи напролет горели огни, как от небольших костров. Те, кто жил неподалеку, поспешили уйти, но несколько человек остались. Говорили, что они заключили какой-то договор с темными силами, и, наверное, условия были неплохими, потому что все больше народа там оставалось. Я разговаривал с этими людьми, дрался с ними и убивал их. У меня сложилось впечатление, что внутри они мертвы, голоса звучат без интонаций, а лица, хоть и остаются прежними, похожи на маски. Они начали выходить из Круга и убивать беспощадно, нападать на храмы, совершать множество непристойных деяний, сжигать все, что попадалось на пути. Но они никогда не брали предметы из серебра. Скоро Круг почти перестал расти, словно достиг пределов. Но зато из него стали появляться самые разные чудовища, как те кошки, которых вы прикончили. Многие из них даже днем уничтожали все живое в окрестностях Круга.

Голос его звучал монотонно и невыразительно. Трубку он давно спрятал в карман.

— Когда земля была целиком опустошена, Круг заполнял ее, конечно, теряя форму, но все увеличиваясь. Старый король Утер забыл гоняться за моей шайкой и бросил все силы на патрулирование близ Круга, пытаясь сдержать его. Меня это тоже беспокоило. Мне не удалось однажды проснуться и обнаружить, что упыри выпили мою кровь. Поэтому я набрал с полсотни своих людей — больше добровольцев не оказалось, а остальных принуждать не хотелось, и мы поехали туда. Мы пересекли границу Круга и беспрепятственно доехали почти до центра. Там мы нашли многих из этих живых мертвецов, занятых сжиганием козла на каменном алтаре, и напали на них. Мы перебили всех, кроме одного, привязали его рядом с козлом и стали допрашивать. Он сказал, что Круг будет расширяться, пока не захватит все землю от океана до океана, но и тогда не остановится, а будет расти, пока не соединится с Кругом на другой стороне планеты. Он предложил нам объединиться и принялся так гнусно поносить нашу нынешнюю жизнь, что один из моих людей не выдержал и заколол его. Он умер, я могу в том поклясться, потому что видел немало мертвых. Но когда его кровь стекла на алтарь, рот его раскрылся и раздался смех, ужаснее которого я ничего не слышал в своей жизни. Смех был, как гром. Затем мертвое тело само приподнялось, село и загорелось. Оно неожиданно оплавилось и превратилось в козла, только громадных размеров. Затем из уст козла раздалось оглушающее: "Бегите, смертные! Вам никогда не покинуть Круг!"

Ганелон повернулся ко мне, пытаясь разглядеть мое лицо.

— И мы побежали, сэр Кори. Небо было черно от летучих мышей, а земля словно шевелилась от такой мерзости, которую я и описать не смогу. Нас преследовал стук копыт, хотя мы неслись во весь опор. Мы убивали все, что попадалось на глаза, но приближались к границе Круга слишком медленно. Мы должны были погибнуть. К счастью,

один из патрулей Утера увидел нашу отчаянную сечу и пришел на помощь. Когда мы вырвались оттуда, со мной осталось пятнадцать человек, а патруль потерял более тридцати. Нас арестовали и препроводили сюда, в замок короля. Утер расспросил нас и обещал полное прощение, если мы присоединимся к нему в борьбе против хранителей Круга. Я согласился охотно; после всего, что произошло, мне было ясно: Круг надо остановить любой ценой. Затем я заболел и несколько дней был без сознания. Оправившись, я узнал, что каждый, кто побывал в Круге, чувствовал себя не лучше, а несколько человек даже умерли. Я посетил остальных моих людей, и они тоже присоединились к нам. Патрулирование Круга было усилено не только благодаря нам, но это ничего не дало. Он продолжал расти. Я получал повышения и скоро занял место по правую руку от Утера, как когда-то у Корвина. Повышения следовали одно за другим — мы проиграли несколько стычек, потеряли много патрульных и офицеров. А однажды из Круга появилась целая армия — настоящая орда людей и нечисти, каких раньше и не встречалось в наших краях. Король Утер сам повел нас в битву вопреки моему совету. Той ночью он погиб, и страна осталась без короля. Я хотел, чтобы мой помощник Ланселот стал правителем, потому что он более благородного происхождения, чем я, но... Тут есть одна странность — я зная в точности такого же человека, как он, в Авалоне, но Ланс ничего обо мне не знал, когда мы встретились. Так или иначе, он всегда был мне по нраву, и, по-моему, из него получился бы настоящий король, если бы он не отказался. Правителем выбрали меня, и это мне не очень-то по душе. Да, я уже третий год сдерживаю Круг, но все мне подсказывает, что отсюда нужно бежать как можно дальше. Какое мне дело до расширения Круга? Что я должен всем этим людям? Я мог бы переплыть море и поселиться там, куда Круг не дойдет за всю мою жизнь. Черт побери! Я не желаю нести такую огромную ответственность!

— Почему? — Мой голос даже для меня прозвучал странно.

Он выбил трубку, снова набил ее и закурил.

— Однажды я заколол в спину человека, у которого были сапоги, а я был бос и мог отморозить ноги. Но сейчас все по-другому. Эта штука принесет вред всем и каждому. И я единственный человек, который может ее сдерживать. Поэтому я не могу все бросить. Когда-нибудь меня здесь похоронят вместе с остальными.

— А Ланс может командовать людьми?

— Да, он отличный воин. Но есть и другая причина. Тот козел-оборотень на алтаре боится меня. Понимаете, он сказал, что я не выйду оттуда живым, а я вышел. Он знает, что именно я с ним повсюду сражаюсь. И побеждаю, как мы победили в той битве, в которой погиб король Утер. Я встречал его еще раз, правда, в другом облике, но он узнал меня, а я — его.

— В другом облике?

— Похожем на человека, но с козлиными рогами. Он сидел на пе-

гом коне. Мы даже бились, хотя сражение скоро нас разъединило, что было неплохо, так как он брал верх. Тогда он тоже говорил со мной тем ужасным голосом, который, кажется, заполняет всю голову. Он сказал, что я не могу даже надеяться на победу, но утром поле осталось за нами, и мы загнали всю нечисть назад в Круг, убивая их без счета, пока длилось преследование. Всадник на пегом коне все-таки скрылся. С тех пор было еще много сражений, и ни одно не было таким — в них стало меньше упорства. Но если я уеду, то он наверняка узнает об этом и нападет. Так же, как напал на Ланса, когда узнал, что он везет мне сведения о расположении войск в Круге. Поэтому я останусь и буду биться, пока не придет мой черед умереть. Я должен. И лишь надеюсь, что когда-нибудь узнаю, почему появился Круг.

Над моей головой раздался шум. Я отпрыгнул в сторону, чтобы избежать неизвестной опасности. Но это оказалась всего лишь белая птица. Она опустилась на мое плечо, издавая тихие звуки. К ее ноге была привязана записка. Я отвязал ее, прочитал и смял в кулаке. Затем принялся изучать невидимые моему собеседнику края и события.

— В чем дело, сэр Кори?

Записку, которую я написал своей рукой и сам отправил с маяка в бухте Кабры, птица моей судьбы могла принести только в такое место, где я должен остаться надолго. Это не было тем местом, о котором я думал тогда, но нельзя спорить со своей судьбой.

— Что вы держите в руке?— переспросил Ганелон.— Послание?

Я протянул ему записку. Не мог же я ее выбросить после того, как он видел, что я ее прочитал.

Ганелон снова закурил и при свете трубки прочитал записку. Там было написано "Я иду" и стояла моя подпись.

— Корвин жив и идет сюда?

— Так написано.

— Странно, я ничего не понимаю.

— Похоже, он обещает вам свою помощь.

Я отпустил птицу, она проворковала, сделала круг над моей головой и улетела. Ганелон покачал головой.

— Я все же не понимаю.

— Если он придет, вы только выиграете.

— Может быть, ему удастся уничтожить Круг.

— А это не шутка?

Он покачал головой.

— Это не в его духе. Интересно, чего он добивается?

— Утро вечера мудренее,— сказал я, решив закончить разговор.

— Пожалуй, вы правы. Ничего лучше, чем отправиться спать, мы сейчас не придумаем.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Я уснул, едва коснувшись головой подушки.

Глава 2

Тело болело несколько дней, болел каждый мускул. Я дрался и бегал, поднимал тяжести и тянулся, соревновался с каждым, кто был достоин внимания и с удовольствием купался в ледяных ключах, пока боль не утихла и мускулы не приобрели былую твердость. За неделю я прибавил в весе фунтов пятнадцать и значительно приблизился к своей былой форме.

Кто-то оставил мне новый коричневый плащ, против чего я отнюдь не возражал, потому что мне не улыбалось, чтобы Ганелон вспомнил мои цвета. Я все еще не сбрасывал бороду и предпринимал немалые усилия, изменяя голос, когда он находился поблизости. Но неприятней всего было то, что из этих же соображений мне приходилось прятать под кроватью Грейсвандир. Гордое оружие такого обращения, конечно, не заслуживало.

Эта страна называлась Лорайна. Так же звали ту, что встретила меня в долине за замком, где она собирала цветы, а я бегал, чтобы быстрее войти в форму. Когда-нибудь я напишу стихи об этом, если буду в настроении.

Самое вежливое название для таких женщин — "походная подруга". Я встретил ее в конце дня, после тяжелой работы, в основном, с копьем и саблей. Она стояла в стороне, поджидая своего сегодняшнего солдата, когда я обратил на нее внимание. Она улыбнулась, и я улыбнулся в ответ. На следующий день, увидев ее, я сказал:

— Привет.

А потом я стал все время ее встречать, и к концу второй недели, когда у меня ничего не болело и я весил больше ста восьмидесяти фунтов, я взял ее за руку, и она пошла за мной. К тому времени я уже знал, кто она на самом деле, но это не тревожило меня, скорее даже устраивало.

Волосы у нее были цвета ржавчины с несколькими седыми прядями, но я решил, что ей не исполнилось еще и тридцати. У нее были ярко-голубые глаза и она часто улыбалась. И хотя она говорила в нос, а волосы были излишне длинные и слишком много грошовой косметики было на лице — она мне все равно нравилась. И ничего не меняло то, что тело у нее полноватое, а одежда кричащих расцветок и туго обтягивающая. Я повел ее в свою комнату, потому что больше мне некуда было ее вести. К тому же я был теперь капитаном и мог заказать ужин прямо к себе.

— Люди вас боятся, — сказала она, когда мы пришли. — Они считают, что вы никогда не устаете.

— Устаю, можешь мне поверить.

— Сколько вам лет?

— А тебе?

— Настоящие джентльмены не задают такие вопросы.

- Настоящие леди тоже, — передразнил я ее.
- Когда вы впервые появились здесь, все думали, что вам за пятьдесят. А сейчас просто не узнать — сорок пять? Сорок?
- Нет.
- Я тоже думаю, меньше. Всех обманывает борода.
- Бороды часто для того и отращивают.
- Вы выглядите лучше день ото дня. Как-то больше...
- Ты следила за мной?
- Сэр Кори из Кабры. — Она задумалась. — Где эта Кабра? Вы возьмете меня туда, если я очень попрошу?
- Я могу сказать, что возьму, но это будет неправда.
- Все равно было бы приятно услышать.
- Я возьму тебя. Но это отвратительное место.
- Мне раздеваться?
- Нет, давай поедим, поболтаем. Выпьем по бокалу вина. — Я налил, оставил бутылку, протянул ей бокал.
- Спасибо. — Она улыбнулась. — Ваше здоровье.
- И твое.
- Мы начали есть. Ела она куда с меньшим аппетитом, чем я. Ей действительно хотелось поговорить.
- Почему вы так отлично деретесь на шпагах?
- Это от природы. Плюс хорошие учителя.
- Я за вами наблюдала. У меня много друзей, которые умеют фехтовать, и я видела, как они тренируются. Вы могли бы разделить на кусочки всех. Поэтому Ганелон и заключил с вами договор, правда, не знаю какой. Но он своего не упустит. Еще люди говорят, что вы хороший учитель, они вас любят, даже если и боятся.
- Почему боятся? В мире много сильных людей. И много людей, которые могут долго махать шпагой.
- Они считают, здесь замешано что-то сверхъестественное.
- Я рассмеялся так, что чуть не подавился.
- Я только второй шпажист в мире. Прости, я расхвастался, скорее, третий. Но я учусь.
- А кто первый?
- Может быть, Эрик из Амбера.
- Он кто? — Она вложила в вопрос непонятный мне смысл.
- Вот он-то сверхъестественная личность.
- А почему "может быть"?
- Потому что первый, может быть, — Бенедикт из Амбера.
- Он тоже сверхъестественная личность?
- Если жив, то да.
- Станный вы, вот что.
- Хочешь еще вина?
- Я опьянею.
- Вот и прекрасно.
- Я налил ей еще, она выпила и грохнула бокалом о стол.

- Все мы умрем.
- В конце концов...
- Я имею в виду здесь, скоро, на этой ужасной войне. Круг слишком силен для нас.
- Тогда почему ты здесь?
- Мне некуда бежать. Поэтому я и спросила вас о Кабре.
- И поэтому согласилась прийти ко мне сегодня?
- Я пришла, чтобы узнать, кто вы такой.
- Я — атлет, который нарушил режим тренировок. Ты родилась здесь?
- Недалеко отсюда, в лесу.
- Почему ты занимаешься этим делом?
- Почему бы нет? Лучше, чем остаток жизни просидеть в навозе.
- У тебя не было... постоянного мужчины?
- Был. Он умер... Он нашел Круг.
- Я не знал. Извини. Мне очень жаль...
- А мне нет. Он всегда напивался, если находил те деньги, которые мне удавалось отложить, а потом избивал меня, потому что денег больше не было. — Она трянула головой. — Вы будете драться на нашей стороне против Круга?
- Да.
- Никто не отвечал мне на этот вопрос так прямо. Здесь вообще никто ни в чем не уверен. Кроме вас. — Она улыбнулась мне заученной улыбкой. — Я хотела бы посмотреть, как вы будете драться с этим козлом-оборотнем.
- Почему?
- Кажется, он их предводитель, и если вы убьете его, у нас появится шанс.
- Я наполнил вином бокал взамен разбитого и протянул ей.
- А вам это может удастся, потому что вы — сверхъестественное существо.
- Давай переменяем тему.
- Я могу попросить вас об одолжении?
- Попробуй.
- Оденьте завтра доспехи, возьмите копье, сядьте на хорошего коня и прочтите кавалерийского офицера по имени Геральд.
- В чем его вина?
- Он избил меня на прошлой неделе, совсем как Джерл. Вы сделаете это?
- Считаю, что я его уже проучил.
- Она пересела ко мне на колени.
- Я люблю вас.
- Ерунда.
- Может быть, больше подойдет, если я скажу, что вы мне очень нравитесь?

Вдруг вдоль моей спины подул холодный ветер и позвоночник на-

чал неметь. Я напрягся и стал сопротивляться, выбросив все мысли из головы. Кто-то меня искал, кто-то из нашего дома в Амбере прибежал к моей карте или чему-нибудь в этом роде. Если это Эрик, значит, он куда храбрее, чем я считал, потому что во время прошлого контакта я чуть не выжег ему мозг. Это не мог быть и Рэндом, если только его не выпустили из тюрьмы, что невозможно. Если это Каин или Джулиан, они могут катиться ко всем чертям. Блейз был, по-видимому, мертв. Бенедикт тоже. Оставался Жерар и сестры.

Ни от кого я не ожидал ничего хорошего, поэтому я сопротивлялся, и довольно успешно. Но через пять минут, когда все кончилось, я был мокрый от пота и меня била дрожь.

Лорайна спросила:

— В чем дело? Вы еще не пьяны, я тоже...

— Припадок. Болезнь, которую я подхватил на островах.

— Я видела лицо старика. Ворот его камзола зеленый. И он похож на вас, только борода совсем седая.

— Ты лжешь! Ты не могла...

— Говорю вам— видела! Кто это был?

— Думаю, мой отец. О боги, как странно! Забудь об этом.

— Почему я должна забыть?

— Потому, что я тебе нравлюсь. Ты еще помнишь об этом? И потому, что завтра я собираюсь вздуть твоего Геральда.

Меня опять затрясло. Она сняла с кровати плед и укутала меня. Потом долила в мой бокал вина и поднесла к моим губам — я с удовольствием выпил. Тогда она вернулась ко мне на колени и обняла за плечи. Поднимался ветер, и дождевые капли забарабанили по подоконнику, как будто кто-то стучал. Лорайна вскрикнула и прошептала:

— Мне совсем не нравится то, что происходит сегодня.

— Закрой дверь на засов. Щеколды, по-моему, маловато.

Пока она орудовала у двери, я повернул наши кресла к окну, загасил все свечи, кроме одной, стоящей справа от меня на столе, вытащил Грейсвандир из-под кровати, отложил ножны и сел на свое место, придерживая шпагу на коленях.

— Что мы будем делать?— спросила Лорайна.

— Ждать.

— Чего?

— Сам не знаю, но сегодняшняя ночь подходит для любых неожиданных событий.

Она подтащила свое кресло к моему, забралась в него с ногами и укуталась в плед.

— Тебе лучше уйти.

— Знаю, но уйти еще страшнее. Вы ведь сможете меня защитить, если я останусь?

— Я даже не уверен, что смогу защитить себя.

— Какая прекрасная шпага.— Она дотронулась до Грейсвандира.— Я никогда такой не видела.

— Другой такой и нет.

Свет по разному преломлялся на шпаге, и лезвие то блестело красным отливом крови, то переливалось синевой моря, то становилось холодным и белым как снег. Я задумался над тем, что Лорайна видела во время контакта, которому я так успешно сопротивлялся.

— В тебе есть что-то очень странное.

Свеча мигнула пять раз, прежде чем она ответила.

— Я немного ясновидящая. У моей мамы это было сильнее, чем у меня, а бабушка, говорят, была настоящей колдуньей. Но я ничего такого не знаю. Вернее, не занималась ничем уже много лет. К тому же я всегда больше теряла, чем приобретала таким путем.— Она помолчала.— Я читала заклинания, чтобы получить мужа, и вот каким он оказался. Потом я хотела красивую девочку, и...

Я понял, что она плачет.

— В чем дело?

— Та девочка в первом Круге и была моей. Я думала, вы знаете...

— Извини, я не хотел...

— Больше я не пользовалась этой силой, но она не оставляет меня. Я вижу сны и знамения и ничего не могу сделать. Как бы я хотела, чтобы это перешло к кому-нибудь другому!

— Этого не будет, Лорайна.

— Откуда вы знаете?

— Я знавал в прошлом таких, как ты.

— Вы ведь тоже обладаете этой силой, верно?

— Да.

— Значит, вы чувствуете того, кто кружит там, снаружи?

— Да.

— А что ему нужно?

— Он ищет меня.

— Зачем?

— Чтобы испытать мою силу.

— Это сам рогатый?

— Думаю, нет. Если я действительно тот, кто может его уничтожить, то глупо искать встречи со мной в замке, где меня поддержат большие силы. Скорее всего, это просто один из его слуг. Но, может быть, именно он пытался принять облик духа моего отца. Сейчас ему важно знать, к чему готовиться. Если слуга найдет меня и уничтожит, это решит проблему. Если я уничтожу слугу, тогда он узнает о моей силе. И опять будет на шаг впереди меня.

Холодное, чуть колющее ощущение возникло у меня в области щек и распространилось на горло.

— Там что-то есть!— Шепот ее звучал истерически.— Близко.

— Отойди в угол комнаты, за кровать.

— Я боюсь.

— Быстрее, или я ударю тебя.

Когда она укрылась за кроватью и затихла, я услышал какое-то

хлопанье и царапанье за окном. Затем я увидел два красных глаза, которые впились в меня. Я перевел взгляд чуть ниже.

Существо стояло на внешнем выступе стены и левой рукой держалось за решетку окна. Оно было более шести футов ростом, с большими ветвистыми рогами, растущими из лба. Оно было голым, с кожей пепельно-серого цвета и, казалось, не имело никакого пола. Темные крылья простирались за его спиной далеко в ночь. В правой руке оно держало длинную тяжелую шпагу из черного металла.

Я поднял Грейсвандир, направив острие ему в грудь. Существо захихикало и еще раз попробовало встретиться со мной взглядом, но я этого не допустил. Тогда оно заговорило, казалось, что завыл большой паровоз.

— Ты меньше и старше, чем он, но эта шпага... Она может принадлежать только ему. Кто ты?

— А кто ты?

— Я— Страйгалдвир. Не шути с этим именем, или я съем твоё сердце и печень.

— Да, с таким именем особенно не пошутить— язык вывихнешь.

— Кто ты?— повторило оно.

— Мизли, гамми градил, Страйгалдвир,— сказал я.

Оно подпрыгнуло, как от заряда дроби в зад.

— Ты хочешь изгнать меня таким простым заклинанием? Я не из низших существ.

— А по-моему, ты все равно не в восторге от заклинания.

— Кто ты?

— Лети, птичка, к себе домой. Или, как это звучит у вас, не низших существ, рви отсюда когти, пока цел.

— Четыре раза я должен спросить и четыре раза не получу ответа, прежде чем мне будет дозволено войти и убить тебя. Кто ты?

— Тогда входи,— сказал я, вставая.

Он вырвал из окна решетку, и ветер, ворвавшийся с ним, загасил свечу. Я бросился вперед, и от наших шпаг посыпались искры. На несколько мгновений шпаги замерли, скрестившись, потом я отпрыгнул назад. Глаза мои привыкли к полутьме, поэтому отсутствие света мне не мешало. Существо тоже видело довольно хорошо. Оно в несколько раз превосходило силой обычного человека, но и я не зря тренировался две последние недели.

Мы закружили по комнате. Ледяной ветер бил в разбитое окно, неся с собой крупные и твердые капли дождя. Когда я первый раз ранил существо — глубокий порез пересек всю грудь — оно не издавало ни звука, хотя крошечные огоньки заплясали на месте разошедшихся тканей. Но во второй раз, когда я основательно рассек мускулы левого предплечья, оно заорало:

— Сегодня я высосу мозг из твоих костей! Я высушу их и сделаю волынку. Когда я буду играть на ней, душа твоя будет метаться в агонии.

— Красиво треплешься.

Существо уже было раздражено и испугано, а напряжение замедляет реакцию, поэтому я его дразнил. На мою реплику оно приготовилось отвечать, уже набрало воздух в легкие, и это дало мне отличную возможность. Я с силой отбил черное острие, сделал выпад и вонзил шпагу в грудь твари. Шпага прошла насквозь.

Существо взвыло, но не упало, а повернулось на месте. Грейсвандир вырвался из моей руки, и я поднял кресло, держа его перед собой. Пламя уже плясало вокруг моего клинка, вбитого в грудь чудовища, но оно еще шло на меня.

— У меня сердце не там, где у людей,— сказала оно.

Внезапно оно прыгнуло, я отбил его шпагу креслом, шатнул вперед, перехватил его правую кисть и ударил по ней ребром ладони, вложив в удар всю свою силу. Раздался треск ломающейся кости, и его шпага глухо стукнулась о пол. Но его левый кулак с огромной силой ткнул меня в скулу, и я упал. Оно кинулось за своей шпагой, но я наскочил сбоку и обхватил его шею. Оно пыталось выпарапать мне глаза, но я крутился из стороны в сторону, и ему удалось только сорвать мне кожу на щеках и лбу. Мои же руки сдавливали его глотку смертельным зажимом. Тогда его глаза снова стали искать мои, и на этот раз я не отвел взгляд. Я ощутил что-то вроде толчка, когда оно узнало меня.

— Ты?— С трудом вырвалось из его синеющих губ.

Я сжал руки с усилием, которое мне самому показалось невероятным, преодолевая последнее сопротивление его уже усталых шейных мышц, смещая позвонки, ломая гортань или что там у него было... Еще, еще... И жизнь ушла из его красных глаз.

Я встал, поставил ногу на труп, уперся поудобней и выдернул Грейсвандир. Когда лезвие вышло из раны, вместе с фонтанчиком крови из серой туши ударило неяркое, бездымное, нежаркое пламя, которое не гасло до тех пор, пока на полу не осталось только грязное сухое пятно.

Ко мне подошла Лорайна, и я обхватил ее за плечи. Она просила отвести ее домой и остаться с ней. Так я и сделал. Но в ту ночь больше ничего не произошло. Мы лежали вместе, и она плакала, пока не уснула.

Ланс, Ганелон и я, верхом на лошадях, с высоты холма смотрели вниз, и солнце пригревало наши спины. То, что мы видели, подтверждало самые мрачные мои подозрения. "Господи, что я натворил!"— повторял я про себя, но единственным ответом оставался Черный Круг, занимавший все открывшееся перед нами пространство. Даже в своем глухом племе я чувствовал запахи этого выжженного пустыря — запах гнили и разложения.

Я носил на людях плем уже более двух недель, после ночи, когда

бился со Страйгалдвиром. Как надел на следующее утро перед тем, как вызвать Геральда, с которым дрался, чтобы сдержать обещание Лорайне, так и не снимал. Приходилось, правда, мириться с шепотком за спиной, но в общем он не мешал, все считали, что по рангу я имею право на эксцентричность. Моя фигура стала напоминать прежнюю и оставалось только скрыть лицо.

— Не вижу никаких марширующих войск, — сказал я.

— Думаю, нам придется проехать к северу, — ответил Ланс, — и, конечно, мы увидим их не раньше ночи.

— Сколько еще?

— Лиги три-четыре.

До Круга мы добирались два дня и лишь сегодня утром встретили патруль, который доложил, что войска внутри Круга увеличиваются с каждым днем. Они занимались какими-то учениями, а с наступлением рассвета исчезали. Над Кругом ударил гром, хотя дождя не было — мне сказали, что здесь так бывает всегда.

— Может быть, позавтракаем, прежде чем отправимся на север? — предложил я.

— Конечно, — согласился Ганелон. — Я голоден, а время у нас еще есть.

Расположившись на траве, мы подкрепились вяленным мясом, которое запивали вином из железных походных кружек.

— Я все-таки не понимаю ту записку, — сказал Ганелон, рыгнув. Он погладил себя по животу и закурил. — Будет он на нашей стороне или нет? И где он сейчас?

— Это могла быть просто шутка, — ответил я.

— О ком вы говорите? — спросил Ланс.

— Мой прежний господин и король, лорд Корвин, прислал с почтовой птицей известие, что он придет.

— Корвин? — переспросил Ланс. — Корвин из Амбера?

Я задержал дыхание.

— Корвин из Амбера и Авалона.

— Забудьте об этом письме.

— Почему?

— У этого человек нет чести. Его обещания не стоят ничего.

— Ты его знаешь?

— А разве ты не слышал старые сказания о лордах-демонах? Так вот, он превзошел их всех. Корвин правил нашей страной задолго до моего рождения. Он был жесток, даже чрезмерно жесток со своими подданными, поставив страну в тяжелое положение. А когда внешние враги воспользовались этим и напали, он отрекся от короны и бежал.

Это было неправдой! Или все-таки правда? Амбер отбрасывал множество Отражений. Благодаря моему присутствию там, меня знали во многих землях, куда моя нога никогда не ступала. И эти мои отражения могли весьма несовершенно повторять даже лучшие из моих поступков.

— Интересно, тот ли это человек?— спросил Ганелон.— Я-то сам не верю старым сказаниям.

— Но если он так давно правил, то должен был умереть,— сказал я, чтобы поддержать разговор.

— Он был волшебником,— пояснил Ланс.

— Мой был, вне всякого сомнения, волшебником. Скорее, даже колдуном. Он изгнал меня из своей земли таким путем, что ни одно заклинание не может это отменить,— подтвердил Ганелон.

— Ты не говорил мне раньше,— удивился Ланс.

— Чем меньше об этом знаешь, тем лучше.

Я достал глиняную трубку, которую раздобыл только позавчера. Она быстро нагревалась и пропускала слишком много дыма, но других здесь не было. Ланс сделал то же.

— Он поступил умно, предупредив нас,— сказал Ганелон.— И больше не будем об этом.

Если бы не черная мерзость за спиной, было бы просто чудесно сидеть вот так. Внезапно я почувствовал прилив симпатии к этим двум дюжим воякам. Мне захотелось сказать им что-нибудь хорошее, но ничего не мог придумать. Проблему решил Ганелон.

— Значит, вы хотите напасть на них первым?

— Вот именно. Лучше вести войну на их территории.

— Беда в том, что мы не знаем, какие силы они могут призвать на помощь внутри Круга.

— Надо убить рогатого, и сопротивление будет сломлено.

— Возможно, но не наверняка,— буркнул Ганелон.— Он слишком хитер, чтобы умереть так просто. Хотя если мне очень повезет... Нет, я уже не тот, что был когда-то. Нужно не обманывать себя и других, а признать, что я никогда не хотел занимать этого проклятого положения...

— Да,— сказал я,— знаю.

— И я знаю,— подтвердил Ланс.

— Как ты считаешь,— обратился к нему Ганелон,— следует ли нам напасть на эту нечисть?

— В ту ночь, когда погиб король Утер, они нас чуть не одолели. И сейчас, я чувствую, будет нелегко, но мы их тоже изрядно потреплем. Так что давайте все как следует разведем и нападём.

— У меня самого ожидание сидит в печенках,— сказал Ганелон.— Если после возвращения ты скажешь то же, считайте, что и я согласен.

Без остановок мы поскакали к северу, а потом, спрятавшись за холмом, наблюдали за Кругом. Там собиралась армия. Я насчитал четыре тысячи человек и, кроме того, множество всяких летающих, ползающих и прыгающих тварей. Нас было только две с половиной тысячи, но мы были не из трусливых.

А что нужно мне — так это побыть всего несколько минут наедине с их предводителем, и все так или иначе решиться. Этот мир дело мо-

их рук — я создал его в припадке ярости, пораженный ужасом и болью. Отражения легли теперь на все существующие земли. Такова сила проклятия принца Амбера! Именно я должен все исправить, хотя я и опасался, что сил не хватит.

Мы наблюдали за хранителями Круга всю ночь и утром вернулись назад. На обратной дороге на нас никто не напал. В замке Ганелона мы занялись разработкой плана. Решение было единодушным — атаковать! Тем более, что наши войска были готовы к выступлению и уже слегка волновались от бездействия.

Ночью, лежа с Лорайной, я рассказал ей об этом. И предложил увезти ее в другое Отражение.

— Я останусь с тобой, — сказала она.

— Ты ведь знаешь, как все может обернуться. — Я не уточнил, что исход битвы зависит от меня одного.

— Знаю.

Наутро она сказала:

— Мне снилось будущее сражение. Я видела, как ты дрался с рогатым.

— И кто победил?

— Я проснулась и не узнала этого. — После паузы она добавила: — А потом я уснула снова, и мне приснилась моя смерть. Только я никак не могла рассмотреть лицо того, кто...

— Все-таки ты поедешь со мной туда, где будешь в безопасности.

— Нет, мое место тут.

— Я не собираюсь потом предъявлять никаких прав на тебя. Просто избавлю от того, что тебе приснилось. Поверь, это в моей власти.

— Я тебе доверяю, но не пойду.

— Послушай, я даже могу отвезти тебя в Кабру.

— Позволь мне остаться.

— Ты очень упряма!

— Я люблю тебя.

— Ты забыла, я тебе только нравлюсь.

— Нет, люблю.

— Ты можешь мне здесь очень помешать.

— У тебя все получится.

Мы так и не договорились ни до чего. Она тихо плакала, а я вытирал ей слезы. Вот такая была Лорайна.

Глава 3

В тот день, когда должна была состояться битва, я проснулся рано и стал раздумывать обо всем, что давно минуло — о братьях и сестрах, о госпитале, в котором я очнулся, о битве за Амбер, Лабиринте в Рэм-

бе, о Мойре, с которой было так хорошо и которая сейчас могла принадлежать Эрику, и о многом другом. Мы стояли лагерем, по-моему, на том самом холме, откуда я впервые увидел Круг и где мы так весело завтракали дней десять назад. На марше у нас было несколько стычек, но они задержали нас ненадолго.

В небольшом овражке, где меня никто не мог увидеть, я снял шлем и побрился. Затем не спеша надел свои старые одежды, выстиранные и выглаженные Лорайной, и шлем. Я чувствовал себя как прежде, был тверд как камень, черен, как земля, и жесток, как дьявол. Затем я вернулся в свою палатку, надел доспехи, застегнул пояс и повесил сбоку Грейсвандир. Плащ я застегнул серебряной застежкой в форме розы, и тут меня обнаружил посыльный, доложивший, что все готово. Я поцеловал Лорайну, прикрыл лицо шлемом и вышел. Я знал, что нынче мой день. Мне подвели коня, я вскочил на него и с небольшим опозданием встретился с Ганелоном и Лансом перед строем нашей кавалерии.

К нам подскакали офицеры, и Ганелон отдал последние распоряжения, которые были не нужны, потому что каждый знал, что делать. Офицеры ускорили.

— Скоро начнем, — сказал Ланс, доставая трубку.

— Как ваша рука?

— Хорошо, в особенности после того массажа, который вы мне вчера сделали.

Я не выдержал, поднял шлем и тоже закурил.

— Вы побрились! — воскликнул Ланс. — Я не представлял вас без бороды.

— Я не знаю, есть ли боги на свете, — промолвил Ганелон, — но если есть, то хорошо бы, хотя один из них оказался на нашей стороне.

— Бог один, — сказал Ланс, — и я молился, чтобы он не оставил нас сегодня.

— Да, — согласился я с ними, глядя на солнце, золотившее край горизонта, и слушая пение утренних птиц, — все предвещает нам победу.

Докурив, мы убрали трубки за пояса, проверили доспехи, застегнули пржки. Ганелон воскликнул:

— Теперь — вперед!

Мы начали спускаться с холма, за нами пошла кавалерия. Потом, поступью легче и веселее, чем закованные в сталь всадники, пошла пехота. Мы перешли границу Круга. Ничего не изменилось.

— Я все время думаю о Корвине, — сказал мне Ганелон.

— Он с нами.

Он увидел серебряную розу и резко обернулся:

— Ланс, принимай командование отрядом Кори.

Если у благородного воина и возникли кое-какие сомнения, он и виду не показал. Ланс вытащил из ножен шпагу, подзывая моих офицеров, передал приказ Ганелона и тут же отпустил.

Мы углубились в Круг на полмили и скакали развернутым строем в пятьсот всадников, когда навстречу вылетела черная вражеская кавалерия. Мы столкнулись. Их ряды были скоро смяты, и мы двинулись дальше. Затем ударил гром, засверкали молнии, полил дождь — разразилась гроза, которая ограничила видимость. Когда перед нами появилась неровная линия пехотинцев, вооруженных в основном копьями, даже самые беззаботные из нас почувствовали ловушку.

Тем не менее мы галопом ринулись на врага. И тогда его кавалерия ударила по нашим флангам. Мы были вынуждены развернуться, и завязалась настоящая битва. Подопли наши основные силы, и я с двумя сотнями конников смог продолжить наступление.

Те, кого мы убивали и кто убивал нас, были людьми. С серыми лицами,двигающиеся, как автоматы, но все-таки люди.

Мы въехали на холм, и далеко внизу я увидел темную громаду цитадели. Торопя отряд, я поднял шпагу и с облегчением увидел, что привычка подчиняться мне взяла верх или они забыли о приказе Ганелона. На нас напали, едва мы спустились с холма. Твари шипели, кусались, били когтистыми крыльями, — значит, у Круга не осталось больше людей.

Грейсвандир пылал огнем, уничтожая нападающих тварей прежде, чем они успевали нанести мне удар, а умирая, они загорались. Справа я видел Ланса, успешно прорубающего путь в этом хаосе. Он бормотал молитвы, ведь без них он никак не мог обойтись. Слева орудовал шпагой Ганелон, за хвостом его коня струилась целая огненная река — я и не знал, что он обзавелся клинком с такой примесью самородного серебра, от которой всякая нечисть просто полыхала. В блеске молний мы приближались к цитадели.

Около сотни всадников пробились к воротам, где нас встретил отряд звероподобных людей. Их было больше, но выхода уже не осталось. У меня мелькнула мысль, может быть, мы зря оторвались от пехоты, но решил, что с пехотой, которая отстала в бою на последнем холме, мы вообще не дошли бы до цитадели.

— Я должен попасть туда! — крикнул я.

— Он мой, — возразил Ланс.

— Я особых притязаний не имею. — Ганелон рубил налево и направо. — Впрочем, как получится.

Мы убивали, убивали, убивали. Но события разворачивались не в нашу пользу — они не отступали. Мы сбились в единый плотный клубок, защищая фланги и спины друг друга. И как раз в этот момент подоспели пехотинцы, всего несколько разрозненных и до предела уставших групп,двигающихся скорее по инерции, чем осмысленно. Их удар в тыл окруживших нас чудовищ, скорее, благодаря внезапности, чем реальной силе, оказался успешным — мы ворвались внутрь, сорок-пятьдесят человек, оставшихся в живых. Но до входа в

черную башню дошло всего двенадцать, и тут нас встретил последний отряд.

— Поспешите! — крикнул Ганелон. Я так и не понял, к кому он обратился.

— Вперед! — ревел Ланс.

Прыгнув, я свалил одного охранника, но не стал добивать, а вскочил и побежал по ступенькам. Он был там, на самом верху башни.

Я подбежал к тяжелой двери в конце лестницы и толкнул ее. Она была заперта изнутри. Несколько раз с разбегу я ударил в нее изо всех сил. Когда она с грохотом упала внутрь, я увидел у окна фигуру в легких доспехах с козлиной головой на широченных плечах. Я переступил порог и остановился. Через прорези шлема он пытался взглянуть мне в глаза.

— Ты зашел слишком далеко, смертный. Ведь ты смертный?

— Спроси у Страйгалдвир.

— Ты тот, кто убил его. — Он говорил совершенно бесстрастно. — Страйгалдвир узнал тебя?

— Может быть.

На лестнице послышались торопливые шаги. Я отступил влево, чтобы меня не было видно. В комнату вошел Ганелон.

— Стой! — От моего крика он вздрогнул и нервно усмехнулся. — Отойди в сторону и не мешай. Это мой грех перед тем, что я любил всем сердцем.

— Ладно, он твой, — сказал Ганелон и остался на месте.

Я шагнул вперед, приготовившись атаковать, но оборотень сделал то, что любой фехтовальщик счел бы самой большой глупостью — он бросил в меня шпагу как копье. Ударил гром. Снаружи над башней раздался еще более ужасающий раскат грома. Я отразил шпагу, как будто это был обыкновенный выпад. Она вонзилась в пол и загорелась ослепительным голубым пламенем. Такой может быть только вспышка молнии. Пока я с усилием разлеплял веки ослепших глаз, чудовище оказалось рядом со мной, обхватило меня, прижав руки к бокам, и несколько раз ударило в щлем рогами. Я бросил Грейсвандир и попытался вырваться из захвата. На миг наши глаза все-таки встретились. Я освободился от его рук.

— Повелитель Амбера, — прорычал рогатый, — почему ты борешься с нами? Ведь это ты открыл нам Путь...

— Я намерен исправить свою ошибку.

— Поздно.

Оборотень снова боднул меня, я отлетел к стене, не успев среагировать, — скорость его движений была фантастической. Пока я приходил в себя, он успел поднять руку и нарисовать в воздухе какой-то знак. Я увидел Дворцы Хаоса — от этой картины волосы на голове стали дыбом, а ледяной ветер заморозил душу. При мысли о том, что я сделал, силы начали покидать меня.

— Ты открыл нам Путь, так останься с нами, и мы вернем тебе то, что ты считаешь своим.

Я заколебался. Конечно, они могли сделать то, что предлагал оборотень. Но, союзники на короткое время, мы будем рады перегрызть друг другу горло, как только каждый получит свое. Но они станут значительно сильнее, чем сейчас. И все же Амбер будет моим...

— Согласен?— снова прозвучал гнусавый, блеющий голос.

Я подумал об Отражениях и об Отражениях Отражений. Я не спеша снял шлем, оборотень тоже начал расслабляться, и тогда я ударил его шлемом так, что тот вырвался из рук. Боковым зрением я заметил, что Ганелон сделал какое-то движение. Но тут же я прыгнул вперед и прижал оборотня к стене.

— Нет,— сказал я.

Ухоженные, как у человека благородного происхождения, руки твари сомкнулись на моем горле, мои уже сдавили его шею. Мы оба сжимали друг друга изо всех сил. Потом чьи-то кости треснули с сухим звуком. Помню, я пытался понять, не мои ли.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу с открытыми глазами и смотрю в небо.

— Боюсь, он останется жив,— сказал Ганелон.

Я повернул голову на голос. Ганелон сидел на краешке одеяла, постеленного подо мной. Около его правой руки лежала шпага. Рядом стояла Лорайна.

— Кто победил?— просипел я.

— Мы,— сообщил Ганелон.— Когда вы сломали рогатому шею, его люди потеряли сознание, а нечисть сгорела.

— Хорошо.

— Я сидел и думал, почему во мне нет ненависти к вам.

— И почему?

— Не знаю. Может быть, потому что мы очень похожи? Нет, не знаю.

Я улыбнулся Лорайне.

— Я рад, что твои предсказания не сбываются. Битва выиграна, а ты жива.

— Смерть уже в пути.— Она не ответила на мою улыбку.

— Что ты хочешь сказать?

— Люди еще помнят, как лорд Корвин приказал публично избить моего деда плетью и четвертовать за то, что он не подчинился несправедливым требованиям правителя.

— Но это не я, а одно из моих отражений.

— Корвин из Амбера такой, какой есть.

С этими словами она ушла от меня.

— Кто он, тот, в башне?— спросил Ганелон.

— Одна из тех тварей, которых я освободил, прокляв Амбер. Здесь

открылся для них Путь в виде Круга, может, он принял другие формы. Но Путь я закрыл, так что можешь спать спокойно.

— Для этого вы и пришли сюда?

— Не совсем. Это произошло случайно, я шел в Авалон.

— Так вы лгали, когда пели, что он разрушен?

— Нет. Наш Авалон пал, но в Отражениях я могу найти похожий на него.

— Возьмите меня с собой.

— Ты с ума сошел?

— Я хочу попасть туда, где родился. Чем бы мне это ни грозило.

— Я не останусь там. В Авалоне мне нужен только розовый порошок, который используют ювелиры. Я иду за ним. Тогда я раздобуду ружья, осажу Амбер и займу трон, принадлежащий мне по праву.

— А как же с теми созданиями, которым открыт путь в Отражения?

— С ними я покончу потом. А если проиграю битву, они будут проблемой Эрика.

— Вы рассказывали, что вас ослепили и бросили в подземелье.

— Я вырастил новые глаза и убежал.

— Вы демон.

— Мне слишком часто об этом говорят. Я устал отрицать.

— Вы возьмете меня с собой?

— Если ты в самом деле хочешь. Но этот Авалон будет не тот, в котором ты жил.

— А в Амбер?

— Все-таки ты сумасшедший!

— Я давно хотел увидеть легендарный Амбер. И я знаю, после того, как повидаю Авалон, мне захочется еще куда-нибудь.

— Нет.

— Разве я был плохим генералом? Вы научите меня обращаться с этими штуками, которые зовете ружьями, и я помогу в битве.

— Твои кости могут остаться вместе с моими под горой Колвир.

— Разве исход битвы известен заранее? Я рискну.

— Ну, если ты так хочешь... Можешь идти со мной.

— Благодарю, милорд.

Вернувшись в замок через несколько дней, я стал разыскивать Лорайну и узнал, что она сбежала с бывшим любовником, офицером по имени Мелкин. Мне было неприятно, что она не дала мне возможности объяснить то, что она знала лишь по слухам. Я решил догнать ее и поскакал по дороге, по которой предположительно они удрали. Я не осуждал ее — в замке я был принят вовсе не как победитель. Люди на меня косились, их глаза выражали больше, чем страх, и ускользали, когда я заговаривал. Рассказы о Корвине были слишком свежи в памяти людей, они боялись, что я захочу остаться и править ими. Я собрался уезжать, и все пришли в неимоверное возбуждение, кроме Га-

нелона, — он боялся, что я не вернусь за ним. Он даже предложил поехать со мной, но я должен был все сделать сам.

Я удивился, обнаружив, что Лорайна что-то стала значить для меня. Ее отказ выслушать меня причинял боль. Если она и после объяснения решит остаться с бравым, но смертным капитаном, что ж... Я благословлю их.

Конечно, я лукавил. Я хотел удержать ее. Прекрасный Авалон пождет и будет ждать столько, сколько мне понадобится для решения этой проблемы.

Я ехал на север по бескрайней равнине, и птицы в голубом небе пели для меня. Стоял ясный, спокойный день, особенно приятный потому, что с этой земли было снято проклятие. В сердце моем теплилось чувство, похожее на гордость, оттого что я исправил хоть крошечную частицу зла, которое вызвал сам. Зло? Какого черта! Я сотворил больше зла, чем тысячи людей, но я сохранил совесть и поступаю так, что она испытывает иногда удовлетворение. Когда Авалон будет в моих руках, я дам своей совести порадоваться еще сильнее. Ха!

Я ехал по свежему следу двух всадников до темноты, пока не возникла опасность потерять его. Я обнаружил в сотне ярдов от дороги овражек и устроился там на ночь. Моя шея все еще сильно болела, мне снился оборотень и наша схватка: "Помоги, и мы вернем тебе то, что ты считаешь своим по праву". В такие минуты я просыпался, шепча ругательства вслух. Едва побледнело небо, я оседлал коня и продолжил путь. Трава сверкала от инея, а мой плащ, который я использовал вместо подстилки, был мокрым. К полудню в мир вернулось немного тепла, а след стал отчетливей — я догонял беглецов.

Увидев ее, я сначала подумал, что она ждет меня, и обрадовался тому, что ждет она так терпеливо. Я спрыгнул с коня и подбежал к дикому розовому кусту без цветов, под которым она полулежала. Шипы оцарапали ей щеку и обнаженное плечо. Она была мертва не так уж давно, кровь еще текла из раны на груди, а тело хранило тепло.

Грейсвандиром и руками я вырыл могилу и опустил в нее Лорайну, чтобы она могла наконец отдохнуть. Он снял с нее браслеты, серебряные кольца и черепаховые гребни — все ее богатство. Я закрыл ей глаза, прежде чем укрыть своим плащом. Я сделал это не сразу, потому что глаза мои затуманились, а руки дрожали.

Я справился с собой, вскочил на коня и погнался за ним. Вскоре я настиг его. Он скакал, будто за ним гнался дьявол, и он не так уж ошибался. Я выбил его из седла, убил, а труп зашвырнул на высокий дуб. За все это время я ни разу не разомкнул губы. Уезжая, я оглянулся — дуб был черен от слетевшихся стервятников.

Я надел на нее все браслеты, кольца и гребни, прежде чем зарыть могилу. Этим завершается рассказ о том, как мы встретились и расстались — Лорайна и я — на земле по имени Лорайна. Так всегда заканчивается все в моей жизни, потому что принц Амбера есть часть

всего и виновен во всех мерзостях всех миров. Вот почему как бы я ни уговаривал свою совесть, кто-то во мне не мог не ответить: "Ха-ха!"

Мои руки обгажены кровью. Я — часть Зла, но иногда все же думаю, что я — то зло, которое необходимо, чтобы бороться с еще большим злом. Потому я и уничтожаю всех Мелких, сколько их ни встретится на моем пути. В тот великий день, о котором твердят пророки, но в который люди уже не верят, в тот день, когда мир весь и навсегда избавится от Зла, я кану во тьму, осыпаясь проклятиями. Но пока этот день не наступил, я не умою рук своих и не позволю им бездействовать.

Еще до наступления ночи я повернул коня и поскакал в замок Ганелона, который, я знал, никогда не поймет меня.

Глава 4

Дикими, странными, извилистыми дорогами ехали мы с Ганелоном, пробираясь сквозь миражи и кошмары в Авалон. Медное солнце нещадно припекало головы, и горячие белые острова в мареве маячили на горизонте, пока все не засверкало серебром и бриллиантами, а луна не поплыла по небу, как лебедь. День принес зеленое дыхание весны, хотя горы впереди еще были покрыты инеем от ночного мороза. Мы перешли бурную реку. В полночь я выпустил стрелу своей судьбы, и она загорелась над нами, уносясь, как метеор, на север.

Единственный дракон, которого мы встретили в пути, при нашем приближении торопливо заковылял прочь, пыхтя, кряхтя и сминая цветы хвостом. Полет ярко оперенных птиц указывал нам путь, а хрустальные голоса озер вторили нашим словам, когда мы проезжали мимо. Я запел, и Ганелон стал мне подпевать. Мы путешествовали уже около месяца, и все вокруг говорило, что Авалон близко.

Мы разбили лагерь у лесного озера, когда солнце зашло за гору и день начал угасать. Я пошел окунуться, пока Ганелон распаковывал вещи. Вода освежала прохладой. Я плескался довольно долго, когда услышал какие-то крики, но такие слабые, что не был уверен, не померещилось ли. Это был странный лес, и мне не было дела до того, что в нем происходит. Но я быстро оделся и пошел к лагерю.

По пути я вновь услышал крики, на этот раз молебь о пощаде. Выйдя на небольшую полянку, выбранную для ночевки, я увидел такую картину. Все наше снаряжение было разложено, но костер еще не горел. Ганелон стоял у дуба, на котором головой вниз висел человек. Он был молод, худощав и светловолос. Я отметил, что очень трудно составить представление о внешности человека, если он подвешен за ноги.

Руки его были связаны за спиной. Он раскачивался взад и вперед. На щеке красным пятном выделялся след от удара, а на рубашке темнели пятна крови. Он быстро отвечал на вопросы Ганелона, и лицо его было мокрым от пота.

Я удержался от вмешательства и остановился неподалеку. Ганелон не стал бы так поступать без особой причины, поэтому жалость к парню не переполняла мое сердце. К тому же несколько минут, проведенных вниз головой, не причинят ему особого вреда.

Когда тело перестало раскачиваться, Ганелон кольнул его в поясницу острием шпаги, снова заставив закачаться. Шпага слегка проколола кожу, и появилось новое пятнышко крови. Подвешенный человек запищал, и по голосу стало ясно, он очень молод. Ганелон направил шпагу так, что она пронзила бы пареньку горло, но в последний момент, когда тот, извиваясь всем телом, почти коснулся острия, убрал клинок.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился мальчишка.

— Выкладывай все.

— Я больше ничего не знаю.

— Почему?

— Они промчались мимо. Я ничего не разглядел.

— Почему ты не последовал за ними?

— Они были верхом, а я пеший.

— Почему ты не пошел за ними?

— Я был контужен.

— Контужен? Трус, ты дезертировал.

— Нет.

Ганелон вновь нацелился шпагой.

— Да! — завопил паренек. — Я испугался.

— И удрал.

— Побежал в другую сторону...

— И не знаешь, что произошло?

— Нет.

— Лжешь!

— Прошу вас...

— Ганелон, — позвал я и сделал шаг вперед. — Что происходит?

Ганелон посмотрел на меня и ухмыльнулся. Паренек попытался поймать мой взгляд.

— Вот он, — Ганелон ударил шпагой плашмя паренька так, что тот вскрикнул от боли, — вор и дезертир. Интересную историю он тут рассказывает.

— Тогда опусти его, и я послушаю.

Ганелон перерубил веревку одним ударом. Мальчик упал на землю и зарыдал.

— Он пытался стащить у нас еду. Я поймал его и решил допросить. Оказалось, он пришел прямо из Авалона, причем так быстро, что пятки облупились.

— Как так?

— Он участвовал пехотинцем в битве, что состоялась два дня назад. Во время драки он струсил и дезертировал.— Мальчишка нечленораздельно запротестовал, но Ганелон ткнул его носком сапога и прорычал:— Молчать! Сейчас говорю я.— Мальчик отполз в сторону, как краб, и посмотрел на меня расширенными, умоляющими глазами.

— Кто с кем сражался?

— Знакомо звучит.— Ганелон угрюмо улыбнулся.— Все силы Авалона сражались в самой большой, решающей для них битве с существами не вполне естественными.

Я посмотрел на мальчика, но он отвел глаза.

— С девами, у которых бледные лица, длинные светлые волосы и холодные как лед глаза. Они скачут на огнедышащих скакунах, поедающих человеческое мясо. Они вышли из пещеры, что появилась несколько лет назад после землетрясения. И стали совершать по ночам набеги, забирая молодых мужчин и убивая остальных. Потом юноши следовали за ними как солдаты, но в них уже не было души. Они походили на тех людей, которые сражались за Круг.

— В Лорайне многие остались живы после освобождения,— возразил я.— Мне не показалось, что они лишены души. Скорее, утратили память, хотя это не менее страшно. А почему люди не завалили вход в пещеру днем, если всадницы выходили только ночью?

— Дезертир утверждает, что они пытались, но каждый раз девы вырывались оттуда еще сильнее и многочисленнее.— Ганелон продолжал:— Их генерал, которого они называют Протектор, затевал сражения много раз, даже встречался с их предводительницей и обсуждал условия перемирия или откупа — я в это, правда, не верю, — но ничего не вышло. Тогда Протектор устроил большое наступление в надежде уничтожить их разом, и во время этого сражения мальчишка сбежал.— Он указал на паренька шпагой.— Поэтому мы не узнаем, чем оно окончилось.

Мальчишка стал пепельно-серым.

— Все так?— спросил я у него. Он кивнул, глядя на шпагу, как загнипотиженный.— Жаль, мы не знаем, кто победил.— Ганелон кивнул.— Ты говоришь, он пытался украсть еду?

— Да.

— Развяжи ему руки. Мы его накормим.

— Но ведь он ворюшка.

— Не ты ли признался мне, что пришил человека из-за сапог?

— Но между моим и его поступком есть разница. Мне это удалось.

Я рассмеялся, непонятное напряжение прошло. Ганелон выглядел сначала раздраженным, потом удивленным, потом и сам расхохотался. Мальчишка смотрел на нас, как на полоумных.

— Пойдем, приятель.— Ганелон, не переставая смеяться, одним движением перерезал веревки на руках пленника.— Я тебя покормлю.

Потом он порылся в пакетах и вручил мальчику какую-то еду, которую тот принялся торопливо уничтожать.

Полученная информация ставила меня в затруднительное положение — не легко добиться своего в стране, где идет война. К тому же во мне ожили прежние подозрения по поводу причин этой войны.

— Ваши планы не изменились? — спросил меня Ганелон, когда я помогал ему разжечь костер.

Особого выбора все-равно не было. Я, конечно, мог проложить дорогу к Отражению, где нет войны, но, добравшись туда, я мог очутиться в мире, непригодном для моих целей. А раз силы Хаоса все время стоят на моем пути, значит, они связаны с моей судьбой, и мне придется так или иначе иметь с ними дело, сейчас или позже. Таковы правила игры, и не мне жаловаться — я сам их создал.

— Это именно то место, которое мне нужно.

Паренек вскрикнул, потом, из благодарности за то, что я не дал Ганелону наделать в нем дырок, предупредил:

— Не заезжайте в Авалон, сэр. Вас убьют!

Я улыбнулся и поблагодарил его. Ганелон ухмыльнулся и предложил:

— Давай возьмем его с собой. Пусть предстанет перед трибуналом за дезертирство.

Он не успел еще договорить, а мальчишка уже улепетывал к ближайшим кустам. Все еще ухмыляясь, Ганелон вытащил кинжал и заученным движением занес его для броска. Я ударил Ганелона по плечу, и кинжал пролетел далеко от цели. Все еще смеясь, Ганелон сходил за кинжалом и проговорил:

— Напрасно вы не позволили убить его. Что вы скажете, если он вернется ночью и перережет нам глотки?

— Ничего. С перерезанной глоткой не поговоришь. Но он не вернется, ты это прекрасно знаешь.

Ганелон пожал плечами, вытер лезвие, отрезал кусок мяса и стал его поджаривать на разгоревшемся огне.

— Война, по крайней мере, научила его показывать врагу пятки. Может быть, мы проснемся утром целыми.

Вздохнув, он откусил кусок и принялся жевать. Я с удовольствием последовал его примеру. Ночью я проснулся от тревожного сна. Мне вспомнился мальчик, и какая-то злая часть моего "я" думала нехорошие думы. Прошло много времени, прежде чем я уснул. Наутро мы забросали костер землей и продолжили путь. К полудню мы доехали до гор, а на следующий день перевалили через них. На дороге сохранились следы недавно проехавшей кавалерии, но мы никого не встретили. На следующий день видели несколько ферм, но не свернули ни к одной. Наш путь подходил к концу. В тот день небо цветом напоминало небо Амбера, и я любовался им. Лес, через который мы ехали, мог быть и Арденским лесом, только в нем не было Джулиана, Моргенштерна и гончих, а слышались голоса птиц, цоканье белок,

тявканье лисиц, шум ручьев. В тени цвели белые, голубые и розовые цветы. После полудня подул ветерок, и все окружающее настроило меня на такой лирический лад, что придорожные могилы, показавшиеся за поворотом дороги, заставили вздрогнуть от неожиданности. Мы осмотрели их, но ничего о них не узнали. Позже мы проехали мимо большого пепелища. К вечеру дорога практически исчезла, кустарник вокруг был изломан, в воздухе висел запах гари. Мы проехали мимо изъеденного трупа лошади с вывалившимися внутренностями.

День клонился к вечеру, лес поредел, когда Ганелон заметил к юго-востоку дым костров. Мы свернули на первую же боковую тропинку, которая хотя и уведила нас от Авалона, но приближала к кострам. Ганелон поинтересовался:

— Может, это лагерь Протектора?

— Или тех, кто одержал победу над ними.

Вместо ответа Ганелон коснулся шпаги.

Вечером мы вышли к ручью, я выкупался в нем, подстриг до приемлемой длины бороду и стряхнул пыль с одежды. Путешествие наше кончалось, и я старался выглядеть как можно лучше. Ганелон нехотя последовал моему примеру.

Сидя на берегу ручья, я смотрел, как восходит чистая, ясная луна. Дымка перед глазами рассеялась. За последние несколько лет такое произошло со мной впервые. На секунду перехватило дыхание, я смотрел, не отрываясь. Потом принялся высматривать ранние звезды, любоваться легкими облачками, темными силуэтами далеких уже гор, потом перевел взгляд на луну. Все оставалось таким же ясным и сверкающим. Мои глаза снова были абсолютно здоровы. Смех, вырвавшийся из моей груди, вряд ли был обычным, потому что Ганелон отпрянул от меня, но ни тогда, ни потом не спросил, почему я смеялся.

С трудом сдерживая желание запеть, я вскочил на коня и поехал по тропинке. Тени сгущались, крупные звезды стали ярче. Я дышал полной грудью. Я снова был самим собой, и мне было хорошо.

— Они наверняка выставили часовых,— сказал Ганелон шепотом.— Может, лучше сойдем с тропинки?

— Я бы не хотел выглядеть подозрительно. Мы просто два путешественника.

— Они могут спросить нас о цели путешествия.

— Тогда давай назовемся двумя вольными солдатами, которые прослышали о здешней войне и прибыли наниматься.

— Мы, кстати, на них похожи. Остается только надеяться, что им придет в голову расспросить нас, прежде чем насадить на копья.

Тропинка, по которой мы ехали, то петляла из стороны в сторону, то шла прямо; затем начался небольшой подъем. Когда мы преодолели его, лес поредел еще больше. Мы оказались на вершине холма, перед нами лежало совершенно открытое пространство. В долине горели костры, тут и там виднелись палатки. Неподалеку пасся целый табун

лошадей. Насколько я мог судить, у костров сидело человек двести. Осторожный Ганселон вздохнул.

— По крайней мере, они кажутся нормальными людьми. А если это обычные солдаты, то нас уже заметили. Здесь слишком хороший наблюдательный пункт, чтобы не выставить пост.

— Да.

Сзади послышался шум, и чей-то уверенный голос приказал:

— Не двигаться.

Я все-таки повернул голову и увидел четырех человек. Двое держали арбалеты и целились в нас, а двое стояли со шпагами наголо. Один из последних шагнул вперед.

— Сойдите с лошадей.

Мы спешились и повернулись к ним лицом, стараясь не прикасаться к оружию, чтобы не произошло недоразумения.

— Кто вы? Откуда?

— Мы наемники из Лорайны, — ответил я. — Мы слышали, тут идет война, и пришли, чтобы поступить на службу. Мы направляемся вниз, в лагерь.

Тот, что говорил с нами, сплюнул и сказал:

— Протектор не нуждается в таких, как вы. — Помолчав, он спросил: — Вы из какой части света?

— С востока, — ответил я.

— Не встречали вы на пути какие-нибудь препятствия?

— Нет. А должны были встретить?

— Трудно сказать. Ладно, снимите свое оружие, я отправлю вас в лагерь. Вероятно, вас допросят обо всем, что могло показаться необычным для глаза и слуха.

— Но мы не видели ничего необычного.

— Как бы там ни было, вас накормят. Хотя я и сомневаюсь, что захотят воспользоваться вашими услугами — вы прибыли поздно. А теперь давайте шпаги.

Он подозвал еще двух людей, которые как по волшебству появились из-за деревьев, отдал им наше оружие и велел сопровождать, причем лошадей мы должны были вести под уздцы. Мы уже повернулись, чтобы идти, как главный воскликнул:

— Подождите. — Мы остановились. — Как вас зовут?

— Кори.

— Стойте на месте. — Он подошел и в течение нескольких секунд всматривался в меня.

— В чем дело?

Не отвечая, он принялся рыться в кошельке у пояса, выбрал одну из монет и поднес к своим глазам.

— Черт! — воскликнул он. — Слишком темно. А не развести ли нам костер?

— Зачем?

— Вы показались мне знакомым, и я все время пытался по-

нять— почему? Вы выглядите совсем как портрет на наших старых монетах. Некоторые еще в ходу.

Один из арбалетчиков опустил свое оружие, подошел ко мне и принялся рассматривать.

— Да,— изумился он.— Похож.

— А кто он, с кем вы меня сравниваете?

— Наш бывший правитель. Это было еще до моего рождения, не помню его имя.

— И я не помню,— сказал их главный и пожал плечами.— В конце концов, это не так уж важно. Иди, Кори. Отвечай на вопросы честно, и тебе не причинят вреда.

Я повернулся, и мы оставили их позади, в лунном свете, обескураженно почесывающих затылки под тяжелыми касками.

Солдаты, приставленные к нам провожатыми, не принадлежали к числу разговорчивых, что было не так уж плохо. В лагере приятно пахло лошадьми, дымом костров, жареным мясом, кожей и маслом, звучали людские голоса и бряцанье оружия. Люди ели, развлекались разными играми, беседами и замолкали, провожая нас глазами, когда мы проходили мимо, к большим палаткам.

У второй по размерам палатки нас остановили, и один из сопровождающих заговорил с проходящим мимо стражником. Тот несколько раз отрицательно качнул головой и указал на самый большой шатер. Провожатый повернулся к нам:

— Все офицеры в палатке Протектора,— сказал он.— Мы сейчас стреножим ваших лошадей и отпустим пастись. Ваши вещи сложите здесь. Будете ждать нашего капитана.

Мы отстегнули седельные сумки и вытерли лошадей. У ближайшего костра нам налили чаю, и мы стали ждать конца совещания.

Через полтора часа в большой палатке замелькали тени, полог откинули, и оттуда стали выходить люди. Двое последних офицеров задержались у входа, разговаривая с тем, кто остался в палатке. Тот, с кем они говорили, подошел к ним. Офицеры почти полностью загоразивали его, но я успел заметить, что он худ и высок. Наши провожатые указали на одного из офицеров, капитана, которого мы ждали, но я во все глаза смотрел на их командира. Свет из палатки падал на него сзади, и я не мог разглядеть его лицо. У него не было правой руки до локтя, и, судя по бинтам, это произошло в недавней битве.

Длинные, прямые каштановые волосы подчеркивали волевую линию его подбородка. Ветерок распахнул плащ, и я увидел его огненно-оранжевую подкладку, желтую рубашку и коричневые брюки. Быстрым движением он поймал полу и прикрыл обрубок. Я встал, он быстро повернулся ко мне. Наши глаза встретились, и несколько мгновений мы стояли абсолютно неподвижно.

Два офицера, заметив что-то необычное, замешкались, а он, шагнув ко мне, отодвинул их в сторону. Ганелон что-то крикнул и вскочил на ноги, возбужденно хихикая. Двое наших сторожей тоже вско-

чили и замерли в растерянности. Он остановился в шаге от меня и оглядел с головы до ног. Он редко улыбался, но сейчас на его лице появилось подобие улыбки.

— Пойдем со мной,— сказал он.

Он повернулся и направился к палатке, мы последовали за ним, оставив свое снаряжение на земле. У входа он пропустил нас вперед и опустил полог. Я окинул взглядом его постель, маленький стол, скамейки, оружие, походный сундучок. На столике горела масляная лампа, лежали книги, топографические карты, стояла бутылка вина и несколько широких металлических чаш. На сундучке светила еще одна лампа.

Он пожал мне руку и снова улыбнулся.

— Корвин. И все еще живой.

— Бенедикт,— отозвался я.— Сколько воды утекло...

— Кто твой друг?

— Мой старый офицер. Ганелон.

— Ганелон.— Он кивнул, но руки не подал. Подошел к столу, сполоснул три чаши вином, налил снова, протянул мне, потом Ганелону, взял себе.— Твое здоровье, брат.

— И твое.

Мы выпили.

— Садитесь.— Он указал на скамейку, а сам сел за стол.— Приветствую вас в Авалоне.

— Благодарю, Протектор.

— Этот титул я заслужил.— Он слегка нахмурился, продолжая изучать мое лицо.— Они сами его предложили. Интересно, мог ли их прежний предводитель похвастаться тем же?

— Это было не совсем то место. И если судить не по звучанию, а по смыслу — мог, поверь мне.

— Конечно.— Он пожал плечами.— Но довольно об этом. Где ты был? Что делал? Почему пришел сюда? Расскажи подробнее, мы так давно не виделись.

К моему несчастью, фамильный протокол и баланс наличных сил требовали, чтобы я отвечал прежде, чем смогу сам задавать вопросы. Он был одним из немногих родственников, кого я уважал и даже любил, и мне самому до боли в печенке хотелось расспросить его. Прошло действительно много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз, и я не имел ни малейшего представления, на чьей стороне он сейчас. И я не знал, как много можно рассказать ему. Я не хотел также быть неudelикатным. Следовало начать с какой-нибудь нейтральной темы и уже в разговоре выяснить, как он ко всему относится.

— Мне все равно, под каким соусом ты подашь свою историю.

— Тогда попробую с самого начала.— Я сделал глоток вина.— Прошло всего несколько лет после поражения Лунных Всадников из Ганеша и твоего отъезда, как у нас с Эриком возникла первая крупная ссора. Отец все время заводил разговоры об отречении, но не

называл того, кого хотел бы видеть преемником. Пошли разговоры о том, кто является законным сыном, а кто нет. Конечно, ты и Эрик старше меня, но Файла, мать Эрика и моя, стала женой отца после смерти Плинеи, а...

— Довольно! — Бенедикт ударил по столу с такой силой, что дерево треснуло, лампа подскочила и выплеснула масло, лишь чудом не перевернувшись. Полог был откинут, и внутрь заглянули встревоженные охранники; Бенедикт посмотрел в их сторону, и тех как ветром сдуло. — Я не желаю выслушивать, кто в нашей семье бастард, а кто нет, — проговорил он. — Эти выяснения были одной из причин, по которым я отделился от семьи. Продолжай, но без ссылок на родословную.

— Однажды мы с Эриком не ограничились словами. Мы подрались.

— Дуэль?

— Нет, формальностей мы не придерживались. Просто одновременно каждый пришел к решению убить другого. Эрику удалось одержать верх.

Я замолчал. Бенедикт терпеливо ждал продолжения.

— Могу лишь предположить, что случилось, когда я потерял сознание. Эрик не стал убивать меня. Он сделал так, что я оказался в Отражении под названием Земля, в городе Лондон. Там в разгаре была чума, и я, естественно, заразился. Когда я очнулся после многодневного забытья, у меня не было ни малейшего представления, кто я такой и где нахожусь. Я жил в том Отражении много веков, пытаясь найти ключ к своему прошлому. Я обошел всю Землю, часто как солдат в какой-нибудь войне. Я учился в их университетах, разговаривал с мудрейшими из людей. Я консультировался также у выдающихся врачей — все напрасно. Мне было ясно, что я не похож на других, и приходилось прилагать огромные усилия, чтобы это не заметили. Я мог иметь все, кроме одного, причем самого желанного — тайны своего рождения. И только в результате автомобильной катастрофы, в которой я разбил череп, стал вспоминать кое-что о своем происхождении. Это было пять лет назад. Самое смешное, что у меня есть все основания считать Эрика виновником катастрофы. Но вернемся к нашему поединку. Эрик, должно быть, сдержался в последний момент. Он желал моей смерти, но не так, чтобы в ней обвинили его. Поэтому он и переместил меня туда, где я умер бы быстро и наверняка. Он же имел возможность заявить, что я умчался неизвестно куда, бормоча что-то о неотложных делах. В тот день мы охотились в Арденском лесу без сопровождающих.

— Два таких соперника, — прервал меня Бенедикт, — и вдруг охотятся без сопровождающих?

Я сделал глоток вина и улыбнулся.

— Возможно, все было несколько сложнее, чем я рассказываю.

— Понятно. Значит, вы могли поменяться ролями?

— Не знаю. Не верю, что я зашел бы так далеко. Конечно, я не имею в виду свою теперешнюю позицию. Знаешь, люди меняются. А тогда... Не могу сказать.— Он кивнул, я почувствовал его гнев.— Я тут не для того, чтобы оправдываться или обвинять. Эрик следил за мной, разочарованный тем, что я не умер, но удовлетворенный тем, что я абсолютно безвреден. Он договорился с Флорой, чтобы она следила за мной, и все было тихо в течение длительного времени. Потом, насколько я понимаю, отец отрекся от престола и исчез, а вопрос о преемнике так и остался открытым.

— Черта с два, отречения не было,— сказал Бенедикт.— Однажды утром его просто не оказалось в покоях. Кровать была застелена, на ней никто не спал. Не нашли никакой записки. Видели, как он вошел вечером к себе, но никто не видел, как он выходил. Но даже это не показалось странным, просто думали, что он опять путешествует по Отражениям, может быть, в поисках невесты. Прошло очень много времени, прежде чем решили счесть это формой отречения от престола.

— Я не знал. Твоя информация точнее моей.— Он кивнул, а мне стало не по себе, так как невольно подумалось, какую связь он поддерживает с Амбером. Может, он горой стоит за Эрика?— Когда ты был там в последний раз?

— Немногим больше двадцати лет назад. Но связь у меня есть.

Никто из тамошних родственников ни полслова не обронил об этом! А его слова понимать как предупреждение или угрозу? Мысли в моей голове понеслись вскачь.

Я перебрал все родню, пытаюсь представить каждого в качестве информатора Бенедикта. Рэндом говорил, что понятия не имеет, где находится Бенедикт, но неизвестно, насколько можно ему верить. Бранд сам исчез неизвестно куда. У меня, правда, было предположение, причем подтвержденное, что он пленник в одном не очень приятном месте и не имеет возможности поддерживать с Амбером связь. Флора не могла информировать Бенедикта, потому что до недавних пор сама была изгнанницей в Отражении Земля. Льюисвилла находилась в Рэмбе, Дейдра тоже. Фиона? Джулиан сообщил мне, что она была где-то на юге и неизвестно, чем занималась. Кто остался?

Итак, Эрик, Джулиан, Жерар или Каин. Исключим Эрика, он никогда не рассказал бы об исчезновении отца, как Бенедикт. Джулиан поддерживал Эрика, но сам не лишен тщеславного желания занять место повыше. Он мог передать все в подробностях, посчитав, что это ему выгодно. И Каин тоже. Жерар всегда производил на меня впечатление человека, который куда больше заботится о благополучии Амбера, чем о том, кто будет сидеть на троне. Он не благоговел перед Эриком и был даже готов поддержать нас с Блейзом в битве за трон. Он как раз мог подумать, что, сообщив все факты Бенедикту, страхует государство.

Один из трех... Джулиан ненавидит меня, про Каина нельзя ска-

зять, что он любит или не любит меня, а с Жераром мы вместе пережили памятные события с самого детства. Необходимо выяснить, кто поставлял информацию. Связь Бенедикта с Амбером могла повредить мне или принести выгоду, в зависимости от того, как я решу эту проблему. Сам Бенедикт, ничего не зная о моих планах, не скажет. Следовало удивляться, что он вообще дал мне понять о своей осведомленности. Я начинал думать, что недавняя рана сделала его менее сдержанным.

— Интересно,— я гонял вино в чаше круговым движением,— последние события показывают, что каждый действовал преждевременно.

— Не каждый,— проронил он, и я почувствовал, что краснею.

— Извини.

— Продолжай,— резко бросил он.

— Эрик решил, что трон пустовал достаточно и пора действовать. Он, должно быть, решил, что моя амнезия недостаточно надежна и будет лучше, если мои притязания прекратятся раз и навсегда. Тогда он организовал катастрофу.

— И все-таки не слишком ли много догадок?

— Флора фактически подтвердила их, когда я встретил ее и распросил под некоторым нажимом. Потом появился Рэндом, он спасался бегством.

— От кого?

— От странных созданий из Отражений. Я так ничего и не выяснил толком.

— Интересно,— сказал Бенедикт, и я с ним согласился.

Я и сам раздумывал об этом происшествии, еще когда сидел в камере, удивляясь, с какой стати Рэндому понадобилось убежать от тех громил и являться к Флоре. С момента встречи и до того, как расстались, мы находились под какой-то угрозой. Я был слишком занят тем, чтобы мой блеф о восстановившейся памяти выглядел правдоподобно, а сам Рэндом ни о чем не рассказывал. А потом события развивались слишком стремительно, пока я не оказался в камере. Да, это интересно, но и тревожно.

— Я ввел в заблуждение Рэндома,— продолжил я.— Он поверил, что я хочу завладеть троном, а мне хотелось всего-то восстановить память. Он согласился помочь мне вернуться в Амбер, и мы оказались в Рэмбе. Блефовать было уже ни к чему, и я рассказал ему, в каком состоянии в действительности нахожусь. Он предложил мне снова пройти Лабиринт, я воспользовался им, а из Лабиринта сразу перенесся в Амбер.

— Рэндом, должно быть, чувствовал себя очень несчастным,— улыбнулся Бенедикт.

— Не могу сказать, что он скакал от восторга. Он в чем-то провинился в Рэмбе и, когда мы вошли туда, вынужден был предстать на суд Мойры, жениться на слепой девушке по имени Виала и остаться с

ней на год. Я позже узнал, что он выполнил все условия. Кстати, Дейдра тоже осталась там. Мы встретились с ней по пути. Она бежала из Амбера, не знаю почему. Мы втроем пришли в Рэмбу.

Я допил вино, и Бенедикт показал мне на бутылку. Она тоже была почти пуста. Он достал новую из сундучка, наполнил чаши. Я сделал глоток от души, и чуть не поперхнулся — вино было лучше прежнего, наверное, из личных запасов.

— Во дворце я добрался до библиотеки, где раздобыл колоду карт. Это было причиной, по которой я рискнул пойти туда. Но меня застал Эрик, и прежде чем я что-либо понял, мы уже бились на шпагах. Я ранил его, уверен, мог бы прикончить, но подоспела дворцовая стража. Я бежал, связался с Блейзом, и он принял меня в свое Отражение. Остальное ты, наверное, знаешь от своего человека. Мы с Блейзом пошли войной на Амбер и потерпели поражение. Он упал с самой вершины Колвира, но я успел швырнуть ему свои карты и видел, что он их поймал. Лететь вниз было очень далеко, хотя мне и кажется, что прилив стоял высоко. Насколько я знаю, тела его не нашли. Остается гадать, умер он тогда или нет.

— Я тоже не знаю,— сказал Бенедикт.

— Я попал в плен. Эрик хотел сломить меня и приказал, чтобы я присутствовал на церемонии его коронации, хоть я сопротивлялся. Мне удалось короновать себя прежде, чем этот ублюдок — какое надругательство — надел корону на голову себе. Затем меня ослепили и заточили в подземелье.

— Да, я слышал. Как это было сделано?

— Раскаленным прутом.— Я едва сдержался, чтобы не схватиться за глаза.— Я потерял сознание, когда это делали.

— Был ли контакт с глазным яблоком?

— Безусловно. Делом занимались мастера.

— Сколько лет заняла регенерация?

— Около четырех, прежде чем я снова начал видеть. А полностью зрение вернулось практически на днях. Если считать все вместе — полные пять лет.

Он откинулся на спинку стула, улыбнулся.

— Ты дал мне надежду. Многие из нашей семьи регенерировали разные части тела, но я до сих пор ничего не терял.

— Думаю, с рукой у тебя будет все в порядке, но, конечно, понадобится время. Хорошо, что ты одинаково владеешь обеими руками.

Мы сделали по глотку. Я не хотел говорить о Дворкине, хотел сохранить секрет, как шулер прячет козырь в рукаве. Никто из нас не представлял всю силу этого человека, скорее всего, потому, что он определенно сумасшедший. Но его можно заставить делать то, что нужно — не насильно, конечно. И все-таки отец стал бояться его и запер, как Эрик — меня. Что он сказал мне в камере? Что отец заточил его после того, как Дворкин объявил о способе, которым можно уничтожить Амбер. Если это не болтовня шизофреника, а отец, конечно,

проверил и такую возможность, тогда он оказался более великодушным, чем был бы, скажем, я. Дворкин был слишком опасен, чтобы оставлять его в живых. С другой стороны, я сохранил о нем воспоминания как о добром, мудром старичке, привязанном к отцу и любящем все наше семейство. Трудно пойти на убийство такого человека, если еще остается надежда. Его изолировали, и сделано это было с предельной тщательностью.

И все же в один прекрасный день, когда ему стало скучно, он взял и вышел оттуда. Ни одна живая душа не могла уйти в Отражения из Амбера. Значит, Дворкин совершил нечто новое, не укладывающееся в принцип карт. Прежде чем он вернулся в свою комнату, я уговорил его устроить такой же выход из моей камеры и сразу попал на маяк Кабры, а уже потом, окрепнув, ушел дальше и оказался в Лорайне. Этот переход был загадкой для меня, хотя я и совершил его. Что касается остальных, уверен, никто так и не понял, как я бежал.

Наша семья всегда имела особые способности, но именно Дворкин умел анализировать их и даже, как оказалось, придумывать новые комбинации. Он часто пытался объяснить нам, что к чему, но все его рассуждения казались такими абстрактными, утомительными и скучными, что их никто не слушал. Наша семья слишком уж прагматична, черт бы ее побрал! Бранд был единственным, кто хоть немного интересовался этими рассуждениями. И еще Фióна. Чуть было не забыл о ней, а она иногда слушала очень внимательно. И, конечно, отец. Он знал множество самых разнообразных вещей, но ни с кем не делился. Он, вероятно, был специалистом в той же области, что и Дворкин. Различие заключалось только в том, что Дворкин обращался с этими знаниями как художник, которым он в действительности и был. А каким в действительности был отец, я не представляю. Он не поощрял эсбособого сближения с ним, хотя его нельзя было назвать плохим отцом — он всегда делал нам прекрасные подарки. Но наше воспитание он вверял самым разным людям, иногда мало для этого подходящим.

И нельзя сказать, что нас было много, если учесть похотливость монарха, равно как каждый из нас не мог похвастаться многочисленным потомством. Нас было тринадцать, да еще двое братьев и сестра, о которых я знал только, что они погибли за полторы тысячи лет до нашего рождения. Как только мы научились ходить по Отражениям, отец стал подталкивать нас, чтобы мы выбрали место по вкусу. Так я оказался в Авалоне, которого больше нет.

Насколько мне известно, о своем происхождении знал один отец. Я не встречал никого, кто помнил бы времена, когда Оберона не было. Да, отец был скрытен и умен — качества, которыми все его дети обладали в той или иной степени. Я думаю, он хотел, чтобы мы жили в разных местах, были этим довольны и чтобы мы не представляли угрозы его правлению. В нем была какая-то нерешительность, настороженность, может быть, даже боязнь, что мы узнаем нечто, что уравняет нас с ним, и мы воспользуемся этим. Правда, я не верю, что он

представлял себе время, когда не будет сидеть на троне. Даже разговоры об отречении он заводил скорее для того, чтобы мы пришли к неприятной, но очевидной мысли — ни один из нас не годится для трона. Мне бы хотелось упрекнуть отца за подобные признаки несостоятельности, но я слишком много и подолгу разговаривал с Фрейдом, чтобы не ощущать и собственную вину за подобные мысли.

К тому же, если отречения не было и отец жив, самое большее на что мог рассчитывать каждый из нас — регентство. Я принимал это едва ли не с облегчением: я боялся отца. Лишь глупец не боится истинного могущества, не понимая ни причины, ни природы этой силы. Но каким бы ни был титул — король или регент, — мои притязания более обоснованы, чем притязания Эрика. Темное прошлое отца могло лишь послужить мне на пользу и укрепить мое положение. А Дворкин, как бы ни был он близок к семье, должен оставаться в своем заточении, пока мне не понадобятся его услуги.

"Особенно, если мои подозрения верны, — сказал я сам себе. — Кому еще можно доверить такое могущество?"

Да, мы — очень прагматичная семейка. Я допил вино, прочистил трубку, набил ее, прикурнул от лампы.

— Когда ко мне вернулось зрение, я бежал, некоторое время пробыл в Лорайне, где встретил Ганелона, и прибыл сюда.

— Почему именно сюда?

— Это место ближе всего к тому Авалону, который я знал.

Я не упомянул о своем давнем знакомстве с Ганелоном, надеясь, что Бенедикт не обратит внимания. И еще, это Отражение так близко к нашему Авалону, что законы здесь должны быть такими же. Он не обратил никакого внимания на умолчания, его интересовали вещи более важные.

— Как ты бежал?

— Мне, конечно, помогли выбраться из камеры, — признался я. — А дальше... Знаешь, есть несколько ходов, о которых Эрик не имеет ни малейшего представления.

— Понятно. — Он кивнул, ожидая, что я назову имена тех, кто мне помог, но я затаился трубкой и откинулся на спинку скамьи. — Хорошо иметь друзей.

— У каждого в Амбере найдется несколько настоящих друзей.

— Мне бы хотелось думать так. — После паузы он добавил: — В камере, где ты сидел, нашли изрезанную дверь, кроме того, ты нарисовал на стенах какие-то картинки и сжег постель. Верно?

— Знаешь, длительное заключение как-то влияет на психику. На мою повлияло. И не впервые я вел себя очень странно.

— Не завидую твоему опыту, брат. Какие у тебя планы?

— Я ничего еще не придумал. Скажи, как тут обстоят дела?

— Здесь команду я. — Это была констатация факта, а не вызов. — Думаю, мне удалось устранить единственную серьезную угрозу этому миру, и сейчас наступит спокойное время. Правда, цену при-

шлось заплатить высокую.— Он взглянул на культу и стал рассказывать то, что мы уже слышали от пойманного мальчика, только довел рассказ до того момента, как после убийства предводительницы амазонки обратились в бегство. Их преследовали до пещер и перебили почти всех. Выход из подземелий Бенедикт приказал завалить, чтобы оттуда снова не появилась какая-нибудь нечисть, а для наблюдения за окрестностями отрядил небольшой патруль, который должен уничтожать тех, кто выжил и спрятался после битвы. О своих переговорах с амазонками он умолчал.

— Кто убил предводительницу?

— Это сделал я.— Он дернул культур.— Хотя и колебался, прежде чем нанести последний удар. Этого не стоило делать.— Я отвел взгляд в сторону. Ганелон сделал то же.— Мы искали тебя, пока ты был на Земле, Корвин. Искал Бранд, ему помогал Жерар. Потом к ним присоединились Джулиан, Каин и Рэндом. В конце концов все посчитали, что искать нужно куда дальше этого мира. Много раз мы пытались использовать твою карту, но ответа не добились, наверное, из-за повреждения мозга. Это интересный факт, между прочим.

— Искали практически все?! Я поражен, у меня нет слов!

— Не всех заботило твое здоровье,— улыбнулся Бенедикт.— Кое-кто понимал, что, отыскав тебя, можно узнать нечто новое, чем можно угрожать Эрику. Лично я искал тебя в окрестностях Авалона, а потом это место пришлось мне по душе. В те дни государство было в ужасающем положении, я немало потрудился, прежде чем оно обрело былую славу. И я привык к тому, что люди любят меня и называют Протектором.

Я был одновременно тронут и встревожен его словами. Не пытался ли он мне внушить, что я настолько все испортил здесь, что ему много лет пришлось наводить порядок? Или он имел в виду, что полюбил это место и принялся тут хозяйничать, потому что я его любил и хотел этого?

— Приятно слышать. У тебя не будет возражений, если я погощу здесь?

— Ты хочешь просто погостить и все?

— Это все, чего я хочу.

— Только знай, воспоминания о твоём правлении не из приятных, детей тут пугают Корвином. И я не брат ему.

— Мое имя Кори. И мы старые друзья с тобой.

— Все будут только рады, если мои старые друзья просто погостят у меня.

Я кивнул и все-таки улыбнулся. Я чувствовал себя оскорбленным тем, что он упомянул о моем правлении в этом Отражении. Я — тот, кто пусть на секунду, но почувствовал холодный огонь короны на своем челе.

Интересно, как бы он отнесся к тому, что я виновен в рейдах амазонки. Тогда оказалось бы, что в потере руки есть и моя вина. Но ес-

ли оценивать события с самого начала, следовало признать ответственным Эрика — если бы не он, я бы никогда не наложил проклятие. Все равно я надеялся, что Бенедикт ничего не узнает.

Я несколько раз глубоко затянулся табачным дымом, допил вино, налил еще и снова затянулся. Я вслушивался в звуки, доносящиеся из лагера, в свист ветра. Бенедикт сделал глоток и спросил:

— Так каковы твои планы, чего ты хочешь добиться в итоге?

Я мог ответить, что никаких планов не успел составить, но он понял бы, что я лгу. Он слишком хорошо знал меня.

— Ты сам не догадываешься?

— Если собираешься просить помощи, то я откажу. Авалон в таком положении, что не может позволить себе еще одну междоусобную войну.

— Но Эрик — узурпатор.

— В сложившейся ситуации каждый, кто попытается захватить трон — узурпатор. К тому же на него можно смотреть как на регента, не более.

— Значит, ты веришь, что отец жив?

— Я знаю, что он жив и опечален. Он делал несколько попыток связаться со мной.

Мне удалось совладать со своим лицом. Оказывается, я не единственный. У меня возникло сильное желание рассказать о разговоре, который однажды произошел у меня с отцом. Тогда отец сам отдал трон мне, хотя, конечно, он говорил лишь о регентстве. К тому же я многого не понял. Но нет. Бенедикт воспримет это как фальшивку, как пустую ложь. Вместо этого я спросил:

— Ты не поддержал Эрика, когда он охотился за троном. Поддержишь ли ты его сейчас, если кто-то попытается скинуть его?

— Я все сказал об этом. Ты можешь гостить у меня, сколько тебе будет угодно, но я не позволю тебе использовать Авалон для подготовки к вторжению в Амбер.

— Ясно.

— Тогда, чтобы между нами не осталось никакой недоговоренности, ты все еще желаешь тут остаться?

— Не знаю. Скажи, твое желание избежать междоусобиц касается обеих сторон?

— Не совсем понимаю.

— Я хочу спросить, не вернешь ли ты меня в Амбер против моей воли?

Выражение его лица смягчилось, и он опустил глаза.

— Я не продам тебя. Ты считаешь, у меня совсем нет чувств, Корвин? Я не желаю видеть тебя в тюрьме ни в коем случае. Буду очень рад, если ты останешься у меня. Но свое тщеславие оставь на границе моих владений.

— Тогда я с удовольствием погощу. У меня нет армии, и я прибыл не для того, чтобы набирать ее.

— В таком случае я рад видеть тебя, Корвин.

— Спасибо, Бенедикт. Я не ожидал увидеть тебя здесь, но сейчас рад, что так вышло.

— Корвин, — он слегка покраснел, — я первый из семьи, кого ты встретил после побега?

— Да. И меня интересует, как дела у остальных?

— Новых смертей не было.

Мы оба усмехнулись. Я понял, что ничего из него не вытяну — он не любил ни сплетен, ни слухов и редко вдавался в любые подробности. Попытаться я все равно должен был, а не вышло, так и не надо.

— Знлешь, я намереваюсь патрулировать эти районы около недели, чтобы убедиться, что никого из завоевателей нет в живых.

— Разве ты не одержал полной победы?

— Думаю, одержал, но я никогда напрасно не рискую. Времени это займет немало, а уверенность укрепит.

— Осмотрительно, — согласился я.

— Так что, если у тебя нет желания жить походной жизнью, можешь отправляться в Авалон и делать все, что тебе заблагорассудится. У меня есть несколько деревенских резиденций. Один очень приятный домик поблизости от города подойдет тебе и решит все проблемы.

— Я с удовольствием осматриваю его.

— Утром я дам тебе карту местности и письмо к управляющему.

— Благодарю, Бенедикт.

— Я приеду, как только покончу с делами здесь. А тем временем буду каждый день присылать курьера с письмом. Можешь не отвечать, если не хочешь.

— Все это выглядит просто замечательно.

— Тогда подыщи в лагере место для ночлега. Думаю, завтрак ты не пропустишь — будет сигнал.

— Я не пропускаю завтраки. Ты не будешь возражать, если мы устроимся там же, где оставили свое снаряжение?

— О чем разговор! Выбирай любое место.

Мы допили вино одновременно.

Выходя из палатки, я приподнял полог, крепко сжал в кулаке ткань, разорвал ее и дернул вниз, оставляя висеть полоску шириной пальца в три. Бенедикт в этот момент обменивался пожеланиями доброй ночи с Ганелоном, а у меня случился приступ оглушительного кашля.

Постель я соорудил себе справа от того места, где находилась наша амуниция, лицом к палатке Бенедикта, и, роясь в вещах, незаметно перенес их намного ближе ко входу. Ганелон бросал на меня любопытные взгляды, но я лишь кивнул, указывая на палатку. Он подмигнул, смерил расстояние и принялся раскладывать постель еще дальше, чем моя.

— Ты не возражаешь, если мы поменяемся местами? — Я решил, что его выбор удачнее.

Костры угасали. Почти все солдаты улеглись спать. Часовые не заметили наших перемещений, а когда мы легли, вовсе перестали обращать на нас внимание.

Я очень устал, но вместо того чтобы закрыть глаза и погрузиться в сон, положил под голову жесткую седельную сумку, набил трубку и закурил. Мне дважды пришлось переменить положение, потому что Бенедикт ходил по палатке. Однажды он исчез из поля зрения и долгое время не показывался. Свет в палатке переместился, я понял, он что-то достает из сундучка. Потом он расчистил стол и сел на свое место. Мне опять пришлось подвинуться, чтобы не упустить из виду его руки. Он листал книгу или что-то в этом роде.

Может быть, карты? Ну, естественно... Много бы я дал, чтобы видеть, какую он выбрал из колоды и положил перед собой. А я положил рядом с собой Грейсвандир и не поручусь, что не припомнил, где находится остальное наше оружие. Оставалось совсем немного, чтобы начать действовать, например, чтобы он позвал кого-нибудь. Ждал я так долго, что ноги и руки стали зудеть в ожидании драки либо бегства, а скорее всего, того и другого.

Но он посидел над картой, поднялся, собрал колоду, запер ее в сундучок и погасил обе лампы.

Часовые неумоимо обходили лагерь, демонстрируя бодрость и бдительность. Ганелон, разлегшись под звездами, храпел, как кабан на кормежке. Я выколотил трубку, повернулся на бок и попытался расслабиться. В палатке Бенедикта погас свет.

— Завтра,— сказал я себе,— если проснусь на этом самом месте, все будет отлично.

И я задремал вполуха.

Глава 5

Я лежал на животе на берегу ручья, подперев подбородок руками, грыз стебелек травинки и смотрел, как вращается мельничное колесо. Над запрудой стояло облако водяной пыли, в котором сверкала маленькая радуга, и иногда до меня долетали капельки воды. Плеск воды и поскрипывание колеса заглушали все звуки в лесу. Я любовался мельницей — ничего подобного не видел больше трехсот лет. Это был наш третий день в домике Бенедикта. Ганелон умотал в город на поиски развлечений. Вчера я составил ему компанию и по дороге от одного кабака в другой узнал то, что мне было нужно. Оставалось только надеяться, что я действовал достаточно осторожно.

Когда мы уезжали из лагеря, нас хорошенько накормили, и Бенедикт, как обещал, дал нам карту и письмо. Мы уехали с восходом солнца, а к полудню прибыли к домику, о котором он говорил. При-

няли нас любезно и гостеприимно.

Как ни приятно было очутиться в месте, похожем на мой Авалон, безделье действовало на нервы, и я начинал строить планы с упорством, которое не всегда мог контролировать. Даже красота природы привлекла мое внимание не надолго, и с навязчивым постоянством всплывала мысль о путешествии, которое сразу разрешило бы многие мои проблемы. Мне предстояло исчезнуть на целую ночь, и я уже отрепетировал с Ганелоном прикрытие моей отлучки.

Голова тяжелела с каждым поворотом мельничного колеса, но я пытался выкинуть из головы все мысли и сосредоточиться на воспоминаниях цвета, температуры, ветра, чуть заметного запаха соли в воздухе, формы облаков, ощущения песка...

Я уснул, и снилось мне не то место, которое я старался вспомнить, а большое колесо, похожее на вертикально поставленную рулетку. В нем были все мои братья, сестры и другие люди. Каждый из нас поднимался и падал в отведенную для него секцию. Все требовали, чтобы колесо немедленно остановили, когда взлетали вверх, и кричали, когда слетали вниз. Колесо замедлило ход, а я все еще поднимался. Передо мной находился белобрысый паренек, висевший вниз головой, который о чем-то молил, но слова терялись в какофонии звуков. Лицо его, налившееся кровью, исказилось до того, что стало страшным, и я рубанул по веревке шпагой. Он упал и исчез из виду. Колесо все замедляло ход, и я увидел Лорайну. Она отчаянно протягивала руки и звала меня по имени. Я наклонился к ней и увидел ясно-ясно, но она опускалась, и я потерял ее, хотя слышал голос.

"Корвин!" Я напрягся, как перед прыжком, стараясь не отвлекаться. Если колесо не остановится, когда я буду на самом верху, постараюсь заклинить эту штуку чем-нибудь, даже если падение будет гибельным. Еще немного..."Корвин!" Колесо заколебалось, почему-то пошло назад и пропало. Я смотрел на мельницу и слышал эхо своего имени, исчезающее, растворяющееся в шуме воды.

Я запустил руку в волосы, несколько одуванчиков упали на мои плечи. Сзади кто-то захихикал. Я быстро обернулся.

Она стояла всего в дюжине шагов от меня. Высокая, стройная девушка с черными глазами и коротко стриженными волосами. На ней был фехтовальный жилет, в правой руке она держала шпагу, вернее, эспадрон, а в левой — защитную маску. Она смотрела на меня и смеялась, вздернув подбородок, напрягая мускулы шейки под нежной кожей. У нее были ровные, белые, крупные зубы. Редкие веснушки украшали ее маленький нос, великолепно загорелые щеки и ровный лоб. В ней чувствовалась та жизненная сила, которая привлекательна совсем не так, как просто женственность, особенно с высоты моих лет. Она отсалютовала эспадроном.

— Защищайся, Корвин.

— Какого черта? Кто ты такая?

— Не будет ни вопросов, ни ответов, пока мы не скрестим клинки.

Только тут я разглядел на траве рядом с собой жилет, маску и та-кой же эскадрон. Она надела маску и встала в позицию, заставляя принять ее игру. Я встал на ноги и поднял жилет. То, что она знала мое имя, расстроило меня больше, чем я хотел признать. Чем дольше я к ней приглядывался, тем более знакомой она мне казалась. Я решил, что для решения этой задачки стоило пойти ей навстречу. Застегнув жилет, который оказался почти впору, я поднял эскадрон и произнес:

— Начали.

Опустив маску, я коротко отсалютовал, и она двинулась мне навстречу. Я позволил ей начать атаку. Скорость у нее была превосходной, и первый удар она нанесла, сделав двойной финт, правда, мой ответ был раза в два быстрее. Но она успела парировать. Я начал медленно отступать, заманивая ее. Она засмеялась и ринулась вперед, тесня меня изо всех сил. Она замечательно фехтовала, знала это и хотела показать себя.

Она чуть было не пробила мою защиту одним и тем же приемом — ударом снизу, что мне совсем не понравилось. Я перехватил ее шпагу встречным ударом, как только мне представилась возможность. Она не по-женски, но мягко выругалась, признавая блок удачным, и тут же сделала новый выпад. Я не люблю фехтовать с женщинами, хорошо они фехтуют или нет, но тут я сообразил, что получаю огромное удовольствие. Ее азартность давала мне возможность отвечать в полную силу. Стиль ее боя раскрывал мне, какова она есть. Сначала я хотел вымотать ее, завершить все одним ударом и расспросить. Потом я понял, что так не получится — она совершенно не уставала, над этим стоило задуматься. Я потерял счет времени, прежде чем она отступила, сомкнула каблучки и твердой рукой отсалютовала мне.

— Спасибо.— Дышала она все-таки тяжело.

Я снял маску, принялся расстегивать кнопки, и, прежде чем успел сообразить, что происходит, она подошла и поцеловала меня в щеку. Для этого ей даже не пришлось встать на носки. Я смутился, но сумел улыбнуться. Она схватила меня за руку и повела к тому месту, откуда появилась.

— Я принесла корзинку для пикника.

— Прекрасно, если не пустую,— я голоден. Но и любопытен.

— Я расскажу все, что ты захочешь.

— Может быть, начнем с того, что ты назовешь свое имя?

— Дара,— прозвучало в ответ.— Меня называли так в честь бабушки.— Она посмотрела на меня искоса, надеясь, что яотреагирую подобающим образом.

Я не хотел ее разочаровывать, поэтому кивнул и повторил ее имя, потом спросил:

— Почему ты назвала меня Корвином?

— Потому что так тебя зовут. Я тебя сразу узнала.

— Откуда?

Она выпустила мою руку и подняла, как флаг, корзинку.

— Вот она. Надеюсь, муравьи туда не забрались.

Мы перешли в тень, и она расстелила полотенце. Я повесил фехтовальные атрибуты на куст.

— Чего ты только не захватила!— удивился я.— Нелегко было все это тащить в такую даль.

— Моя лошадь стоит вон там.— Она мотнула головой в сторону ручья, не переставая разбирать корзинку.

— Отсюда не видно. Почему так далеко?

— Чтобы подкрасться к тебе незаметно. Если бы ты услышал топот копыт...— Она задумалась на мгновение, потом хихикнула.— Но в первый раз ты не заметил меня.

— В первый раз?

— Я почти наехала на тебя. Ты спал, как убитый. Когда я узнала тебя, я вернулась за фехтовальным снаряжением и корзинкой.

— Теперь понятно.

— Садись. И открой бутылку.— Дара поставила бутылку рядом с отведенным мне местом и аккуратно развернула два хрустальных бокала, поставив их в центре.

— Это лучший хрусталь Бенедикта.— Я сел и откупорил вино.

— Разливай осторожно, не разбей бокалы. Я думаю, нам лучше не чокаться.

— Я тоже так думаю,— серьезно согласился я.

— За союз.— Она подняла свой бокал.

— За какой союз?

— Наш. И за встречу!

— Никогда не встречал тебя раньше. Следовательно, полагается пить за знакомство.

— Не вредничай.— Она отпила глоток вина.

Мы принялись за еду. Она так наслаждалась атмосферой таинственности, которую создала, что хотелось ей подыграть.

— Так где я мог тебя видеть?— рискнул я задать вопрос.— При дворе великого короля? Или в султанском гареме?

— Или в Амбере. Там ты был...

— В Амбере?— Я вовремя вспомнил, что у меня в руке лучший хрусталь Бенедикта.— Кто ты?

— Там ты был такой красивый, уверенный в себе,— продолжала она.— И была я, маленькая серая мышка, восхищавшаяся тобой издали... Серая, поспешу добавить, не по уму. Маленькая Дара, влюбленная по уши, сердце которой обливалось кровью при взгляде на такого кавалера.

Я довольно неприлично выругался, не зная, что и думать. Она рассмеялась.

— Разве так не было?

— Нет,— я откусил большой кусок хлеба с говядиной.— Скорее

всего, мы виделись в каком-нибудь увеселительном заведении, где я был в стельку пьян.

— Но я работаю там временно!— вскричала она.— Днем я усмиряю диких коней и быков.

— Сдаюсь,— буркнул я, потому что придумывать продолжение не хотелось. И все-таки было в ней что-то знакомое. Хотя... По виду ей лет семнадцать, следовательно, этого быть не могло.— Фехтовать тебя научил Бенедикт?

— Да.

— Кто он тебе?

— Он дарит мне меха и драгоценности. И мы фехтуем по ночам.

Я изучал ее лицо. Да, это возможно.

— Ты смахиваешь скорее на его дочь.

Она покраснела и отрицательно покачала головой.

— На внучку?

— Э-э-э... В некотором смысле.

— Не понимаю...

— Я называю его дедушкой. Но он— отец моей прабабки.

— У тебя много братьев и сестер?

— Я одна.

— А твои мама, бабушка?

— Они умерли.

— Как это? Ты достаточно молода...

— Насильственной смертью. Оба раза это случалось, когда он уходил в Амбер. Думаю, поэтому он и уходит так редко — не хочет оставлять меня без защиты, хотя знает, что я сама могу о себе позаботиться. По крайней мере, в обиду себя не дам, ты теперь это знаешь, верно?

Я кивнул. Ее ответ объяснял сразу несколько вещей, и одной из них было — почему он стал тут Протектором. И почему он не хотел, чтобы семья знала о ее существовании. Зная о ней, очень легко диктовать Бенедикту условия.

— Я думаю, тебе здесь не место. Бенедикт очень расстроится, когда узнает...

— И ты такой же! Я уже не дитя!

— Но ведь он наверняка думает, что ты в другом месте.

Дара набила рот едой. Не дождавись ответа, я сделал то же. Через несколько минут я решил переменить тему.

— Как ты меня узнала?

— По картинке, как же еще.

— Какой картинке?

— На карте. Я играла колодой, когда была маленькой. Так я узнала всех родственников. Тебя, Эрика, других мужчин со шпагами и дам...

— Крошка, у тебя есть колода?

— Нет,— она тяжело вздохнула.— Дед не дал, хотя я знаю, что у

него их несколько.

— А где он их хранит?

Она сузила глаза. Черт! Неужели она видит меня насквозь?

— Одну колоду он держит при себе, а где остальные — понятия не имею. Разве он не даст, если ты попросишь?

— Вот уж не знаю. А ты понимаешь их значение?

— Некоторые вопросы мне запрещено задавать. А сам он не говорит о многом. Они действительно важны?

— Да.

— Еще бы, он так бережно с ними обращается. А у тебя есть своя колода?

— Есть. Но я отдал ее на время.

— Ты, конечно, хочешь использовать их для чего-то ужасного?

— Хочу использовать с целью обыденной и скучной.

— Какой?

— Если Бенедикт не хочет, чтобы ты знала назначение карт, то я не собираюсь открывать тебе никаких секретов.

— Ты его боишься, — хмыкнула она.

— Помимо того, что я его уважаю, я его очень люблю.

— Ты боишься, потому что он лучше фехтует.

Вероятно, она не знала последних событий. Все горожане, которых я встречал, уже знали, что Бенедикт лишился руки — эта новость не из тех, что распространяются медленно. Но не я буду человеком, который ей об этом сообщит.

— Где ты была до сих пор?

— В горах, в деревне. Дед отвел меня туда к своим друзьям по фамилии Текис. Ты знаешь этих Текис?

— Первый раз слышу.

— Он отводит меня к ним, когда здесь что-нибудь происходит. Люди они очень скромные. А у деревни нет названия, ее так и зовут — деревня. Они обращаются со мной, как со святой, но ничего не объясняют. Идти туда недалеко, но горы какие-то чужие и небо чужое. Все чужое. Если ты там оказался, обратно попасть невозможно. Сколько раз я пыталась, но всегда сбивалась с пути. А дед придет за мной, и сразу становится легко. Текис его слушают как бога.

— Для них он — бог.

— Ты же сказал, что не знаешь их.

— Мне не нужно знать их. Я знаю Бенедикта.

— Скажи мне, как он это делает?

— А как тебе удалось выйти на этот раз?

Дара допила вино и протянула мне пустой бокал. Наполнив его, я посмотрел на нее. Ее голова была склонена к правому плечу, брови нахмурены, глаза с отсутствующим выражением блуждали где-то вдаль.

— Сама не знаю, — прошептала она. — Не понимаю, как это получилось. — Она начала рассеянно играть ножом. — Я была зла, как

черт, из-за того, что меня отослали в деревню. Я сказала деду, что желаю драться, но мы поехали кататься, а спустя некоторое время оказались у Текис. Я не знаю, что он сделал. Мы ехали совсем недолго и вдруг оказались там. Тут я родилась, изъездила верхом сотни лиг, знаю каждый куст, но как это получается...— Она стала скрести ножом землю и выкапывать ямки, не замечая, что делает.— На этот раз я твердо решила вернуться. Дождалась полуночи, стала смотреть на звезды, чтобы определить направление. У меня было какое-то необычное чувство, и звезды были совсем другими. Я вернулась в дом и весь следующий день пыталась узнать у Текис все, что возможно. Когда они перестали отвечать, я стала разговаривать с другими людьми. Но они либо бесподобно глупы, либо им приказали молчать. Они не понимали, что такое "сюда", и причем тут "оттуда", о которых я говорила. Ночью я снова смотрела на звезды.

Теперь она закапывала ножом ямки, машинально разравнивая землю. Затем начала что-то чертить.

— Пять дней я пыталась найти дорогу домой, надеялась найти следы наших лошадей, но они исчезли. Я ездила в разных направлениях, но не увидела ни одного знакомого места. Я просто сходила с ума. Каждую ночь я засыпала все более сердитая и с еще большей решимостью найти дорогу в Авалон. Через неделю я стала видеть во сне кошмары, только страх они не вызывали. Мне снилась горящая паутина, но это была не паутина, там не было паука, и она на самом деле не горела. А я все ходила вокруг нее и внутри. Понимаю, звучит глупо, но иначе передать свои ощущения не могу. С каждым разом сон становился все реальней и реальней. По утрам я чувствовала себя совершенно разбитой, как после очень тяжелой работы. А сегодня встала, и сон был настолько свеж в памяти, что я поняла, как попасть домой. Я оседлала коня и поехала в какой-то полудреме. Я ни разу не остановилась, ни на что не обращала внимание, все время думала об Авалоне, и местность становилась все более знакомой. А когда окончательно проснулась, оказалась здесь. Теперь уже деревня и Текис, чужие звезды, горы и леса кажутся сном. Я не уверена, что смогла бы повторить поездку. Разве не странно? Ты можешь это объяснить?

Я поднялся, обошел остатки завтрака и сел рядом с ней.

— Помнишь, как выглядела горящая паутина, которая не была паутиной и не горела?

— Да, приблизительно.

Я взял у нее нож и стал добавлять линии к тем, которые она провела на земле. Она не отрывала взгляд от моей руки, не упуская ни одного движения. Закончив, я отложил нож и стал ждать. После продолжительной паузы она мягко промолвила:

— Да, это она.— Передернув плечами, как от озноба, она вопросительно посмотрела мне в глаза.— Как ты узнал мой сон?

— Это заключено в твоих генах. Как? Не знаю. Но все это доказывает, что ты законная дочь Амбера. То, что ты сделала сегодня ут-

ром, называется "идти по Отражениям". То, что тебе приснилось — Великий Лабиринт Амбера. Его силой мы, в чьих жилах течет королевская кровь, повелеваем Отражениями. Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Не уверена. Я слышала, как дед проклинал Отражения, но я не понимала, что он хотел этим сказать.

— Что ты вообще знаешь об Амбере?

— Дед рассказывал о семье, но... Я даже не знаю, в каком направлении лежит Амбер. Кажется, это очень далеко.

— Амбер находится в любом направлении, какое не изберешь.

— Я думала, надо мной смеются, но Бранд говорил то же самое. И что это значит?

— Когда здесь был Бранд?

— Очень давно. Я была еще совсем маленькая. Он часто навещал нас. Я была в него влюблена и надоедала самым бессовестным образом. Он рассказывал забавные истории и учил разным играм.

— Когда ты видела его последний раз?

— О, лет восемь-девять назад, не меньше.

— Кого еще ты встречала?

— Несколько месяцев назад здесь побывали Джулиан и Жерар.

Я почувствовал себя очень неудобно; слишком уж о многом не сказал Бенедикт. Лучше бы он соврал, тогда было бы на что злиться. Но Бенедикт слишком честен, он предпочел ничего не говорить. Я начал думать, что мне уготовано что-то неприятное, в любом случае — нечто неприемлемое, а значит, следует действовать еще быстрее. Время, черт подери!

— Ты видела их впервые?

— Да. И была оскорблена в лучших чувствах — дед не разрешил говорить, что мы родственники. Он представил меня наложницей и отказался объяснить, почему так поступил.

— У него были веские причины.

— О, я знаю, но от этого не легче. Особенно, если всю жизнь мечтаешь познакомиться с близкими по крови людьми. А ты знаешь, почему он так поступил?

— Для Амбера настали тяжелые времена, и будет еще хуже, прежде чем все повернется к лучшему. Чем меньше людей знают о твоём существовании, тем больше шансов, что тебя не вовлекут против твоей воли в какую-нибудь интригу. Он защищает тебя.

— Я сама могу о себе позаботиться, — фыркнула она.

— Ты всего лишь отлично фехтуешь. Но жизнь сложнее, чем честная дуэль.

— Я не маленькая! И...

— Никаких "и". Я сделал бы то же, если бы ты была моим ребенком. Он защищает не только тебя, но и себя. Я удивлен, что он позволил узнать о твоём существовании Бранду. Подожди, ты еще увидишь его в бешенстве, когда он узнает о нашем знакомстве.

— Но ты не причинишь нам вреда? Ведь мы родственники.

— Откуда ты можешь знать, что я на самом деле думаю. Может быть, именно сейчас я планирую воспользоваться тем, что вы оба в моей власти.

— Ты шутишь?— Она подняла левую руку, как бы защищаясь.

— Я не стал бы так говорить, если бы что-то замыслил. Но Бенедикту в первую очередь следовало внушить тебе — никогда не доверяй родственникам. Если нет выхода, доверься незнакомцу, тогда хотя бы есть шанс остаться в живых.

— Ты так думаешь и о себе?

— Конечно, нет!— вскричал я, стараясь довести до нее весь отпущенный мне сарказм.— Я образец честности, доброты и всепрощения.

— Хорошо,— ответила она очень серьезно.

Я почувствовал себя не в своей тарелке, как всегда, когда возникала опасность, что мне доверяют целиком и полностью.

— Расскажи о Джулиане и Жераре. Что они тут делали?

Некоторое время она пристально рассматривала меня.

— Я действительно заболталась. Ты прав, осторожность не помешает. Кажется, теперь твоя очередь говорить.

— Молодец. Скоро ты научишься общаться с нами. Что ты хотела бы знать?

— Где находится эта деревня? Где Амбер? Ведь они в чем-то похожи, верно? Что такое Отражения?

Я поднялся и протянул ей руку. В этот момент она выглядела совсем испуганной девчушкой, но руку приняла.

— Куда?— спросила она.

— Сначала сюда.— Я подвел ее к тому месту, на котором спал, а до этого смотрел на мельничное колесо и на падающую воду. Она хотела что-то сказать, но я не дал:— Просто смотри.

Мы стояли и смотрели. Затем я сказал:

— Пойдем.

Я взял ее под локоть и повел к лесу. Когда мы вошли в него, тени начали удлиняться, потом облака скрыли солнце. Птичьи голоса зазвучали звонче, земля парила. Листья деревьев становились шире и длиннее. Вновь появилось солнце, свет от него был желтым. За поворотом дороги показались виноградные лозы. Сама дорога пошла вверх, и земля делалась суше. За нашими спинами раздавался отдаленный шум. Небо заголубело, когда мы вышли на открытое место. Наше появление спугнуло большую коричневую ящерицу, загоровшую на камне. Дара сказала:

— Я никогда не ходила этой дорогой и не знала, что здесь есть такие места.

Я не ответил, меняя Отражения. Мы опять шли лесом. Дорога вела к вершине холма. Деревья стали тропическими гигантами, растущими попеременно с папоротниками. Послышались новые звуки — жужжание, шипение, тьяканье. И еще какой-то звук пробивал-

ся сквозь толщу воздуха, казалось, от него дрожит земля. Дара изо всех сил сжимала мою руку и во все глаза смотрела на большие, плоские, бледно-желтые цветы вокруг. С их лепестков на нас капала вода. Жара была такая, что одежда промокла от пота.

Шум перешел в рев, когда мы наконец выбрались из леса. Он обволакивал нас со всех сторон. Я подвел ее к краю пропасти и указал вперед.

Мощный водопад падал на тысячу футов вниз, отковыывая серую с белым ленту реки, как молот наковальню. Течение было сильным и быстрым, а брызги пролетали в воздухе огромное расстояние, прежде чем падали. В полумиле напротив нас, на треть закрытое радугой и туманом, как остров, населенный титанами, медленно, сверкая и переливаясь влажным блеском, вращалось гигантское колесо. Высоко над головами летали огромные, странные птицы.

Мы стояли очень долго, пока Дара не оторвала взгляд от колеса и вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул в сторону леса. Возвращались мы той же дорогой, это было куда легче. Она заговорила только на старом месте у ручья, глядя на маленькое мельничное колесо.

— Это было такое же место, как деревня?

— Это было Отражение.

— Как Амбер?

— Нет. Амбер сам отбрасывает Отражения, которым можно придавать любую форму, если уметь это делать. То место, где мы были,— Отражение, деревня— Отражение, место, где мы находимся,— тоже Отражение.

— Ты, дедушка и все остальные могут ходить по Отражениям?

— Верно.

— Когда я возвращалась из деревни, у меня тоже так вышло?

— Да.

По ее лицу можно было увидеть, как приходит к человеку понимание.

— Значит, я тоже так могу?

— В тебе заложена такая способность.

Она внезапно кинулась мне на шею и порывисто поцеловала. Потом отбежала в сторону, пытаясь осмотреть все сразу, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону.

— Значит, я могу все?!

— Ну, какой-то предел все-таки есть.

— Вот это жизнь! Как научиться контролировать Отражения?

— Чтобы получить возможность ходить по Отражениям, ты должна пройти Великий Лабиринт. Он начертан на полу комнаты под дворцом Амбера. Лабиринт довольно большой. В него нужно зайти и дойти до центра, не останавливаясь. Если остановишься или попытаешься покинуть Лабиринт до того, как пройдешь весь, он уничтожит тебя.

Дара отбежала и склонилась над тем, что было начертано на земле. Я тоже подошел.

— Я должна попасть в Амбер и пройти его!
— Со временем Бенедикт возьмет тебя туда.
— Со временем? Сейчас! Я должна пройти его немедленно.
— Сейчас это невозможно. Вы окажетесь в большой опасности, если станет известно о твоём существовании.

— Это нечестно! — Она повернулась и заглянула в мои глаза.

— Конечно. Тем не менее в данный момент Амбер закрыт для тебя. Меня можешь не упрекать, — я произнес это уже не с чистой совестью, что ни говори, а виноват был именно я.

— Лучше бы ты мне вообще ничего не говорил. Лучше оставаться в неведении, чем знать, но не иметь.

— Ситуация в Амбере стабилизируется, причем довольно скоро. Все не так мрачно, как ты себе представляешь.

— Как я узнаю об этом?

— Об этом узнает Бенедикт. Он тебе скажет.

— Но пока он мне вообще ни о чем не говорит.

— А зачем? Сама говорила, лучше не знать, чем знать и не иметь. Бенедикт тебя любит. Придет время, и он обязательно сделает так, чтобы тебе было как можно лучше.

— А если нет, тогда ты мне поможешь?

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Как я найду тебя?

Я рассмеялся. Вот уже до чего дошло, а я и не пытался искать себе выгоду. Хотя... Немедленная польза — не главное, а вот позже она может мне очень пригодиться.

— Карты, — сказал я, — их сделали не из сентиментальных побуждений. Возьми мою, сконцентрируйся, представь, что это я, начни разговаривать и поймешь, что действительно говоришь со мной, а я отвечаю тебе.

— Как раз это запрещал мне делать дед, когда я маленькой играла с ними.

— Естественно. Но услуга за услугу. Расскажи о визите Джулиана и Жерара.

— Нечего рассказывать. Однажды утром, пять или шесть месяцев назад, дедушка обрезал деревья в саду. И вдруг как стоял, так и застыл на лестнице, опустив секатор. Я подумала, он обращается ко мне, и окликнула его, но он не отозвался. Теперь, когда я знаю о картах, я понимаю, что он говорил по одной из них, наверное, с Джулианом. Он спустился с лестницы и пошел к дому, но на полпути остановился и сказал, что появятся Джулиан с Жераром, и я должна представиться как его воспитанница, дочь слуги. Потом он уехал, ведя в поводу еще двух наших коней, и вернулся к середине ночи с обоими. Жерар был практически без сознания, со сломанной левой ногой и руками на левом боку. Джулиан был весь в синяках, но без переломов. Они прожили у нас месяц и выздоровели удивительно быстро. А однажды они взяли наших коней и уехали совсем.

— Что они говорили о ранениях?
 — Сказали, что попали в какую-то аварию.
 — Где это случилось?
 — На черной дороге. Они повторяли эти слова много раз.
 — Что за черная дорога?
 — Не знаю.
 — Как они описывали ее?
 — Они проклинали ее на все лады, вот и все.
 — За нашу встречу и союз.— Я поднял бокал и допил вино.
 — А сколько мне ждать, прежде чем связаться с тобой?— Она принялась собирать все в корзину.
 — Дай мне три месяца.
 — Где ты тогда будешь?
 — Надеюсь, в Амбере.
 — А надолго ты останешься у нас?
 — Не очень. Мне нужно совершить небольшое путешествие прямо сейчас. Завтра я вернусь и погощу еще несколько дней.
 — Мне хочется, чтобы ты остался подольше.
 — После нашего знакомства мне тоже этого захотелось.
 Она покраснела и сделала вид, что поглощена упаковкой корзинок. Я снял с кустов фехтовальные принадлежности.
 — Ты сейчас вернешься домой?
 — Нет, я сразу на конюшню.
 — Тогда пойдем, моя лошадка стоит в той стороне.
 Я пошел за ней по тропинке.
 — Я думаю, лучше никому не рассказывать, что сегодня произошло. Особенно деду. Верно?
 — Ты умная девушка.
 Журчание ручейка стихло очень быстро, лишь поскрипывание колес доносилось еще некоторое время.

Глава 6

Я решил ехать медленно, но верно. Не было смысла утомлять коня без особой причины. Быстрые перемены тяжело даются даже людям, а животные, которые не умеют обманывать себя, переносят их еще тяжелее. Иногда они впадают в бешенство, и с ними ничего нельзя поделать.

Я пересек небольшой деревянный мост через речушку и двинулся вдоль берега. На поясе у меня висел Грейсвандир, ехать в тени было приятно. Я воздержался от перемен, пока не оказался в таком месте, откуда город, в котором проживало большинство людей этого мира, не оказался виден как на ладони. Город очень походил на мой Авалон,

только не хватало нескольких серебряных башен, и река пересекала его иначе. Из труб домов шел дым, ветер сносил его к северу. Люди верхом, пешком или в экипажах передвигались по улицам. Стаи птиц виднелись вокруг коновязей. Несколько ярких знамен полоскалось по ветру, блестела вода. Я был слишком далеко, чтобы различать шумы города, они сливались в общий неясный гул, и этого мне было вполне достаточно. Я также не улавливал отдельных запахов, но будь я даже слепым и глухим, то по общему фону смог бы определить, что город неподалеку.

Грусть охватила меня, когда я вспомнил о том Отражении, где жизнь была так же проста и где я был спокойнее и счастливее, чем сейчас. Но нельзя прожить такую долгую жизнь, какую прожил я, и не достигнуть такого состояния, когда исключены любые наивные чувства и сантименты. Те дни прошли, и впереди меня ждала битва за Амбер. Я повернул коня и направился на юг.

Уверенное продвижение вперед важнее скорости. Пока движением можно управлять, все в порядке. Но если прогресс достигается скачками, нужно быть бдительным.

Небо становилось все более желтым и сияющим, казалось, над головой простирается пустыня. Холмы стали каменистыми, а валуны были самых причудливых форм и расцветок. Налетела небольшая буря, конь заржал и долго чихал, прочищая ноздри от песка.

День зашатался под ударами грома. Далекие предметы стали казаться неестественно близкими. Опять гром, и вдруг — стена дождя, приближающаяся справа. Стало не так жарко. Стекланный занавес, несущийся на меня, прорезала белая молния. Двести ярдов, сто пятьдесят... Достаточно!

Лужи еще впитываются в землю, но грязь пускает пузыри и появляются ручьи. Мышцы коня напрягаются и опадают, когда он перепрыгивает покрытые водой участки, копыта выбивают искры из камней, и он вырывается на склон холма. Мы взбираемся наверх, а клекот водяного потока позади нас превращается в рев. Внизу уже настоящее море бьет волнами в наш холм.

Теперь вглубь страны, в тишину и неизбежную ночь с падающими звездами на темнеющем востоке. Остается только расчистить небо, оставив легкую дымку облаков. Доносится вой звериной стаи, идущей по нашему следу. Она догоняет, сверкая множеством красных глаз... Другое Отражение — зеленых глаз... Другое — желтых... Все, больше нет.

Появляются черные пики в кружевах снега. Они вырастают со всех сторон, и снег, сухой, как пыль, смерчем взвивается при порывах ветра. Снег становится мягче, как мука, как пудра... Белый огонь в ночном воздухе, напоминающий о швейцарских Альпах. Мои ноги кочeneют в промокших сапогах.

Через час все сменяет равнина, поросшая кустарником. Далеко-далеко птицы наполняют воздух голосами. Теперь еще медленнее — в

мир, где по траве волнами прокатывается ветер. Тенью мелькает животное, похожее на оленя. Слышен кашель вышедшей на охоту большой кошки. Звезды встают на свои места, а я начинаю вновь чувствовать ноги. Конь вдруг поднимается на дыбы и несется во весь опор от неведомой опасности, и мне требуется немалое время, чтобы успокоить его.

Отражение за Отражением. Мы соединены, как кентавр — мой конь и я — под одной потной кожей. Мы вдыхаем воздух, и нам тяжело... Небо, выгибающее свое брюхо, чистый прохладный звон. Слева, совсем рядом. Пить, плескаться на отмели, нырять с головой...

Вода затекла в сапоги, струится с волос. Голова коня поворачивается на мой смех. И опять вниз, по медленно извивающейся реке, затем прямой, замедляющийся бег. Камень, и полное отсутствие деревьев. Жесткий, холодный, крутой спуск. Все быстрее... Все глубже, шире, вниз, еще дальше... Теперь расцветить восток зарей, сделать склон не таким крутым, прибавить запахи соли и воды... Теперь сюда, где еще ярче. Мягче, спокойнее, чтобы не сорваться. Легкий бриз и свет... Натянуть поводья.

Передо мной лежит морской берег, по дюнам перекатывается песок. Отшлифованные водой скалы поднимаются из прибой. Между мной и этим зловещим берегом расстилается каменная равнина. Я спешил и стал смотреть, как наступает день. Мне нужен прямой белый свет.

Это место я видел много раньше в Отражении Земля, где был в ссылке. Только здесь нет ни бульдозеров, ни ям, ни чернорабочих, ни тайной полиции Оранжевого города. Нет рентгеновских установок, колючей проволоки и охранников. Это Отражение никогда не знало Эрнста Оппенгеймера, Корпорации Бриллиантовых Копей Юго-Западной Африки и правительства, выдающего концессии.

Это была пустыня Намиб, полоса дюн и скал шириной от двух до двенадцати миль, тянущаяся на триста миль по этой, Богом забытой морской стороне Ричтерсвельдовских гор. Алмазы тут валялись под ногами, как птичий помет. Но я захватил, конечно, лопату, лоток и решето.

Работая, я думал о Дойле из Авалона, лысоватом ювелире с бакенбардами. Зачем мне ювелирный порошок в количестве, которого хватило бы не на одно поколение целой армии ювелиров? Я пожал плечами. Какое ему дело, ведь я плачу, и этого вполне достаточно. Но если открывается новая возможность использовать порошок и хорошо зарабатывать, то нужно быть дураком, чтобы... Иными словами, он не может обеспечить заказанное количество за несколько дней? Маленькие глазки жмурятся от сладкой улыбки. Дней? О, нет.

Конечно, нет, просто смешно, об этом не может быть и речи. Спасьбо за консультацию, быть может, его конкурент напротив в силах помочь, а также заинтересуется неотшлифованными алмазами, которые я должен вот-вот получить. Я сказал — алмазы?

Подождите! Он всегда интересовался именно алмазами. Он немного поспешил, когда так категорично отказал, его просто удивило количество, но составные части имеются в изобилии, а формула очень проста... Нет никаких причин, по которым нельзя произвести порошок в требуемом количестве. Значит, в течение трех-четырех дней? Договорились. А теперь об алмазах...

Многие убеждены, что порох взрывается, но это не так. Он быстро сгорает, давление газа разгоняет пулю по стволу, воспламеняясь после того, как боек ударяет по капсюлю. Так вот, с присущей нашей семье способностью предвидеть, я много лет экспериментировал со всевозможными взрывчатыми веществами и пришел к убеждению, что никакие порох и капсюли в Амбере не взрываются. И уже значительно позже случилось так, что я подарил браслет, купленный в подарок Дейдре. Наведя блеск, я бросил тряпку, на которой остался этот порошок, в горящий камин и получил отменный фейерверк. К счастью, порошка на тряпке было совсем немного, и я был один в комнате. Вернувшись к подобным экспериментам, я нашел, что если исходный порошок смешать с каким-нибудь инертным веществом, то смесь будет гореть именно так, как нужно.

Этой информацией я ни с кем не делился, но и воспользоваться не успел, потому что очутился в таком месте, где не помнил даже своего имени.

Когда же я вновь вошел в форму, Блейз взял меня с собой не потому, что я был нужен, а чтобы не упускать из виду. Рассекретить такое оружие значило сделать Блейза совершенно неуязвимым, так как большинство офицеров в войске были преданы ему, а не мне. А после захвата Амбера отношения между нами сделались бы более чем напряженными.

Приди я в себя на месяц раньше, сидел бы сейчас на троне, и передо мной не стояло бы никаких трудностей, кроме тех, что стоят перед правителями. А так...

Я помню тот день, Эрик. Я был скован и меня заставили опуститься на колени перед троном. Я уже короновал себя, издеваясь над тобой, и меня избили за это. Во второй раз, когда корона оказалась в моих руках, я швырнул ее в тебя. Ты поймал ее и усмехнулся. А я был доволен тем, что она не помята и не сломана — такая красивая вещь, из серебра, с высокими зубцами и усыпанная изумрудами, перед которыми меркли бриллианты и не терялись только два огромных рубина.

Ты, уверенный, сытый, короновал себя сам. И первые слова, которые ты прошептал мне на ухо раньше даже, чем замерло эхо первой из трех ритуальных здравий "Да здравствует король!", были:

"Твои глаза видели сейчас самое прекрасное зрелище в твоей жизни." И потом ты прокричал: "Стража! Заберите Корвина, и пусть ему выжгут глаза! Пусть великолепие этого дня будет последним, что он

видел. Киньте его в самую глубокую темницу Амбера, и пусть имя его будет забыто!"

"А сейчас,— подумал я,— ты правишь в Амбере, Эрик, но у меня есть глаза, и я ничего не забыл. Окружи себя стальным кольцом шпага, но пока я жив, ты не будешь в безопасности. Я принесу невиданное оружие, взломаю твои двери, сломяю твоих защитников. Мне нужна твоя кровь, вся, сколько ни есть."

Я нашел шестнадцатый по счету алмаз и спрятал его в кошелек.

Я позавидовал Ганелону, который наверняка сидит сейчас в питейном заведении или публичном доме, а может быть, дерется или просто охотится на зеленых холмах. Может, оставить его, несмотря на просьбу отправиться в Амбер? Нет, когда я уйду, его допросят и если не убьют, то изуродуют, он станет изгнанником в собственном доме. Ему ничего не останется, как снова заделаться бандитом с куда меньшими шансами на везение, чем прошлые два раза. Придется сдержать обещание, если, конечно, он сам не передумал.

Я стал вспоминать Дару. Знание того, что она есть, что-то меняло для меня. Я хотел, чтобы она выжила, уцелела, и чувствовал, что поступил не совсем правильно, раскрыв ее уникальность, задоженную с самого рождения. У нее возникнет еще тысяча вопросов, а у меня не будет времени предупредить ее, чего следует опасаться. Я скрипнул зубами. Это неважно — когда я буду править в Амбере, все переменится.

В тихой речной заводи я смыл пыль и пот, задумавшись ненадолго о черной дороге. Пока купался, Грейсвандир лежал на берегу, но меня никто не потревожил. На обратном пути мне пришлось пустить шпагу в ход, правда, против зверей куда менее страшных, чем мои братья. Возвращался я быстрее, чем шел к цели.

До рассвета оставалось совсем немного времени, когда я въехал в конюшню Бенедикта. Я приласкал коня, который никак не мог успокоиться, вычистил его, задал хорошую порцию овса и вволю напоил. Конь Ганелона приветствовал меня ржанием из своего стойла.

Чтобы прийти в себя, мне был необходим небольшой отдых, но не хотелось спать под крышей Бенедикта. Я не желал стать легкой добычей; и когда говорил, что предпочел бы встретить смерть в постели, я имел в виду только то, что не хотел бы, чтобы на меня наступил слон, когда я на лугу затею любовную игру с молоденькой пастушкой. Тем не менее я вошел в дом выпить чего-нибудь покрепче воды. В доме было темно. Я зашел на кухню, достал из шкафчика бутылку, налил рюмку, залпом выпил, налил еще и подошел к окну. Бенедикт избрал великолепное место, поставив дом на холме.

— Под белой луною дорога лежит,— продекламировал я, удивляясь звукам собственного голоса в этом помещении.

— Корвин,— услышал я голос Ганелона.

— Я не заметил тебя,— откликнулся я мягко, не поворачиваясь.

— Как добрый товарищ, налейте и мне тоже.
 — Ты так пьян, что не можешь налить сам?
 — Я вообще не пьян. У меня просто все болит.
 Я налил и отнес ему стаканчик. Он сделал хороший глоток.
 — Ты дрался,— решил я.
 — Угу. И не один раз.
 — Тогда отнесись к своим страданиям философски, как солдат.
 — В драках-то я победил, но вот девчонка меня так отделала...
 Мне кажется, я поставил нас в неловкое положение.
 — Нас?
 — Я же не знал, что она хозяйка. Я решил, она симпатичная служаночка, с которой можно позабавиться.
 — Дара?— Я внутренне напрягся.
 — Я шлепнул ее по мягкому месту и хотел поцеловать, но она подняла меня над головой, сообщила, кто такая, и разжала руки. Я вешу сто восемьдесят фунтов, а она держала меня совершенно горизонтально, и до земли было очень далеко.
 Я хмыкнул.
 — Она тоже посмеялась, когда я попросил прощения. Этот ваш брат, должно быть, настоящий мужчина — в жизни не встречал такой сильной девушки.— Он одним глотком допил виски.— И я не мог даже лечь в постель, не увидевшись с вами.
 — Вот и увиделся.
 — На воздухе пьется вкуснее.— Он с трудом поднялся, прихватил бутылку, вышел из дома и пошел по тропинке, которая вела через сад за дом. Удивленный, я пошел за ним. Он дошел до скамейки под большим дубом, налил в обе рюмки и глотнул.
 — В вине ваш брат разбирается.
 Я набил трубку.
 — Она расспрашивала меня об Амбере, Отражениях и о семье.
 — Ты ей что-нибудь сказал?— Я зажег спичку.
 — Я просто не понимал, о чем речь. И все равно был очень осторожен, она слишком любопытна, Корвин.
 — Спасибо за новость.— Я запыхтел трубкой.— Скажи, этот вариант Авалона тебе по душе?
 — Вариант? Это и есть мой Авалон. Сегодня я был на Поле Колючек, где склонил банду Джека Хойлиса соединиться с нами. Когда я состарюсь, я вернусь сюда, если не погибну в битве за Амбер.
 — Ты еще хочешь идти со мной?
 — Всю жизнь мечтал его увидеть. Вы рассказывали мне о нем в более счастливые времена.
 — Честно говоря, не помню, когда о нем рассказывал.
 — В ту ночь мы были пьяны в стельку. Мне казалось, что вы говорили совсем недолго, но прошла почти вся ночь. Вы рассказывали о горе Колвир, о золотых шпилях города, об улицах, террасах, садах и фонтанах. Я обязан увидеть его, прежде чем умру.— Я ничего не от-

ветил. Он продолжил:— Но у меня есть вопросы. То, что вы нападете на Амбер, поссорит нас с Бенедиктом?

— Я и сам не прочь это знать. Думаю, сначала — да. Но все должно быть кончено прежде, чем он успеет дойти туда. Один он сумеет переправиться в Амбер в одно мгновение, но не сумеет переправить войска. А потом, надеюсь, он поддержит любого, кто покончит со смутой в государстве, даже меня.

— А потом между вами начнется кровная месть?

— Не думаю. Ведь это всего лишь политика. А мы всегда были в самых хороших отношениях.

— Понятно. Просто, я думал, раз мы идем с вами на войну, а Ава-лон принадлежит Бенедикту, как он отнесется к тому, что в один прекрасный день я вернусь и захочу поселиться здесь? Не помешает он мне?

— Никогда не замечал за ним ничего такого.

— Тогда я пойду дальше. Я достаточно опытен в военном деле. И он, конечно, понимает, что я хороший офицер. К тому же у него покалечена правая рука. Как вы думаете, можно попросить его назначить меня главой городской полиции? Я буду служить ему так же хорошо, как служил вам...— Он рассмеялся.— Черт, простите. Лучше, чем служил вам.

— Это будет немного дурно пахнуть, но тебя не смутит.— Я усмехнулся.— Мне нравится твоя мысль. Беда в том, что он по-настоящему никогда не будет тебе доверять. Воспримет так, будто ты шпионишь для меня.

— Но я совсем не это имел в виду!

— Я-то верю. Поверит ли он?

— Но у него осталась одна рука и ему необходим помощник.

Не удержавшись, я рассмеялся, но сразу замолчал, потому что смех далеко разносится в тихую ночь. К тому же я не хотел оскорбить Ганелона в его лучших чувствах.

— Ты не понял, с кем разговаривал ночью в лагере. Тебе он казался обыкновенным человеком без руки. Но это не так. Он не похож ни на одно существо ни из Отражений, ни из реального мира. Я сам опасаясь его. Он — Учитель по оружию в Амбере. Можешь ты представить себе человека, который тысячу или несколько тысяч лет изо дня в день не расстается с оружием и все время думает о тактике, стратегии, оперативном искусстве, об организации военных действий, тыла и тому подобных вещах? Если он предстал перед тобой как Протектор маленького королевства, командующий небольшим отрядом стражников, живущий в деревенском домике с ухоженным его руками садом, не обманывайся на его счет! Все, что известно о войне, хранится в его памяти. Он часто путешествует по Отражениям, наблюдая вариант за вариантом одной и той же битвы в измененных обстоятельствах, проверяя свои теории ведения войны. Он командовал армиями настолько грандиозными, что их солдаты маршировали бы перед тобой

много дней подряд. И хотя потеря руки причиняет ему некоторое неудобство, я ни в коем случае не согласился бы встретиться с ним в бою с любым оружием в руках. Это просто счастье, что он не имеет притязаний на трон, иначе он занял бы его прямо сейчас. Хлопнул бы по столу и сказал, что так будет, и никто, даже Эрик, не стал бы спорить.

Ганелон молчал очень долго, а я налил себе еще виски. Наконец, он сказал:

— Этого я, конечно, не знал. Я буду рад, если он разрешит мне вернуться и жить здесь.

— Он разрешит, я уверен.

— Дара говорила, что получила от него известие. Вероятно, он вернется завтра.

— Проклятье!— Я вскочил.— Тогда утром мы должны отправиться к Дойлу и окончить наши дела. Уйдем отсюда до возвращения Бенедикта.

— Вы достали камешки?

— Да.

— Можно взглянуть?

Я отдал ему мешочек, он открыл его, вывалил на ладонь несколько алмазов и принялся катать между пальцами.

— Они не так уж красивы. По крайней мере, при этом освещении.

— Они не отшлифованы. У тебя в руках целое состояние.

— Удивительно, как легко они вам достались.— Он ссыпал их в мешочек и завязал потуже.

— Не очень-то легко.

— Добыть состояние так быстро кажется мне не совсем справедливым.— Он вернул мешочек.

— Я дам тебя не меньше в качестве компенсации, если Бенедикт не примет тебя на службу.

— Теперь, когда я знаю, кто он, мне еще больше хочется служить под его началом.

— Я же говорил, пока нет причин опасаться, что это не удастся.

— Спасибо, Корвин. Как мы отсюда исчезнем?

— Сейчас ты пойдешь отдыхать. А завтра я подниму тебя очень рано. Боюсь, и лошади будут возражать против предстоящей тяжелой работы. Мы одолжим у Бенедикта одну из телег. И конечно, постараемся, чтобы никто не понял, что мы уходим насовсем. Самое главное — выиграть время, тогда Бенедикт не выследит нас по Отражениям. Для этого нужно не меньше, чем полдня...

— Зачем нас выслеживать?

— Он не доверяет мне и ждет, пока я сделаю первый ход и покажу, что мне здесь нужно. Как только он поймет, что мы получили то, за чем приходили, он попытается нас догнать.

— Тогда нужно как следует отдохнуть, чтобы уйти от погони. Теперь, когда вы так много рассказали о Бенедикте, я не удивлен тем,

что...— Он встал, взял бутылку и указал на тропу.— Если вы пойдете в том направлении, выйдете из сада, войдете в лес, пройдете шагов двести до места, где растут молодые деревца, а слева идет овраг, то на дне обнаружите свежую могилу. Я нашел ее, когда вышел погулять и остановился, чтобы справить малую нужду.

— С чего ты взял, что это могила?

— Когда в земле есть яма, и в ней лежат трупы, я просто не знаю, каким еще словом это назвать. Трупов четыре— трое мужчин и женщина.

— Давно они погибли?

— Несколько дней назад, насколько я могу судить.

— Ты все оставил как было?

— Я не до такой степени дурак, Корвин.

— Прости. Это меня тревожит, потому что я не понимаю...

— А по-моему, все ясно. Эти люди доставили Бенедикту несколько неприятных минут, и он отплатил тем же.

— На кого они похожи? Как они умерли?

— Обычные люди средних лет с перерезанными глотками. У одного мужчины рана в животе.

— Хорошо, что мы отсюда сматываемся.

— Не засиживайтесь здесь и не волнуйтесь зря, Корвин,— сказал Ганелон и ушел.

Он был, без сомнения, прав. Я допил виски, поставил рюмку на скамейку и пошел по тропинке. До зари оставалось еще несколько часов. Я твердо решил провести их вне дома.

Конечно, некоторое время спустя я оказался в овраге, где росли молодые деревца. Внимательный осмотр показал, что тут недавно копали землю. У меня не было желания откапывать тела и изучать их при свете луны, я предпочел верить Ганелону. Я даже не понимал, зачем сюда приперся. Наверное, по привычке все проверять. Естественно, спать рядом с этим местом не хотелось. Я зашел в дальний конец сада, расстелил плащ на полянке, где рос высокий кустарник, а трава была мягкой, шелковистой и приятно пахла, улегся, снял сапоги и, вытянув босые ноги, с облегчением вздохнул.

"Теперь недолго, — подумал я.— Я начал свой путь".

Год назад я заживо гнил в подземелье, десятки раз переходя границу между сумасшествием, отчаянием и здравым смыслом. А сейчас я свободный, зрячий, и у меня есть план. Я стал силой более грозной, чем когда-либо до сих пор. И я сам отвечал за свои поступки, удачу и поражения. Это чувство было приятным, как вино, которое согрело мое тело. Я приготовился к недолгому сну, но тут же приподнялся на локте — скорее интуиция, чем зрение подсказало мне, что за деревьями кто-то шевельнулся.

Долго ждать не пришлось, возникла, уже не прячась, неясная фигура, потом пропала, снова появилась, вышла из тени. Двигаясь все

медленнее, она приближалась. Не дойдя до меня нескольких шагов, замерла.

— Твоя спальня не устраивает тебя, лорд Корвин?

— Дивная ночь, и я решил вспомнить молодость.

— А прошлой ночью, в проливной дождь, что ты вспоминал? Она уселась рядом, складки длинного платья прикрыли туфли.

— Меня тут не было. Я перебирал песок на морском берегу.

— Звучит как-то угнетающе.

— Так и было.

— Я много думаю с тех пор, как мы ходили по Отражениям, не могу уснуть. Поэтому узнав, что ты вернулся, подслушала ваш с Ганелоном разговор и отыскала тебя в саду. Я решила обязательно побывать в Амбере и пройти Лабиринт.

— Так и будет.

— Скоро? Корвин, скоро?

— Ты еще молода, Дара. Тебе...

— К черту! Всю жизнь ждала, даже не зная ничего. Корвин, неужели нет способа отправиться туда прямо сейчас?

— Если нас не убьют сразу, то может быть, повезет, и мы получим соседние камеры, пока для нас не придумают особенно утонченную казнь.

— Не понимаю. Ты можешь прийти туда и привести меня с собой, ведь ты — принц Амбера.

— Объявленный вне закона.

— Почему он так хочет тебя убить?

— Потому что он не хочет, чтобы я убил его.

— А ты его убьешь?

— Непременно. И довольно скоро.

— Почему?— Она повернулась ко мне.

— Потому что я сам хочу сидеть на троне. Видишь ли, Эрик — узурпатор. Я лишь недавно вырвался из тюрьмы и оправился после пыток. Он сделал большую ошибку, оставив мне жизнь. Он хотел наслаждаться моей обреченностью, и ему не приходило в голову, что я смогу освободиться. Кстати, мне тоже не приходило в голову, что я это сделаю. Но если уж мне повезло, постараюсь не повторять его ошибок.

— Но он твой брат.

— Немного людей на свете знают это лучше, чем я и он, уверяю тебя. Это ничего не меняет.

— А если ты проиграешь?

— Тогда тебе придется ждать несколько дольше. До тех пор, пока Эрик не утвердится на троне окончательно, а Бенедикт не решится представить тебя ко двору. Это будет самым сложным. Видишь ли, Бенедикт не появлялся в Амбере так долго, что Эрик считает его умершим. Если Бенедикт вдруг появится с тобой, Эрик, безусловно, воспользуется выгодной ситуацией и начнет да-

вить на него через тебя. К сожалению, это очень просто сделать.

— Значит, я могу никогда не попасть в Амбер? Тогда ты обязан победить!— Внезапно она воскликнула:— А если дед поддержит тебя?

— Я не собираюсь просить его. Достаточно, если он не выступит против.

— А почему ты не обратишься ко мне? Если ситуация такова, как ты рассказываешь, это было бы логично.

— Ты мне нравишься. Об этом не может быть и речи.

— Я тебя приворожила,— она рассмеялась.

— Острием своей шпаги,— усмехнулся я.

— Дед приезжает завтра.— Она нахмурилась.— Как это повлияет на твои планы?

— Меня тут не будет.

— Что мне ему сказать?

— Расскажи правду о том, как ты вышла из деревни. Это заставит его о многом задуматься. Об остальном можешь сказать, что женская интуиция подсказала тебе, что мы — та же компания, что Джулиан с Жераром, и ты держалась соответственно. А если он спросит, где мы, отвечай, что мы одолжили фургон, поехали в город и вернемся затемно.

— Что это даст тебе?

— Мне нужно выиграть время.

— Ради тебя я задержу его как можно дольше.— Она замялась, поглядывая на луну.— А со мной ты не собирався поговорить?

— Я хотел увидеть тебя утром, но ты поторопила события.

— Я рада, что не уснула. Как ты завоюешь Амбер?

— Нет, Дара,— я покачал головой.— Это секрет.

— Странно, в Амбере столько заговоров и тайн.

— Почему странно? Те же конфликты возникают повсюду и тут, рядом с тобой, потому что все на свете похоже на Амбер.

— Это не просто понять.

— Поймешь когда-нибудь.

— Объясни мне еще одну вещь. Как ходить по Отражениям, не пройдя Лабиринт? Как это делается?

— Я не позволю тебе шутить с Отражениями. Это опасно даже после Лабиринта. Тебе повезло, но не надейся на везение каждый раз.

— С этим придется ждать.

— Не обиделась?

— Нет — Она рассмеялась.— Я рада, что тебя волнует моя судьба.

Она протянула руку и коснулась моей щеки. Ее лицо приблизилось к моему, она перестала улыбаться, ее губы дрогнули, а глаза закрылись. Ее рука скользнула по моей шее, плечам...

Если Бенедикт узнает, он будет не просто зол на меня...

Глава 7

Фургон раскачивался и скрипел, солнце закатывалось на запад, хотя еще заливало нас раскаленными лучами. Сзади среди ящиков храпел Ганелон. Я ему завидовал, для меня заканчивался третий день без сна.

Дойл не выполнил всего заказа, но мы с Ганелоном убедили его запереть лавочку и ускорить работу. Это задержало нас еще на несколько часов, но тут ничего не поделаешь. Я хорошо заплатил ему за порошок и купил также очень красивые браслет и кольцо с условием, что они будут доставлены Даре на следующий день. Алмазы висели у пояса в мешочке, Грейсвандир — под рукой, лошади шли размеренным шагом — я был на пути к цели.

Я переменял небо так, чтобы солнце скрыли легкие облачка. Мы двигались по сухой, желтой, глинистой колее, и она все время скрипела под колесами. По обочине росла уродливая коричневая трава, а за ней стояли невысокие деревья с толстыми перекрученными мохнатыми стволами.

Я не мог обойтись без фургона, поэтому не было никакой возможности увеличить скорость передвижения. И сам я был не в том состоянии, чтобы заниматься призовыми скачками. Переходы от Отражения к Отражению я выполнял очень тщательно, понимая, насколько притуплены мои чувства. На протяжении следующих двух миль я возвращался от вечера к полудню, потому что нужен был дневной свет. Мне удалось создать небольшой ветер, правда, это грозило дождем, который превратил бы дорогу в реку жидкой тошнотворной грязи, но на это нельзя было отвлекаться.

Мы проехали по деревянному мосту через высохшую реку, дорога за ним стала лучше, и по обочинам зазеленела настоящая трава. Дождь было пошел, но я прекратил его через четверть мили, и мы начали спускаться в весьма красивую долину. У меня заболела голова, и я был вынужден намотать поводья на руки, потому что то и дело проваливался в сон на минуту-другую. Я собирал внимание, концентрировал энергию, менял окружающее, но как будто сам находился где-то далеко.

Я облегченно вздохнул, когда Ганелон наконец заворочался и вырвался. Если бы он в ближайшие минуты не проснулся, мне пришлось бы его будить. Я натянул поводья, дождался, пока лошади поймут, что к чему, и остановятся, поставил тормоз, потому что мы находились на спуске, и достал бутылку с водой. Ганелон крикнул:

— Эй! Оставьте и мне глоточек.

— Сменишь меня. — Я передал ему бутылку. — Мне необходимо поспать.

— Ладно, только закончу свой утренний туалет. — Он спрыгнул с фургона и отошел к обочине.

Я перебрался на его место и лег, подсунув под голову плащ. Потом я услышал, как он карабкается в фургон, чмокает губами и подстегивает вожжами лошадей, как заправский возчик.

— Неужто утро?— спросил он.— Значит, я проспал весь день и всю ночь?

— Я менял Отражения. Ты спал шесть-семь часов.

— Мне этого не понять, Бог с ними. Где мы находимся?

— В двадцати милях от города и в двенадцати от дома Бенедикта, но сменилось несколько Отражений.

• — Он еще может нас догнать?

— Думаю, да. Пока мы не можем дать лошадям отдых.

— Мне надо быть настороже?

— Нет, поедешь по дороге как можно дальше, и все.

— Когда мне вас разбудить?

— Никогда.

Перед сном я думал о Даре. Я думал о ней весь этот тяжелый день. Все, что между нами произошло, было для меня полной неожиданностью и не вписывалось в мои планы. Но я не считал, что воспользовался ее слабостью— она отлично знала, чего хочет, когда отпиралась разыскивать меня в саду. Но обстоятельства заставляли меня придирчиво оценивать свои поступки.

Да, я с самого начала хотел, чтобы дасть ее преданности, доверия и привязанности от Бенедикта перешли ко мне. Я хотел, чтобы она стала моей союзницей. Я даже рассчитывал прибегнуть к ее помощи, если бы меня попытались остановить в самом начале путешествия. Но я вовсе не хотел, чтобы она считала, что я переспал с ней только ради этого. А она могла так подумать, и поэтому я чувствовал себя uncomfortably.

Но почему? Я совершал поступки во сто крат хуже и непорядочней, не терзаясь угрызениями совести. А сейчас, как бы я ни притворялся, следовало признать, что девушка мне нравилась. Это было не то чувство, которое я испытывал к Лорайне, с ней мы оба были ветеранами в любви и прекрасно это знали. Не похоже это было и на чувственность, которая ненадолго охватила меня и Мойру, когда я прошел Лабиринт второй раз.

Много веков я не испытывал ничего подобного. И поэтому не хотел влюбляться в Дару. Не сейчас. Может быть, позже, а лучше — никогда. Потому что она совершенно не для меня. Все, что для нее ново и восхитительно, я уже делал и испытал. И мне не следовало...

Когда я проснулся, мне было едва ли не хуже, чем до сна. Я выпил воды, а оставшейся промыл глаза. Мы ехали все по той же дороге, твердой, темной, но относительно гладкой.

— Я вновь среди живых,— сказал Ганелон, когда я перебрался на козлы и сел рядом.— Лошади очень устали, Корвин. И я чертовски проголодался. Как вы на это смотрите?

— Сверни-ка на ту полянку слева, сделаем привал.

— Мне бы хотелось проехать немного дальше.

— Есть особые причины?

— Я хочу вам кое-что показать.

Мы проехали еще полмили, поднялись на холм, но впереди возвышался другой, больше первого.

— Долго еще?

— Давайте поднимемся на тот.

Лошади с таким трудом преодолевали крутой подъем, что я вылез и стал подталкивать фургон сзади. Когда мы достигли вершины, я чувствовал себя очень грязным, но проснулся окончательно. Ганелон бросил поводья, поставил тормоз и взобрался на самый верх фургона. Он довольно долго простоял в живописной позе, прикрывая глаза от солнца.

— Поднимитесь ко мне, Корвин,— пригласил он.

Я забрался к нему и посмотрел в направлении, куда он указывал рукой. В трех четвертях мили от нас тянулась черная лента. Ширина ее составляла несколько сот футов и оставалась неизменной, как бы она не петляла. На ней росли деревья, тоже абсолютно черные. Мне показалось, что в этой угольной черноте происходит какое-то движение, но может быть, это ветер качал траву. И все же при взгляде на нее возникало устойчивое неприятное чувство, казалось, видишь течение черной реки с гладкой безжизненной поверхностью.

— Что это?

— А я-то надеялся, вы мне объясните. Я считал, это ваше колдовство.

— Мне, конечно, хотелось спать, но ничего подобного я сотворить не мог. Как ты вообще угадал, что там что-то есть?

— Мы проезжали неподалеку, когда вы спали. И мне совсем не понравилось ощущение, которое она вызвала во мне. Очень знакомое ощущение.

— И мне оно знакомо, к величайшему сожалению.

— Тот чертов Круг,— кивнул он,— в Лорайне.

— Черная дорога,— подтвердил я.

— Еще одно проклятое место?

— Боюсь, так и есть.

Ганелон очень нехорошо выругался. Мы слезли с крыши фургона. Он задумчиво произнес:

— Давайте найдем лошадам какое-нибудь пропитание и заодно позаботимся о собственных утробах.

Я не возражал. Он подхватил вожжи, и мы съехали с холма. У его подошвы нашлось удобное место, где мы отдыхали около часа, в основном разговаривая об Авалоне. Когда поехали дальше, за поводья взялся я. Немного посвежавшие лошади шли хорошо.

Только после разговора на полянке я понял, что значила для Ганелона это пребывание дома. Он посетил многие свои прежние раз-

бойничьи стоянки и поля сражений, где отличился и выдвинулся. Я был тронут его воспоминаниями. Все-таки очень необычно перемешались в этом человеке золото и глина. Ему следовало родиться в Амбере.

Вдруг я почувствовал хорошо знакомый ментальный удар. Я сунул вожжи Ганелону.

— Держи. Правь.

— Что случилось?

— Позже.

— Надо спешить?

— Нет.

Я завалился назад, положил голову на скрещенные руки, закрыл глаза. Расслабился, освобождаясь от всех мыслей. Никого нет. Прием окончен... Стало легче, потом напряжение стало еще интенсивней. Я блокировал его, но не очень уверенно. Нахлынула третья волна. Теперь я был готов и мог остановить ее. Боюсь, получилось жестковато, это было почти ответом. Все исчезло. Я вздохнул и принялся массировать виски.

— Все в порядке.

— А что произошло?

— Кто-то пытался навязать мне контакт довольно неприятным образом. Почти наверняка Бенедикт. Должно быть, к этому времени он узнал достаточно, чтобы попытаться остановить нас. Будет лучше, если я возьму поводья.

— Нам удастся от него уйти?— Ганелон передал вожжи.

— Не знаю. Мы отъехали далеко. А когда перестанет сверкать перед глазами, я поставлю еще несколько Отражений.

Наша дорога после нескольких поворотов пошла вдоль черной дороги, неуклонно к ней приближаясь. Когда до нее осталось всего сотня ярдов, Ганелон сказал:

— Уж слишком она напоминает мне то, другое, место.

Я не ответил. Закусив губу, я пытался переменить Отражения так, чтобы ее тут не было, но что-то сопротивлялось. И это было совсем иное ощущение, чем то, когда пытаешься уйти в Отражения из Амбера. Это была безысходность, невозможность вырваться. При этом я поменял Отражение. Солнце здесь приблизилось к закату, деревья стали выше, а на горизонте появились горы. Нас отделяло от дороги сто футов, пятьдесят... Все, наши пути пересеклись.

Я натянул поводья, достал трубку и закурил. Лошади нервничали, ржали и пятились от черной ленты. Нам бы пришлось совершить длинный путь по бездорожью, если бы мы решили свернуть. Часть равнины скрывали холмы, там росла высокая трава, хотя и не такая, как по краям черной дороги. Небо над ней было темнее, с каким-то грязноватым оттенком...

Вдруг мы услышали женский крик. Он донесся откуда-то справа. Ловушка? Все выглядело очень подозрительно. Но могло быть и не

так. Я кинул вожжи Ганелону, соскочил на землю и вытащил Грейс-вандир из пожен.

— Пойду, взгляну в чем дело.

Я двинулся вправо, перепрыгнул через канаву вдоль нашей дороги, продрался сквозь кустарник и вскарабкался на каменистый склон холма. С вершины открылся широкий обзор.

В сорока футах ниже того места, где я стоял, начинался черный фронт, а в ста пятидесяти футах за ним к одному из черных деревьев была привязана женщина в белой рубашке, с черными распущенными волосами. У ног ее дымились ветви. С полдюжины волосатых альбиносов прыгали вокруг, тыкая в нее палками. Рубашка была так изорвана, что обнажилась ее прелестная фигурка, но лица видно не было.

Я перепрыгнул через высокую черную траву, спел голову с плеч ближайшему альбиносу и проткнул грудь другому прежде, чем они поняли, что на них напали. Тогда остальные повернулись ко мне, дико вереща и пытаясь достать палками. Грейсвандир легко рубил плоть, и скоро они все были буквально изрублены в куски. Кровь их была черной.

Я расшвырял костер ногой, перерезал путы, стягивающие руки женщины, и она упала ко мне в объятия. Только тогда я заметил, что ее лицо закрывала маска из слоновой кости, вернее, гладкая овальная пластина с прорезями для глаз. Я отвел ее от костра и попытался освободиться от прижавшегося ко мне тела, но она была на удивление сильна и не отпускала меня.

— Все хорошо, успокойся...

Тогда она начала ласкать меня грубо, искусно, это сразу подействовало, и вдруг я осознал, что вожу рукой по плавным изгибам ее тела.

— Кто ты? Почему тебя хотели сжечь? Кто они такие?

Она дышала тяжело и часто, но уже не от страха.

— Почему ты носишь маску?

Я протянул руку, она откинула голову. Это не показалось мне важным, я хотел ее и готов был взять тут же, хотя какая-то холодная, рассудочная часть моего сознания взывала к осторожности, протестуя против этой иррациональной страсти. Затем я услышал, как Ганелон зовет меня, попытался повернуться, но она удержала меня. Я снова поразился ее силе.

— Дитя Амбера, — раздался из-под маски ее полужнакомый голос, — мы в долгу у тебя за то, что ты сделал для нас. Но сейчас мы получим тебя всего и сочтемся.

Голос Ганелона вновь долетел до меня. Теперь это был сплошной поток ругани. Я напряг все силы и стал понемногу освобождаться, но слишком медленно. Тогда я рванулся, и маска слетела. Она коротко и зло вскрикнула, а потом протяжно, уже нечеловеческим голосом произнесла четыре слова, которые как бы повисли в воздухе:

— АВАЛОН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН!

Она — или оно — исчезла. Ее одежда упала мне на руки.

Я сбернулся и увидел, что Ганелон лежит на краю черной дороги, ноги его были неестественно вывернуты, а шпага его очень медленно поднимается и опускается, словно он замерзает, пытаясь что-то разрубить. Я подбежал к нему. Черная трава обвилась вокруг его лодыжек и рывками продвигалась, стараясь спутать руку со шпагой. Я выбрал место подалше от черных стеблей, наклонился и только тут сообразил, что сжимаю в руке маску. Я бросил ее на черную землю, и она задымилась.

Я оттащил Ганелона от черной дороги, взял на руки и понес. Он пришел в себя и потребовал, чтобы я поставил его, но идти не смог. Он бил себя по ногам и рычал от ярости.

— Они омертвели, Корвин. Они меня даже не держат.

Прошло немало времени, прежде чем он с большим трудом доковылял до фургона. Я посадил его и сел рядом.

— Онемение проходит, — он облегченно вздохнул. — Эта дрянь высосала из ног все силы. И из всего меня... Что случилось?

— Мы получили доказательство, что это место действительно проклято.

— Что будем делать?

— Поедем дальше. Держи шпагу наготове.

Ганелон положил шпагу на колени. Лошадям моя идея пересечь черную дорогу пришлось не по вкусу, но я слегка хлестнул их кнутом, и они двинулись вперед. Оказаться на черной дороге было, наверное, то же самое, что оказаться на Второй Мировой войне. Слабый, но настойчивый звон лез в уши. Трава у дороги заволновалась, но мы держались от нее подалше. Потом мы миновали несколько участков, скрытых туманом, и наконец въехали в него. Запаха никакого не было, но дышать становилось все тяжелее. Я попытался сменить Отражение, мы перевалили через холм, но черный пейзаж остался неизменным. Тогда я разозлился и вызвал перед своим мысленным взором полыхающий огнем Лабиринт. Я еще раз переменял Отражение.

В то же мгновение голова взорвалась от немой боли, словно от основания черепа до лба впилась раскаленная проволока. Это разозлило меня еще больше, и я стал вызывать перемещение, превращая черную дорогу в ничто. Все заколебалось, туман сгустился. Пульсирующая боль охватила всю голову.

Я понимал, что нужно только вытерпеть, и держался изо всех сил. Земля затряслась, пошла трещинами, дорога корчилась в спазмах. Казалось, будто по столу, где лежали детали головоломки, ударили ногой — тут и там появлялись зеленые ветви, висающие в воздухе лужицы воды, проблески чистого, голубого неба. Лошади неслись галопом, а я едва не вопил от боли.

Я держался за Лабиринт, как умирающий за Бога, решив из одной только злости драться до конца. И когда почти смирился с поражением, давление на мозг ослабло. Пелена, застилающая зрение, рассея-

лась, и я увидел, что лошади выносят нас на зеленое поле, и Ганелон, выкрикивая ругательства, помогает мне натягивать поводья. Мы почти въехали на холм, замыкавший долину, когда лошади стали.

Я медленно обернулся и увидел колеблющийся в воздухе наш путь через дорогу. Он выделялся строго и ясно, как мост через реку, трава и деревья на нем были зелеными.

— Это было хуже, чем то путешествие, когда вы везли меня в ссылку, — заметил Ганелон.

Мне осталось только согласиться. Когда лошади совсем успокоились, мы двинулись дальше. Мир был здесь значительно ярче, от сосен шел запах свежей смолы, по стволам сновали белки, меж ветвей вились птицы. Мне было приятно думать, что я все-таки поменял Отражение, причем так, как нужно.

Черная дорога еще попадалась нам на глаза, очевидно, она проходит через все Отражения. Но теперь я не давал ей слишком угнетать себя, какой бы злобещий вид она ни принимала. Головная боль стихла, сердце перестало биться с бешеной частотой. Мы преодолели высокий подъем, и нам открылся прекрасный вид на лесистые холмы, напоминавший Пенсильванию.

— Как твои ноги? — спросил я Ганелона.

— Все хорошо. — Он оглянулся со странным выражением. — Послушайте, Корвин, отсюда видно далеко назад.

— Ну и что?

— Я заметил всадника и сейчас его вижу. Он скачет следом и приближается очень быстро.

Теперь оглянуться назад настал мой черед. Кажется, я даже застонал. Он был еще далеко, по ту сторону черной дороги, но летел вперед с невероятной скоростью. Я повернулся к Ганелону.

— Готовься к скачке.

— Бенедикт?

— Больше некому. Мы слишком много времени потеряли с Дойлом и на этой чертовой черной дороге.

— Мы сможем уйти от него?

— Скоро выясним.

Я прикрикнул на лошадей и взялся за поводья. Мы добрались до вершины холма, и в лицо ударил ледяной ветер. Через несколько мгновений мы спускались. Редко сыпавший снег сменила метель, слепящая глаза. Вокруг лежали сугробы, дорога стала совсем белой. От лошадей повалил пар. На камнях блестел лед. Мгновенное помутнение чувств... Мы летели вперед, ветер все еще хлестал нас и визжал в ушах, но шторм прекратился, только поземка мела по дороге. Мы еще раз свернули... Всюду еще был снег, но солнце с голубого безоблачного неба струило свет и тепло.

Дорога повернула, выравнилась и пошла по равнине. Волны жара затопляли нас, от земли шел пар, ручьи пузырились, словно кипели, лужи блестели, как бронзовые щиты, и испарялись на глазах. Небо

было цвета меди, а солнце побагровело, как спелое яблоко. Ветер налетал порывами и пах гнилью. На обочине дороги забили гейзеры, земля задрожала, и где-то совсем близко взорвался вулкан, выбрасывая из кратера огненные струи. Взрыв оглушил нас, а взрывная волна едва не опрокинула фургон. Лошади понесли во весь опор, обезумев от страха.

Ганелон дотронулся до моей руки и что-то прокричал. Затем указал рукой назад, я обернулся и не увидел ничего неожиданного для себя. Нужно придумать что-то еще.

Я переключил внимание на ближайший холм, у основания которого висело в воздухе неестественно темное облако пыли и пепла. Я погнал лошадей туда. Темнота сгушалась. И вот перед нами возник вход в огромную пещеру, закрытую, как занавесом, падающими сверху камешками. Я щелкнул бичом, лошади понесли еще быстрее и буквально пролетели оставшиеся до черного провала шестьсот ярдов.

Оказавшись в пещере, я замедлил бег коней, понуждая их успокоиться. Пещера шла под уклон, но сверху откуда-то проникал свет. Со сталактитов капала странная голубая вода, образуя небольшие озерца. Земля еще сотрясалась, но грохот стал определенно тише. Мы пересекли темную пропасть по мосту, и он рухнул, как только мы проехали. Из трещин камней свисал зеленый и красный лишайник, сверкали прожилки минералов, ветви и цветы из бледно-желтого камня придавали этому месту особое очарование. Мы пересекли широкий, но неглубокий поток, исчезавший в одном из черных отверстий.

Мы ехали все вперед и вперед. Позади нас не раз обрушивались скалы, иногда становилось так темно, что приходилось полагаться только на чутье животных, прежде чем впереди забрезжил свет выхода. Отверстие располагалось так низко, что нам пришлось пригнуть головы, но оно вело в яркий день.

Мы оказались высоко на склоне холма. Дорога вилась меж гигантских деревьев и исчезала внизу. Лошади произвольно остановились, поводя боками. Я снова щелкнул бичом и дернул поводья. Под колесами снова заскрипел гравий.

— Вы устали, — сказал Ганелон.

— Скоро так или иначе отдохну.

— Вы заметили вон там, справа?

— Что? — Я повернул голову. Черная дорога лежала в миле от нас. — Сколько же Отражений она пересекает?

— Наверное, все, какие есть.

— Будем надеяться, что нет.

Ганелон сказал:

— Страшновато было выезжать из пещеры — вдруг здесь еще хуже.

— Я не мог больше утомлять лошадей. Если на равнине мы видели

Бенедикта, то у него конь не просто лучше наших, но и несравненно свежее. Правда, он гнал его изо всех сил.

— А может, его конь привычен ко всяким таким переменам?

— Возможно.

Мы переходили из Отражения в Отражение, продвигаясь вперед. Вдруг дорога повернула вправо и приблизилась к черной полосе. Я возмущился:

— Черт, она настойчива как страхового агента!— Злость моя переходила в ненависть.— Когда-нибудь я специально займусь ею и уничтожу, чего бы это ни стоило.

Ганелон не ответил, потому что пил воду из бутылки. Потом передал ее мне, и я с наслаждением последовал его примеру. Наконец мы достигли ровного участка дороги, хотя колея и петляла при каждом удобном для нее случае. Как бы там ни было, это хорошо действовало на наших лошадей. Через час мы остановились, чтобы перекусить. Мы уже кончали есть, когда Ганелон, который сидел, не спуская глаз с видневшегося еще выхода из пещеры, вскочил и прикрыл глаза от солнца, разглядывая что-то.

— Нет! Я просто не верю.

Одиноким всадником гарцевал на той площадке перед выходом, на которой и мы остановились перевести дух, потом решительно поскакал в нашу сторону.

— Что будем делать?— спросил Ганелон.

— Собираемся и поехали. Кажется, мы можем ненадолго отложить неизбежное. Мне надо подумать.

Мы поехали, не торопясь, хотя мысли в моей голове проносились с бешеной скоростью. Есть же какой-то способ остановить его, причем желательно не убивая. Но ничего придумать я не мог. От Ганелона никакого толку, Бенедикт даже не заметит его присутствия. Я поменял Отражения на очередном повороте, слабый запах дыма коснулся моих ноздрей.

— Он быстро нас настигает,— сказал Ганелон.— Я только что... Смотрите, дым. Пожар, лес горит!

Я засмеялся и оглянулся. Половину равнины затянуло дымом, и сквозь зелень пробивалось оранжевое пламя. До нас долетел треск горящих ветвей. Лошади ускорили шаг.

— Корвин, это сделали вы?

— Если бы склон был круче и на нем не было деревьев, я бы попробовал устроить обвал.

Мы все приближались к черной дороге. Конь Ганелона заржал и встал на дыбы. Он принялся лягаться, на удилах появились клочья пены. Моя лошадь шархнула, натягивая постромки. Я пытался совладать с ними.

— Он все еще преследует нас.

Я выругался, отпустил вожжи, и мы пустились вскачь. Что за конь у него? В каком Отражении он его откопал? Наши лошади успели пе-

ребеситься, я понемногу натягивал поводья, и они стали замедлять бег. Когда до проклятой черной дороги осталось футов сорок, мне удалось их остановить.

Я передал поводья Ганелону, достал Грейсвандир и ступил на землю. Почему бы нет? Это была хорошая, ровная площадка, и черное поле сзади вызывало во мне какие-то нехорошие чувства.

— Нам не удалось сбить его со следа, — сказал я. — Бежать просто не имеет смысла. Я встречу его здесь.

Ганелон привязал вожжи к козлам и потянулся за своей шпагой.

— Нет, — сказал я. — Ты никак не повлияешь на исход поединка. Поэтому выведи фургон на дорогу и жди. Если все получится, как мне хотелось бы, мы поедем дальше, если нет — немедленно сдавайся Бенедикту. Он единственный, кто сможет отвести тебя в Авалон. Он делает это, я знаю. — Ганелон заколебался, и мне пришлось добавить подтвержде. — Иди. Делай, что я приказал.

Ганелон сидел, опустив голову, потом отвязал вожжи.

— Удачи, — пожелал он.

Я занял позицию перед молодыми деревцами и стал ждать с Грейсвандиром в руке. Прошло совсем немного времени, и Бенедикт появился из клубов дыма. Лицо обгорело, он прикрывался обручком правой руки. Скоро я различил стук копыт его коня. Я поймал себя на том, что гадаю, каким именно оружием он собирается расправиться со мной. Прямым, изогнутым, длинным, коротким?.. Может быть, вложить Грейсвандир в ножны будет не только учтиво, но и благоразумно, а так я сам напрашиваюсь на неприятности? Стук копыт стал громче, я понял, что боюсь.

Я вытер мокрую от пота ладонь, когда он снова появился на повороте. Казалось, время остановилось и я ждал целую вечность, следя за приближением человека, который был моим братом. Огромный зверь черно-красной масти, с красной гривой и хвостом несея под ним, едва ли не застывая в каждом прыжке. Но все-таки это была лошадь. Глаза ее вращались, с боков летела пена, дыхание было больно слышать.

Не спуская с меня глаз, Бенедикт съехал с дороги, натянул поводья и тут же ослабил их, управляя конем шенкелями. Он поднял левую руку, как бы салютуя, выхватил меч, висевший на перевязи сзади, и прекрасной дугой вынес его, как для смертельного удара, к левому плечу. Его длинный меч формой напоминал косу, и мне раньше уже приходилось видеть, как он пользуется им. Только тогда мы стояли плечом к плечу против врага, которого, по моему разумению, победить было невозможно. Бенедикт в ту ночь доказал, что я ошибался. И решающий вклад в победу был за этим клинком. Теперь он был направлен против меня, и я был поражен ощущением собственной уязвимости, словно впервые узнал, что на свете существует смерть.

Я отступил, чтобы деревья прикрыли меня с боков. Его конь остановился перед деревьями в последний момент, выбросив из-под копыт куски дерна. Сапоги Бенедикта стукнули о землю, и в то же мгнове-

ние его рука очертила полукруг между нами. Меч почти не замедлил движения, перерубив деревце дюйма в три толщиной. Оно стояло несколько мгновений, потом медленно упало.

Я еще отошел назад, чтобы деревья мешали ему использовать преимущества длинного меча. Он шагал вперед и небрежно чертил в воздухе блестящие фланконады, а деревья падали одно за другим. Если бы это был не Бенедикт...

— Она уже взрослая, Бенедикт, — произнес я самым обычным голосом, — и может иметь собственное мнение обо всем.

Он даже не подал знака, что услышал меня. Его огромный меч звенел в воздухе, потом раздавался тупой удар, когда он пробивал твердую древесину, и снова смертоносный звон. Я поднял Грейсвандир на уровень груди и предупредил:

— Ни шагу дальше. Я не хочу драться с тобой.

Он поднял меч в атакующую позицию и сказал коротко:

— Убийца.

Он отбил мой клинок в сторону, и мне пришлось тут же парировать прямой выпад. Контратаковать я не пытался. Я встал за дерево и вяло проговорил:

— Я тебя не понимаю. — Его меч перерубил дерево, едва не зацепив меня. — Я давно никого не убивал и уж определенно не в Авалоне.

Дерево начало падать на меня. Из-за ствола мне в лицо вылетел клинок. Я отбил.

— Убийца, — повторил он. — И лжец.

Тогда я уперся ногами в землю и стал защищаться по-настоящему, одновременно выискивая его уязвимые места. Таких не было.

И все-таки глупо умирать из-за поступка, который совершил неизвестно кто.

— Может быть, сначала поговорим? Прошу тебя!

Но с разговорами было покончено. Он принял мое предложение за попытку отвлечь его и заставить сделать ошибку. И в этом он был не совсем далек от истины. Он оттачивал свои рефлексy несколько веков, и я иногда думал, что даже если удалить у него мозжечок, и тогда его движения не утратят точности.

Он шел вперед, а я прятался за деревьями и защищался. Один раз я попробовал контратаковать, но он чуть не разрубил меня, и я решил больше так не делать. Волна страха захлестнула меня, когда я понял, что он медленно, но верно теснит меня на открытое пространство, где деревья не мешают его атакам. Мое внимание было так занято Бенедиктом, что я даже не сразу понял, что произошло.

Издав боевой клич, неизвестно откуда появился Ганелон и обхватил Бенедикта, зажав руку с мечом. Ганелон не имел представления о силе моего брата. В мгновение ока Бенедикт повернулся на месте, чтобы Ганелон оказался между нами на случай, если я буду атако-

вать, культей, как дубинкой, ударил Ганелона в висок, освободил левую руку, не выпуская меча, поднял Ганелона над землей и швырнул в меня. Я успел проследить, как мой верный служака грохнулся в десятке шагов за мной, а Бенедикт уже наступал в прежнем размеренном темпе.

Но и короткой передышки оказалось достаточно, чтобы придумать одну маленькую хитрость. И если она не удастся, думал я, в Амбере никогда не будет законного короля.

С левой, хорошо владеющим оружием, всегда труднее фехтовать. Поэтому мне следовало немного поэкспериментировать, какой бы риск это ни представляло.

Я увернулся от его прицельного удара, и резко, так что заняли мышцы плеча, атаковал. Неожиданно мне улыбнулась удача, я пробил его защиту, хотя, естественно, не попал в предплечье, куда целил, но зато Грейсвандир, отлетев от блока, уверенно пошел ему в глаз. Даже Бенедикт не успел вовремя увернуться, и острое задело мочку уха. Это заставило его притормозить на несколько мгновений, но не больше. Я попробовал развить успех, но к нему уже было не подступиться. Я сделал вид, что удача сделала меня беспечным, и немного раскрылся, совсем чуть-чуть. Я очень боялся, но должен был это сделать, иначе он насторожился бы. Он понял все так, как я и ожидал, и нанес удар в сердце. Я едва успел уйти; до сих пор неприятно вспоминать, как близко я был от смерти.

Затем, отступая, я выбрался из роицы, прошел мимо поверженного Ганелона, ни разу не атаковав и делая вид, что ничего не могу придумать. Потом я предоставил Бенедикту еще одну возможность добраться до меня, открывшись так же, как в тот раз. Его новый удар был еще опасней, и он быстро оттеснил меня к краю черной дороги. Тут я всем своим видом изобразил панику. Мне не потребовался особенный артистизм — слишком близок я был к этому состоянию. Бенедикт снова атаковал, но, вместо того чтобы защищаться, я отпрыгнул назад, будто искал кратковременной передышки, и оказался на черной полосе.

Шагнув за мной, он ступил на островок черной травы, который я перепрыгнул. Тут я заставил его остановиться, сдерживая эти с виду небрежные, но чудовищные по силе выпады. Для меня эти мгновения были самыми неприятными, хотя я просто стоял и делал все, чтобы не отступить ни на шаг.

Я не осмеливался даже посмотреть вниз. О происходящем я догадался по его лицу — на нем появилось изумление, потом оно напряглось, и я понял, что план удался.

Я отбежал в сторону, перепрыгнул на зеленую землю и подошел к нему со спины. Он пробовал повернуться, но черная трава уже поднялась до колен. Равновесие ему удавалось сохранять с трудом, не то что защищаться. Один выпад — и он мертв, но теперь в этом не было необходимости.

Он внимательно наблюдал за мной, одновременно пытаясь высвободить ноги. Даже сейчас он делал все возможное. Я сделал обманное движение, а когда он неуклюже отмахнулся от меня, ударил по шее Грейсвандиром плашмя. Он зашатался. Я приблизился и левым кулаком ударил по почкам. Он согнулся, я заблокировал его меч и эфесом шпаги снова ударил в основание шеи. Он завалился на меня. Я отбросил подальше его меч, отложил Грейсвандир. Подхватил Бенедикта под мышки и выдрал из черной травы.

В это время подошел, хромя, Ганелон. Он не сводил с Бенедикта изумленных глаз.

— Ну и воин! Еще никто так запросто не мог поднять меня и бросить одной рукой.

— Поэтому я и приказал тебе ждать в фургоне, а не лезть в драку.

— Что мы с ним сделаем?

Я поднял Бенедикта на руки.

— Сейчас я отнесу его к фургону, а ты подбери мою шпагу и его меч.

Бенедикт был без сознания, и очень кстати — мне не доставило бы удовольствия бить его лишний раз. Я положил его под дерево, а когда подошел Ганелон с оружием, попросил его принести веревки, которыми были связаны наши пожитки. Пока он занимался этим, я обыскал Бенедикта и нашел то, что мне было нужно. Затем я вложил наши с ним клинки в ножны и привязал его к дереву. Его меч повесил на куст так, чтобы он его видел, но дотянуться не мог. Затем я уселся на козлы фургона и отвязал вожжи. Ганелон сел рядом.

— Вы оставите его здесь?

— Пока да.

Мы поехали. Ганелон смотрел назад.

— Он до сих пор не шевелится.

— Я позабочусь, чтобы ему вскоре оказали помощь.

— И с ним все будет в порядке?

— Надеюсь.

Проехав мили две, я остановил лошадей, соскочил на землю и буркнул:

— Не шуми, что бы ни случилось. Я устрою помощь Бенедикту.

Я сошел с дороги в тень деревьев. Из шкатулки, инкрустированной слоновой костью и обитой изнутри шелком, которую забрал у Бенедикта, я достал колоду. Нашел карту Жерара и всмотрелся в нее. Через некоторое время я почувствовал его, он шел в Амбере по улице, которую я узнал. Он был очень похож на меня, только массивнее и с дурацкой скиперской бородкой.

— Корвин. — Наконец и он почувствовал меня. — Твои глаза... Ты видишь?

— Вижу.

— Где ты находишься?

— Иди ко мне и узнаешь.

— Корвин, — его взгляд потемнел, — именно сейчас я чрезвычайно занят.

— Речь идет о Бенедикте. Ты — единственный, кому я могу доверить его.

— Он в беде? Почему он сам меня не вызвал?

— Не может этого сделать.

— Что случилось?

— Послушай, это длинная история, я не могу сейчас рассказать. Поверь, ему необходима твоя помощь.

Жерар пожевал губами.

— А ты не можешь ему помочь?

— Это исключено.

— А я смогу?

— Уверен в этом.

Он демонстративно вытащил на треть свой палаш из ножен.

— Мне не хочется думать, Корвин, что ты хитришь...

— Если бы я хотел тебя обмануть, я бы придумал что-нибудь поубедительней.

Жерар тяжело вздохнул.

— Хорошо, иду. — Он протянул руку, сделал шаг и оказался передо мной, мгновенно оценил ситуацию и, широко улыбнувшись, хлопнул меня по плечу.

— Корвин, я рад, что к тебе вернулось зрение.

— Я тоже. — Я отвернулся.

— Кто там, в фургоне?

— Друг. Его зовут Ганелон.

— А где же Бенедикт? Я не вижу его.

— Он в двух милях по дороге, — взмахом руки я указал направление, — привязан к дереву. Стреноженный конь рядом.

— Тогда почему ты здесь?

— Я убегаю.

— От кого?

— От Бенедикта. Это я связал его.

— Ничего не понимаю.

— Произошло недоразумение. Я не смог с ним объясниться и у нас был поединок. Я связал его, бессознательного, чтобы удрать. Я не могу его освободить, потому что он тут же нападет снова. Прежде чем он освободится сам, с ним всякое может случиться, поэтому я позвал тебя. Сходи, пожалуйста, к нему, развяжи и отведи домой.

— Теперь понятно. — Его брови дрогнули. — А мне ты объяснишь, что произошло?

— Я сам ничего не понимаю. Он назвал меня убийцей, но даю честное слово, пока я гостил в Авалоне, никого не убивал. Передай ему мои слова... Есть, правда, одно обстоятельство, которое могло вывести его из себя, но он может положиться на объяснения Дары.

— А что она сможет объяснить?
— Если он заведет разговор, ты все поймешь. Если нет, забудь об этом.

— Ее имя Дара? Запомню. А теперь расскажи, как тебе удалось убежать из Амбера?

— Академический интерес одолел? Или в один прекрасный день может пригодиться?

— Я думаю, это нужно знать.— Он улыбнулся.

— Очень жаль, брат, но мир не готов к такому знанию. Если бы мне необходимо было его передать, я выбрал бы тебя. Но ведь тебе это не принесет никакой пользы, а оставаясь в секрете, оно еще сослужит мне службу.

— Другими словами, есть путь, по которому ты можешь приходить или исчезать из Амбера. Какие у тебя планы?

— А ты сам как думаешь?

— Ответ, конечно, ясен. Но я в растерянности.

— Почему?

Он указал на черную дорогу, которая была видна с того места, где мы стояли.

— Теперь это доходит до Колвира. И разные твари нападают на Амбер. Пока мы побеждаем, но их набеги становятся все чаще и настойчивей. Сейчас не время исполнять твои планы, Корвин.

— Или наоборот,— проронил я,— самое время.

— Для тебя — да. Но не для Амбера.

— Как Эрик справляется с ситуацией?

— Я сказал, мы всегда побеждаем.

— Я имею в виду не отдельные набеги. Как он намерен справиться с проблемой в целом?

— Не знаю. А я... В свое время я прошел по этой дороге приличное расстояние. И не смог дойти до конца. Знаешь, как это бывает — чем дальше от Амбера, тем сложнее и непонятнее становятся Отражения. Мозг уже не в состоянии их воспринимать, и кажется, сходишь с ума.

— Это мне знакомо.

— Я убежден, Корвин, что на том конце находится царство Хаоса.

— То, чего я больше всего опасаясь.

— Вот почему я не рекомендую тебе что-либо предпринимать сейчас. Все-таки в первую очередь мы обязаны заботиться о благополучии Амбера. Это наше родовое гнездо. Кто защитит его от всякой мрази, если не мы?

— Значит, сейчас нам не о чем разговаривать, Жерар.

— А что ты все-таки думаешь об Амбере, Корвин?

— Скажу тебе правду, хотя ты и не знал моих планов, Жерар. Я их не изменил.

— Даже не знаю, пожелать ли тебе удачи.— Он вздохнул.— Но я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.— Он крепко, по-братски пожал

мне руку.— А теперь пойду к Бенедикту. Насколько я понял, с ним ничего серьезного не произошло?

— По моей вине — нет. Я просто несколько раз от души дал ему по шее. Но иначе он сделал бы из меня мясной фарш, и, как это ни обидно, я бы никогда не узнал, по какой причине.

— До свидания, Корвин. Рад был повидать тебя.

— Счастливого, Жерар.

Он пошел по дороге. Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом влез в фургон, и мы направились в Антверпен.

Глава 8

Я стоял на вершине холма и смотрел на дом. Настроение было очень хорошим, я не знал, чего ожидать — вооруженную охрану, засаду? Крыша немного прохудилась и нуждалась в ремонте, газон совершенно зарос. Выбито было всего одно окно. Место выглядело покинутым, вдобавок вокруг не было другого жилья. Расстелив на земле куртку, я сел, закурил и задумался.

За алмазы я получил семьсот тысяч долларов. На сделку ушло полторы недели. Из Антверпена мы поехали в Брюссель и несколько вечеров провели на Рю де Шар э Рэн, прежде чем нужный человек разыскал меня.

Артура удивил мой заказ. Невысокий, седой, с аккуратными усами, бывший офицер ВВС, он стал качать головой уже через две минуты после начала разговора. К тому же он принимал слишком горячее участие в деле, если идеи клиента звучали непривычно. Потом он засыпал меня вопросами о транспортировке. Его беспокоило, что неприятности могут произойти слишком быстро после отправки оружия. Он считал, это подорвет его репутацию. По этой причине он был куда менее услужлив, чем другие.

— Все-таки, как вы доставите груз по назначению?

— Об этом я позабочусь сам.

— Не думаю, что стоит на этом экономить, полковник.— Для него я был полковником со времени нашего знакомства лет двадцать назад, почему— я не знал.— Вы рискуете потерять груз и нажить кучу неприятностей. Послушайте, я берусь познакомить вас с представителем моллой африканской нации, который возьмет по-божески...

— Мне нужно только оружие.

Ганелон сидел рядом и пил пиво с обычным разбойничьим выражением на лице. Иногда он кивал после моих реплик, хотя английского не знал и понятия не имел, о чем речь. Выполняя мои указания, в паузах он заговаривал со мной на тари, и мы болтали с непроницаемыми лицами о разной ерунде. Бедный Артур страшно хотел знать, куда

пойдет оружие, и я физически ощущал, как он мобилизует свои действительно незаурядные лингвистические способности, чтобы это понять.

— Ребята, с которыми я вас познакомлю, возьмут не только в разумных пределах, но и дадут гарантии...

— Нет. Поверьте, автоматические ружья, которые я получу от вас, исчезнут с лица Земли.

— Ладно, согласен. Это действительно ваше дело.

А когда я сообщил, какое мне необходимо оружие, он определенно решил, что у меня не все дома. Он просто уставился на меня, даже не качая головой. Минут десять я уговаривал его хотя бы посмотреть спецификацию заказа, прежде чем он ожил и снова стал возмущаться по поводу серебряных пуль и недействующих взрывателей.

Наш спор разрешил самый честный арбитр — деньги. Правда, он предупредил, что в ценах не уверен, потому что получить грузовики и ружья трудности не составит, но убедить фабрику изготовить такие патроны и капсули будет стоить, по всей видимости, очень недешево. Он даже не уверен, что это возможно. Когда же я сказал, что деньги не помеха, он здорово расстроился, потому что, если я могу так экспериментировать с недействующим оружием, то он вообще ничего не понимает. Я подтвердил, что все будет так, как я сказал, он дернул усом и кивнул головой, заломив очень недурные комиссионные.

Хотя заказ интриговал его, Артур, найдя небольшой швейцарский заводик, согласившийся изготовить патроны и капсули, устранился от дела и не говорил со мной ни о чем, кроме денег. Мы с Ганелоном перебрались в Швейцарию по фальшивым паспортам, по которым он был немцем, а я — португальцем. Для меня не имело значения, что нацарапано в моем паспорте, но с Ганелоном это была целая проблема. Я выбрал немецкий паспорт, потому что ему было легче всего выучить немецкий язык и действительно выучил его быстро, а если ему пришлось бы говорить с немцем или швейцарцем, он должен был сказать, что вырос в Финляндии, и это объясняло огрехи в фонетике.

Три недели я следил за выполнением заказа, прежде чем решил, что все идет удовлетворительно. Как я и подозревал, в этом Отражении оружие не действовало, но это не имело никакого значения. И серебро стоило очень дорого, но тут я решил не экономить. Что ни говори, а есть в Амбере что-то родственное этому металлу. Да и какая пуля, конечно, кроме золотой, будет достойна короля Амбера?

Затем я отправил Ганелона развлекаться в Италию, чему он очень обрадовался, купив ему камеру и снабдив достаточной суммой, чтобы его скандинавские вкусы не споткнулись об это препятствие, а сам полетел в Штаты. Не сразу стало ясно, что я летел из-за этого домика, который был моим в течение десяти лет.

Я затаился сигаретой. Значит, дом все еще стоит. За его шесть комнат и гараж на две машины было полностью уплачено. Участок в семь акров — почти весь холм — тоже выкуплен. Большую часть вре-

мении я жил здесь один, и мне это нравилось. Я подумал, висит ли в моем кабинете резная по дереву картина Мори, которая называлась "Лицом к лицу" и изображала трех воинов, сошедшихся в смертельной схватке. Было бы здорово, если она сохранилась, но, наверное, ее нет. Все мало-мальски ценное украдено, а остальное пошло с молотка, чтобы уплатить долги — так должно быть, насколько я понимал, в штате Нью-Йорк. Удивительно, что дом не перешел к новым владельцам, хотя в этом следовало еще убедиться. Спешить некуда.

Из Бельгии я связался с Жераром. Я решил, не вызывать Бенедикта, потому что он может сразу напасть на меня. Жерар оглядел меня с головы до ног и приизнес:

— Корвин?

— Черт побери, ты не совсем в этом уверен? Что с Бенедиктом?

— Я нашел его там, где ты указал, и освободил. Он хотел преследовать тебя, но я убедил его, что прошло очень много времени. Я подумал, это решит проблему, тем более, что проверить он ничего не мог. Мы вернулись в Авалон, и я остался там до похорон. Я одолжил у Бенедикта коня и сейчас, если тебя интересует, возвращаюсь в Амбер.

— Какие похороны? Кто умер?

Он вновь окинул меня испытующим взглядом.

— Ты действительно не знаешь?

— Дьявол! Если бы знал, — не спрашивал.

— Убиты слуги Бенедикта. Он говорит, это сделал ты.

— С какой стати мне убивать его слуг?

— Когда он вернулся из похода, он позвал их, но никто не ответил. Он отправился на поиски и нашел...

— Теперь представляю, как это выглядело. Где он их нашел?

— В неглубокой могиле за садом.

Лучше не признаваться, что я знаю о могиле.

— И зачем, по его мнению, мне нужно было убивать их?

— Он удивлен, Корвин, что ты не убил и его у черной дороги.

— Ты передал ему, что я не убивал?

— Сначала он счел это ложью, но я твердил, что, по-моему, ты говорил искренне. Он несколько раз переспрашивал, верю ли я тебе.

— А ты веришь?

— Черт тебя побери, Корвин! — Он опустил глаза. — Мы так долго не виделись. К тому же верю я или нет — ничего не меняет. Тут что-то не так.

— Что именно?

— Ты взял у него полную колоду и мог вызвать любого, а вызвал меня. Почему?

— Ты шутишь?

— Отвечай, а не задавай вопросы, Корвин.

— Ты единственный, кому я доверяю.

— И только?

— Еще вот что. Бенедикт не хотел, чтобы в Амбере знали, где он.

А ты и Джулиан навещали его. Я не люблю Джулиана, поэтому вызвал тебя.

— Откуда ты знаешь?

— Дара мне сказала, что вы попали в беду на черной дороге и Бенедикт приютил вас, пока вы выздоравливали.

— Кто такая Дара?

— Сирота, дочь слуги Бенедикта. Она была в доме в то же время, что и ты с Джулианом.

— Ты подарил ей браслет?

— Верно. Что из этого следует?

— Я не все понимаю... Почему ты уехал так неожиданно? Ты не можешь не признать, что так поступает виновный.

— Я виноват, но не в убийстве. Я прибыл в Авалон за тем, что мне было необходимо. Я получил желаемое и уехал. Ты видел фургон и должен был заметить, что он нагружен. А уехал я до появления Бенедикта, чтобы избежать расспросов. Черт побери! Если я хотел смыться, я бы удирал налегке, верхом!

— Что было в фургоне?

— Не скажу, как не хотел говорить и Бенедикту. Он легко может разузнать, но пусть потрудится, хотя это не имеет ни малейшего значения. Там это не представляет особой ценности, а здесь — да. Достаточно честно отвечаю?

— По крайней мере, во всем этом есть смысл.

— Тогда и ты ответь. Считаешь, я их прикончил?

— Нет. Я тебе верю.

— А Бенедикт?

— Он не нападет на тебя, не поговорив. Сейчас он сомневается, я уверен.

— Уже кое-что. Спасибо, Жерар. А теперь мне пора. |

— Корвин, как ты смог уничтожить часть черной дороги, где проехал?

— Если возникнут неприятности, ударь ее Лабиринтом. Так же, как делаешь, когда Отражения выходят из-под контроля.

— Я пробовал, ничего не вышло, слишком сильно заболела голова. Дорога не принадлежит Отражениям.

— Ты был недостаточно тверд. Я тоже чуть не развалился от боли, но взорвалась не моя голова, а эта дорога.

— Ты сейчас поговоришь с Бенедиктом?

— Нет. Я предпочитаю, чтобы сначала он обдумал все без моей помощи. И запомни, я буду сопротивляться любой попытке связаться со мной.

— Что ты решил с Амбером?

— Не попадайся на моем пути, Жерар, когда я вернусь.— Я отвел глаза.— Поверь, у тебя не будет никаких шансов.

— Корвин, подожди. Подумай, не нападай сейчас. Государство слабо...

— Мне жаль, Жерар, но за последние пять лет я думал об этом больше, чем вы все вместе взятые.

— Все так некстати.

— Сейчас нам лучше расстаться.

— До свидания, Корвин.

Солнце склонялось к горизонту. Я поднялся на ноги, встряхнул куртку, надел ее. В доме не видно было ни малейших признаков жизни. Я спустился с холма.

Дом Флоры в Вестчестере был продан несколько лет назад. Я проверил это из чистого любопытства и не удивился. У нее не было причин оставаться в Отражении Земли, так как ее роль надсмотрщицы благополучно завершилась. Ее неплохо наградили в Амбере.

Некоторое время я раздумывал, не связаться ли с Рэндомом, и решил, что не стоит. Он мог, конечно, рассказать о новостях в Амбере, но не более того. Интересно, конечно, но в настоящее время не очень важно. К тому же я не знал, насколько можно доверять ему. В прошлом он помогал мне, но нельзя сказать, конечно, что им руководили только альтруистические соображения. Это было пять лет назад, и с тех пор много воды утекло. Может быть, он с радостью ухватится за возможность улучшить свое положение, выдав меня?

Я пробрался к дому сзади, протер окна рукавом. Я наблюдал за домом три дня, и практически невероятно, что там кто-то окажется. И все-же... Беспорядок был, конечно, жуткий, и многих вещей не хватало. Я подошел к задней двери, толкнул. Заперто. Я улыбнулся и пошел за угол. Девятый кирпич слева, четвертый снизу. Ключ был все еще там.

Внутри все покрывал толстый слой пыли. В камине валялись кофейник, остатки бутербродов, превратившиеся в комья плесени, пустая банка из-под сосисок. Я открыл верхнюю вьюшку. Входная дверь была сломана там, где крепился замок, но кто-то аккуратно забил ее гвоздями. На стене в прихожей было написано ругательство. Я пошел на кухню.

Все, что пережило воровской погром, валялось на полу. Холодильник и буфет резного дерева отсутствовали. Заглянув в мастерскую, я убедился, что и она пуста. Удивительно, как умудрились утащить все это.

Пройдя по дому дальше, я с удивлением увидел в спальне кровать и два дорогих кресла. А кабинет преподнес еще больший сюрприз. Письменный стол был завален всякой всячиной, как всегда у меня. Я закурил, уселся на него и осмотрелся. Книги стояли на полках. Никто не крадет книг, никому, кроме, разумеется, старых надежных друзей, они не нужны. И тут... Я просто не поверил глазам, даже подошел поближе. Прелестная миниатюра Иомитопи Мори висела на своем месте. И была также нарядна, элегантна и так же поражала драматизмом. Поневоле задумаешься, как это никому не пришло в го-

лову забрать одну из самых ценных в этом доме вещей. И едва ли не самую невесомую. Это тебе не холодильник, не письменный стол...

Чистая?

Я провел пальцем по рамке. Слишком чистая. Отсутствовал даже намек на пыль, которая есть в любом доме. Я проверил ее на какой-нибудь подвох, но не обнаружил ничего. Осторожно я снял ее с крюка. Стена под ней была такой же грязной, как и везде.

Я положил работу Мори на подоконник и вернулся к столу. Кто-то определенно чего-то добивался. Кто-то взял миниатюру себе и заболтался о ней, за что я, конечно, благодарен, а потом повесил на место. Следовательно, моего возвращения ждали, и это само по себе достаточная причина, чтобы убираться отсюда как можно скорее. Но если здесь ловушка, я уже попался, а на меня никто не нападал. Все же я вытащил пистолет из кармана куртки и сунул за пояс брюк.

Нет. Для ловушки слишком тонко. Я мог и не вернуться сюда. До недавних пор, пока не появилось свободное время, я вообще не знал, что захочу взглянуть на свой бывший дом. Значит, миниатюру вернули на всякий случай. Что же это значит?

Послание? Но какое? Зачем?

Я подошел к дальней стене, сорвал деревянную панель, набрал нужную комбинацию на дверце сейфа, отошел назад и открыл к стати подвернувшейся старой тростью. Взрыва не произошло, правда, я и не думал, что он будет. Внутри ничего особенного: несколько сотен наличными, другие ценные бумаги, корреспонденция, потерявшие всякое значение старые расписки... Поверх всего лежал новый белый конверт. Его я не помнил. На нем изящным почерком было выведено мое настоящее имя, а не то, под которым я жил здесь. В конверте я обнаружил карту и письмо.

"Брат Корвин, если ты читаешь письмо, значит, мы с тобой думаем более или менее одинаково, и я могу предвидеть твои поступки. Благодарю за миниатюру Мори, она одна из двух причин, по которой ты можешь вернуться в Это, насколько я понимаю, отвратительное Отражение. Мне не хотелось отдавать ее, она украшала мои покои все эти годы. Видимо, в ней нас привлекает одно и то же. Пусть ее возвращение послужит просьбой внимательно прочитать то, что я хочу тебе сообщить.

Не буду извиняться за то, что сделал с тобой. Буду честен — сейчас я жалею, что не убил тебя, когда мне предоставилась такая возможность. Эту ошибку предопределило мое тщеславие. Может быть, время залечило твои глаза, но не думаю, что оно как-то изменило твоё отношение ко мне.

С некоторых пор я предвижу твоё возвращение и, так как мы действительно схожи, принял соответствующие меры. Но мне все же приходится поступиться гордостью. Корвин, я предлагаю заключить мир.

Не для собственного благополучия, а ради того, чтобы выжило государство, я прошу у тебя мир. Темные силы из Отражений тревожат

Амбер, и мне не понятно их происхождение. В борьбе против них, самых страшных из тех, что осаждали Амбер на моей памяти, ко мне присоединилась вся семья. Мне бы хотелось и твоей поддержки. Если решишь помочь нам, я не прошу даже признать меня монархом — признай главнокомандующим на время кризиса.

Разумеется, тебе будут оказаны все почести, приличествующие твоему положению.

Свяжись со мной, чтобы убедиться в моей правдивости. Так как мне не удалось связаться по твоей карте, вкладываю в конверт свою. Воспользуешься ты ею или нет, я ручаюсь честным словом за каждое предложение, сделанное в письме.

ЭРИК, лорд Амбера.”

Я перечел письмо несколько раз, с каждым разом веселясь все больше, и отложил его в сторону. Так вот для чего существуют проклятия рода Оберона!

Конечно, дорогой братец, очень великодушно с твоей стороны вспомнить обо мне в час беды. И я верю тебе, ведь все мы, что ни говори, — люди чести. Но встреча наша произойдет по моему расписанию. А для Амбера я сделаю все, что сочту нужным. Это ошибка, Эрик, считать себя незаменимым. Огромно число могил тех, кто считал, что обойтись без них невозможно. Впрочем, это лучше всего сказать тебе в лицо, если ты не согласишься, доказывать на деле.

Я сунул конверт в карман куртки, загасил сигарету в грязной пепельнице на грязном столе. Затем нашел в спальне простыню и завернул моих воинов. Им лучше побыть в более безопасном месте, прежде чем попасть в покои подлинного короля Амбера.

Уходя, я все еще не понимал, зачем все-таки приезжал сюда. Но так ничего и не придумал. Я не мог узнать, справлялись ли обо мне соседи, когда я исчез.

Ночь накрыла землю, и к тому времени, когда я вышел из дома и запер дверь, на чистом небосклоне появились первые звезды. Ключ я положил на старое место. Затем поднялся на холм и оглянулся. Дом выглядел пустым и ненужным, как пивная жестянка, выброшенная на помойку. Я спустился к машине.

Проезжая по дороге мимо дома, едва различимого в темноте, я почти жалел о затраченном времени, хотя на заднем сиденье лежали бойцы Мори, а в кармане шуршал конверт с моим именем вместо адреса.

Глава 9

Из Швейцарии мы с Ганелоном на двух грузовиках переехали в Бельгию. В свой я погрузил ружья. Если считать, что каждое весило около десяти фунтов, то все триста штук составляли около полутора

тонн, что совсем немало. В грузовик Ганелона мы погрузили патроны, и у нас осталось еще место для горючего и необходимых в дороге вещей. Конечно, часть пути пришлось проехать по соседнему Отражению, чтобы не попасться на глаза людям, которые стоят на границе с единственной целью — мешать автомобильному движению. Тем же путем мы окончательно отбыли из Отражения Земля.

Мы проехали через черные холмы и небольшие деревни, где единственным средством передвижения были телега и лошадь. Потом небо стало лимонно-желтым, и вокруг нас начали кружиться птицы без оперения. Через несколько часов мы наткнулись на черную дорогу. Тогда мы изменили направление. Нас трясло на плохих дорогах и заносило на дорогах гладких, как стекло. Мы преодолели высокий горный перевал и объехали море цвета темного вина. Нас обдувал ветер, поливал дождь, на нашем пути бушевали бури и окутывали плотные туманы.

Немало времени прошло, прежде чем я отыскал своих бывших союзников, невысокого роста, черноволосых, с большими некрасивыми когтями. Их пальцы были идеально приспособлены для того, чтобы нажимать курок, и они обрадовались, увидев меня. Для них ничего не значило, что пятью годами ранее я повел их едва ли не на верную смерть и многие из них действительно погибли. Богов не оправдывают, их любят и им повинуются.

Они расстроились, узнав, что на этот раз мне нужны всего несколько сотен солдат. Мне пришлось отказать тысячам добровольцев, чтобы, как я говорил, другие остались в живых. На самом деле они были практически в полной безопасности, так как я вооружил их огнестрельным оружием.

Патроны все чаще взрывались в этом Отражении, и пришлось отправиться на поиски земли, достаточно похожей на Амбер, где мы все могли бы всласть попрактиковаться. Правда, приходилось все-таки быть настороже, хотя вряд ли нас нашел бы кто-то из моих братьев, но и не такие совпадения случались. Через три недели тренировок, когда стало ясно, что любое промедление будет пустой тратой времени, мы свернули лагерь и двинулись в поход. Колонны солдат шли за грузовиками. Двигатели, конечно, не могли работать в окрестностях Амбера, но давали возможность поближе подвезти боеприпасы.

На этот раз я решил взойти на Колвир с севера, а не с юга. Все мои люди были распределены по батальонам, и дисциплина в них поддерживалась на высоте. Отражения менялись все медленней и труднее; начинала сказываться близость Амбера. Небо стало совсем похоже на небо моей родины, все чаще попадались скалы и валуны знакомого цвета, меж ними лежала черная плодородная земля. Деревья и заросли кустарника раскинули пышные шатры. Воздух был чист и по-горному прозрачен. Настал день, когда мы заночевали на опушке Арденского леса, между стволами деревьев-великанов, выставив тройные цепи часовых. Ганелон нарядился в костюм цвета хаки, поправившийся

ему на Земле, и до глубокой ночи изучал план местности, который я нарисовал. До Колвира осталось около сорока миль.

Грузовики отказали на следующее утро. Они, собственно, уже не были теми машинами, на которых мы отправились в путь; они претерпели ряд трансформаций, пока вовсе не отказались заводиться. Мы столкнули их в овраг и замаскировали ветками. Патроны и пакеты с едой распределили между солдатами и продолжили движение.

В лесу сначала мы не встречали никого страшнее лисиц, оленей, зайцев и белок. Перед заходом солнца я сумел взобраться на дерево повыше, чтобы уточнить направление и расстояние. Колвир был виден хорошо, но над его пиками бушевал ураган, а сами горы укутывал туман. На следующем переходе мы наткнулись на один из патрулей Джулиана. Стрельба началась сразу же, и я чуть голос не сорвал, приказывая прекратить ее, хотя и понимал, что каждому не терпелось испробовать оружие на живых мишенях. Все двадцать человек патруля были буквально скошены массированным огнем. С нашей стороны ранен был один солдат, да и то неясно, попали в него по ошибке свои или он сам себя подстрелил. После этого мы совершили марш-бросок бегом, потому что наделали много шума, а расположения врага не знали.

К вечеру того же дня горы можно было уже увидеть меж ветвями деревьев. Штормовые облака еще клубились вокруг вершин. Солдаты устали, но были возбуждены после удачной стычки и долго не могли утомиться.

На следующий день мы успешно избежали столкновения с двумя патрульными отрядами амберитов, нам помогли туманы и хорошо организованный авангард. Я не устраивал привал до глубокой ночи, пока мы не добрались до действительно укромного места, намеченного мною заранее. Мы разбили лагерь почти на полмили выше, чем прошлой ночью. Дождь тут не шел, но в воздухе чувствовался близкий шторм. В эту ночь я спал на редкость плохо: мне снились горящая голова кошки и Лорайна.

Утром я поймал себя на том, что совершенно безжалостно подгоняю солдат. Под серым небом, прислушиваясь к отдаленному грому, они карабкались все выше и выше. К полудню вышли на извилистый, но вполне надежную каменистую тропу. Внезапно в хвосте колонны раздался дикий крик и выстрелы. Я побежал назад. Группа людей, в которой я заметил Ганелона и многих офицеров, стояла над обрывом, глядя вниз. Все подавлено переговаривались, приглушая голоса. Я протолкался вперед и не поверил собственным глазам. Никогда и никто не видел ничего подобного так близко к Амберу. Чудовище, в добрых двенадцать футов, с ужасающей пародией на человеческую голову на львином теле, с широкими, как у орла, крыльями и хвостом, загнутым, как у скорпиона, билось в агонии на камнях. Я видел мантикору когда-то на островах южных морей, и одно воспоминание об этом звере всегда приводило меня в содрогание.

— Оно разорвало Ралла пополам,— доложил один из солдат.
— Мерзкая тварь,— хладнокровно заметил Ганелон.— Интересно, ум у нее человеческий?

— В наших краях это никому не известно,— ответил я.

То, что осталось от Ралла, мы уложили в ложбинке, прикрыли брезентом и завалили сверху камнями. Это событие напомнило об опасности и отрезвило после вчерашней победы. Некоторое время после похорон мы шли вместе с Ганелоном.

— У меня странное предчувствие, Корвин. Как будто вот-вот произойдет что-то ужасное. Не знаю, как это еще объяснить.

— У меня тоже. Может быть, из-за погоды?

— Может быть.— На самом деле он был совсем не так хладнокровен, как казался.

На западе засверкали молнии, поднялся сильный ветер. Черные птицы появились над нами. Потом на нас напала еще одна мантикора, но теперь все были настороже и сразу прикончили ее. Черные птицы собрались в стаю и напали на нас. У них оказались клювы, твердые и острые, как бритвы. Таких птиц я вообще раньше не видел. Мы отогнали их прицельным огнем, но все это сулило мало хорошего.

Мы поднимались все выше. Сгустился туман, невероятный при таком свирепом ветре. Сырость пропитала все насквозь, камни под ногами стали скользкими. Возможно, следовало передохнуть, но я боялся, что не хватит продуктов, которые были рассчитаны в обреш. Мы разбили лагерь на каменистом, голом склоне, расставив часовых по периметру. Гром теперь гремел, не умолкая. Температура резко упала. Я бы разрешил разжечь костры, если бы нашлось топливо. Мы расселись на ледяных камнях в ожидании рассвета. Мантикоры напали на часовых, когда никто еще и не задремал. Двигались они совершенно бесшумно, но начали рычать. У нас погибло шесть человек, да еще несколько было ранено. Мы же застрелили двенадцать чудовищ, и никто не знал, сколько их скрылось в темноте.

Когда наступило время, которое можно было считать утром, мы пошли на запад. Это был один из трех возможных маршрутов, и я всегда считал его самым пригодным для атаки. Птицы нападали на нас несколько раз во все большем количестве, нам не сразу удавалось разогнать их. Наконец мы добрались до большого каменного плато, откуда начинался спуск в Гранатовую Долину. Я объявил привал, а сам пошел вперед, чтобы взглянуть, что к чему.

Когда я в последний раз видел эту долину с башни Маяка Кабры, выглядела она не цветущей. Сейчас стало еще хуже. Черная дорога пронзала ее, доходя до основания Кодвира. В долине кипела битва. Всадники сшибались, разъезжались, падали с коней. Ряды пехоты сближались, сталкивались, смешивались, опрокидывались назад. Молнии сверкали, ударяя в войска. Огромные стаи птиц как хлопья пепла летали над головами дерущихся. Ничего не понимая, я с удивлением смотрел на неразбериху внизу.

Сначала у меня мелькнула дикая мысль, что, может быть, Блейз выжил и вернулся с армией. Но нет, эти шли по черной дороге с запада. Спустя некоторое время я ясно увидел, что в атакующей армии были также какие-то странные чудовища — не звери, не люди. Может быть, мантикоры? Молнии били в них, они горели, распадаясь на куски. Но ни одна молния не попадала в защитников, и я вспомнил, что Эрик научился управлять погодой с помощью Самоцвета Правосудия — драгоценного камня, которым еще отец создавал в Амбере погоду по своему вкусу. Пятью годами раньше Эрик использовал его против нас.

Значит, Хаос сильнее, чем я думал. Я ожидал мелких стычек, но не многодневной битвы у подножия Колвира. Я пытался оценить движение на черной дороге. Там все кипело. От этого зрелища меня отвлек Ганелон.

— Что будем делать дальше, Корвин?

— Двинемся еще быстрее. Я хочу быть к ночи в Амбере.

Буря без дождя продолжалась, молний сверкали еще ослепительней. Мы шли в настоящих сумерках. Милях в пяти от северных окраин Амбера мы сделали последний привал. Гром заглушал любые звуки, поэтому я не мог обратиться к людям с речью. Я просто передал по линии, что мы вступаем в битву.

Я пошел вперед и через милю оказался на вершине горы, откуда было видно, как на склоне следующей гряды отряд амберитов дрался с превосходящими силами противника, который, очевидно, пришел сюда другой дорогой, так как мы никого не встретили. Но присмотревшись, я понял, что это не так. Они все прибывали, являя собой довольно страшное зрелище, — они летели по воздуху, как огромные грязные листья. Это были не просто птицы, как я думал сначала. Двуногие наездники восседали на зверях с крыльями, которые более всего напоминали геральдических животных на штандартах Земли. Лучники из армии защитников сбивали их на лету, но они все летели, приземлялись и наездники и звери атаковали одновременно.

Неожиданно я увидел пульсирующий свет, какой испускал Самоцвет Правосудия, когда действовал. Свет шел из центра самого большого отряда амберитов. Я всмотрелся, и последние сомнения рассеялись — там находился Эрик.

Потом мое внимание привлек предводитель ближайшего ко мне отряда защитников. Одним ударом он отрубил голову дракону, левой рукой схватил седока и отбросил его футов на тридцать так, что тот упал с горы вниз. Когда он обернулся, выкрикивая приказ, я узнал Жерара. Он пытался обойти атакующих и нанести удар по флангу. На дальней стороне склона второй отряд пытался сделать то же с другого фланга неприятеля.

Я не знал, что предпринять. Я не мог напасть на Эрика, когда решалась судьба Амбера. Умнее всего было ждать, пока окончится битва, тогда никто не сможет оказать мне серьезное сопротивление. Но

исход битвы не был предreshен заранее. К атакующим прибывали свежие подкрепления, а наличие резервов у Эрика вызывало сомнение. Если Эрик проиграет, мне самому придется напасть на завоевателей. С другой стороны, если вступить в бой сейчас, то своим автоматическим оружием, я уничтожил бы нападающих мгновенно.

Я вновь осмотрел поле битвы, оценивая возможный успех после моего вмешательства. Эрик, без сомнения, ничего не сможет сделать со мной. Помимо всеобщей симпатии, которую вызвало мое ослепление, я выиграю для него сражение. Вряд ли ему это все понравится. Я буду героем, бескровно войду в Амбер с непобедимой армией, и вдобавок общественное мнение целиком будет на моей стороне. Это куда более гладкий путь к моей цели, чем грубая прямая атака, которую я планировал раньше.

Я заторопился назад. В ответах молний тень моя металась из стороны в сторону. У лагеря стоял Ганелон и кричал что-то одинокому всаднику. То была Дара. Как только я подошел настолько, что они могли меня услышать, я заорал:

— Какого черта ты здесь делаешь?

Улыбаясь, она спешила.

— Я хотела попасть в Амбер. Вот и пришла.

— Как тебе удалось?

— Я следовала за дедом. Это куда легче, чем идти самой.

— Бенедикт здесь?

— Он командует войсками в долине. Джулиан там же.

Ганелон подошел и строгим тоном произнес:

— Она утверждает, что идет за нами уже несколько дней.

— Это было не так уж трудно. — Она улыбнулась.

— Но зачем?

— Я хочу пройти Лабиринт. Ты туда направляешься?

— Да. Но так уж получилось, что здесь идет небольшая война.

— И что ты собираешься делать?

— Выиграть ее.

— Отлично. Я подожду.

Несколько секунд я мысленно ругался, правда, еще и потому, что мне требовалось время на размышления.

— Где ты была, когда вернулся Бенедикт?

— Я не знаю. — Она уже не улыбалась. — Ты уехал, и я отправилась на прогулку верхом. Приехала обратно только под вечер, его уже не было. На следующий день я тоже уехала, а вечером остановилась в одном знакомом месте. Я часто там бывала, когда хотела посидеть одна. В полдень на следующий день с холма заметила Бенедикта и поехала за ним. Сначала мне очень хотелось догнать его и поговорить, но потом я передумала, потому что мы были уже в других Отражениях. Я не знаю, сколько времени это заняло, так сложно было следить за ним и прятаться. А потом я узнала картинку с одной из карт. Окончательно все прояснилось, когда он встретил Джулиана и они поехали

туда, где сейчас идет битва. Несколько дней я бродила по лесу, а затем увидела твой отряд и пошла за ним. Я не подходила раньше потому, что ты мог не взять меня в Амбер и мне опять пришлось бы ждать.

— Мне кажется, ты говоришь не всю правду. Но сейчас некогда, мы идем драться. Оставайся тут. Я дам тебе двух телохранителей.

— Они мне не нужны!

— Меня твое мнение не интересует. После битвы вернусь за тобой.

Я выбрал двух солдат и приказал охранять ее. Они не стали от этого веселее. Дара спросила:

— Что у них за оружие?

— О нем поговорим позже.

Я построил отряд. Она все время была рядом.

— У тебя совсем мало людей.

— Достаточно. Жди здесь.

Мы пошли по дороге, которую я разведаль. Неожиданно гром стих. Внезапная тишина была очень подозрительной. Я приказал отряду остаться за гребнем горы, а сам, прихватив Ганелона, пошел еще раз посмотреть, что творится на склоне.

Всадники на драконах захватили теперь весь склон. К ним еще прибывало подкрепление, и они все уверенней теснили защитников. Я попытался найти Эрика по блеску Самоцвета Правосудия. Ганелон спросил:

— Которые из них враги?

— Наездники драконов.— Я поднял ружье.— Веди сюда отряд. Не забудь им сказать, кого убивать.

Я прицелился в летящего дракона, выстрелил и залюбовался, как он стал падать, теряя перья. Его тело и тело наездника ударились о землю и покатались по склону. Дракон запылал. Я принялся стрелять, не отвлекаясь. Скоро внизу загорелось еще три таких костра. Я переполз за другой камень и снова открыл огонь. Некоторые из драконов повернули и с большой скоростью полетели в мою сторону. Драконьи шеи вытягивались в струнку. Я перезарядил ружье и успел их остановить. Потом мне еще раз пришлось перезаряжать ружье. Они догадались, что мне нужны эти паузы, и сумели приблизиться. В общем, мне было бы весело, но подошли мои батальоны и с марша ринулись в наступление.

Наездники на драконах поняли, что столкнулись с чем-то совершенно новым, и стали отступать. Тут оказалось, что драконы не могут взлетать с места, им нужно было разбежаться или прыгнуть с обрыва, и тогда мои солдаты принялись их расстреливать почти в упор. Огромное численное превосходство, которое еще недавно давало нашим врагам уверенность в победе, обернулось против них — ни один выстрел не пропадал даром. Пули находили цель в этом месиве, даже если стрелки били не целясь, от живота. Это было тем более кстати, что продвижению вперед мешали горящие трупы.

Амбериты тоже атаковали с того рубежа, куда отошли под нати-

ском неприятеля. Их вел мой брат Каин. Жерара не было видно. Разрозненные группы амберитов объединялись, и психологически, конечно, это было очень важно, но они уменьшали угол обстрела, а передать им, чтобы они действовали иначе, я не мог.

Неожиданно поверх голов дерущихся мои глаза встретились с глазами Каина. Он улыбнулся, хотя улыбка больше походила на оскал, резко отвернулся и стал что-то кричать своим отрядам. Как ни коротко было это мгновение, я вдруг понял, что на холме происходит что-то важное. По склону, залитому красной, а не черной, дымящейся кровью, тому склону, который защищали амбериты, я поднялся наверх. Там стояли несколько человек.

Что-то огромное налетело сзади и оказалось рядом. Выискивая цель, я покатился по земле, но не выстрелил. Это была Дара, которая пропеслась мимо меня на коне бешеным аллюром. Я вскочил и закрычал:

— Вернись, черт побери! Тебя убьют!

Она повернулась, рассмеялась и махнула рукой.

— Увидимся в Амбере, — слышался ответ.

Я пришел в бешенство, но ничего не мог поделать. Потоптавшись на месте, я пошел дальше.

Люди, стоявшие на холме, повернулись ко мне, и я услышал, что произносят мое имя. Они расступились, чтобы дать мне пройти. В центре группы на коленях стоял Жерар. Увидев меня, он поднялся на ноги и стал бесстрастно ждать. Наконец я увидел то, о чем догадывался — он стоял на коленях, чтобы помочь раненому, распростертому на земле. И это был Эрик.

Я смотрел на Эрика со смешанным чувством. Из нескольких ран в его груди сочилась кровь. Она залила Самоцвет Правосудия, все еще висевший у него на шее. Камень в простой оправе пульсировал ритмично, как сердце. Глаза Эрика были закрыты, дышал он тяжело. Я опустился на колени, не в силах отвести взгляд от посеревшего лица.

Я старался преодолеть ненависть и понять этого человека, моего брата. Он умирал, и я пробовал почувствовать сострадание к нему. Я пытался придумать хоть что-то в его оправдание, а в голову лезли только простые слова: "Он погиб, сражаясь за Амбер." Должно быть, я слишком пристально смотрел. Его веки задрожали, глаза открылись, блуждающий взгляд нашел меня, но ни один мускул лица не дрогнул. Я даже подумал; он не узнал меня.

— Я предвидел, что это будешь ты. — Он помолчал, набрал воздух в кровоточащие легкие. — Они избавили тебя от хлопот, брат.

Я не ответил, чтобы не мешать ему сказать все до конца.

— Когда-нибудь придет твой черед, и мы будем в расчете.

Он усмехнулся, не сознавая, что этого не следовало делать, и зашелся в кровавом кашле. Ценой невероятных усилий он справился с приступом и сказал:

— Я чувствовал твое проклятие. Оно было вокруг меня. А тебе даже не пришлось умереть, чтобы оно исполнилось.

Словно прочитав мои мысли, он слабо раздвинул губы, стараясь не улыбаться, но все же не скрывая удовольствия.

— Нет. Свое предсмертное проклятие я направлю не против тебя. Я обращаю его против врагов Амбера.

Странно сжавшая глаза, как будто старался взглянуть вниз на продолжающуюся битву, он прошептал проклятие. Я не мог скрыть дрожь, услышав, что он шепчет. Затем он посмотрел на меня.

— Самоцвет возьми в центр Лабиринта, поднеси к глазам. Смотри и пытайся спроецировать себя внутрь. Ты не исчезнешь... Будешь знать, как им пользоваться.

— А как я...

Я не продолжал, он уже сказал, что мне делать. Но он опять понял, о чем я подумал.

— Записки Дворкина под камнем в моей...

Он зашелся в новом приступе кашля. Кровь уже не переставая текла из носа и ушей. Он резко вздохнул, от боли его глаза чуть не вылезли из орбит, и сел.

— Попробуй оправдаться, как удалось мне.

Это были его последние слова. Он умер и упал мне на руки. Некоторое время я держал его, потом опустил на землю. Глаза у него остались открытыми. Я протянул руку и закрыл их. Также автоматически я сложил его руки на груди. Мои пальцы нащупали Самоцвет, но пока мне не хотелось его забирать. Я встал, снял плащ и прикрыл тело.

Обернувшись, я увидел, что все смотрят на него. Среди этих лиц я узнал многих, кто был на коронационном приеме, после которого меня ослепили. Но эти мысли сейчас следовало выбросить из головы.

Выстрелы стихли. Я пошел к стрелкам, еще издали заметив, что потерял немного. Остановившись на краю обрыва, я посмотрел в долину и увидел, что там битва в самом разгаре. Я достал карту Бенедикта. Контакт возник через несколько мгновений.

Он был на том же черно-красном коне, на котором гнался за мной. Вокруг шла отчаянная сеча, сам он сражался с всадником в вычурных и богатых доспехах. Сквозь сжатые зубы он произнес одно только слово: "Жди". Несколькими плавными движениями он добился того, что его противник потерял представление о реальных угрозах, открылся и тут же получил разящий удар под левую наплечную пластину в сердце. Затем Бенедикт повернул коня и стал отходить за линию амберских всадников.

Поводья его коня были длиннее обычного и с петлей, накинутой на кулю правую руку. Выбравшись, он устремил взгляд на склон горы за моим плечом, пытаясь рассмотреть, что там происходит.

— Здесь мы выиграли, — сказал я. — Эрик погиб.

Он перевел взгляд на меня, ожидая продолжения. По его потному лицу нельзя было понять, что он почувствовал при этом известии.

— Мы выиграли, потому что я привел стрелков. Мне удалось найти замену пороху.

Глаза его сузились. Он понял, откуда взялось это вещество.

— Нам предстоит многое обсудить, но сперва — уничтожить врага. Если ты мне поможешь, я перешлю тебе несколько сот человек с ружьями.

— Поспеши.— Он впервые улыбнулся.

Я выкрикнул имя Ганелона, и он ответил сразу, потому что, как оказалось, стоял рядом. Я приказал ему построить отряд, он кивнул и побежал отдавать приказы.

— Бенедикт, Дара здесь.— Я снова повернулся к нему.— Она следовала за тобой по Отражениям, когда ты уехал из Авалона.

Зубы его обнажились в злобной усмешке:

— Да кто такая, в конце концов, эта Дара?! Я никогда не слышал о ней, пока ты не появился! Я требую ответа!

— Не надо притворяться. Она мне все рассказала, даже то, что она твоя праправнучка. Конечно, я никому не говорил.

Глаза его расширились от удивления.

— Ты сумасшедший, Корвин. У меня никогда не было праправнучки. И выследить меня по Отражениям никто не мог — я перешел по карте Джулиана.

Конечно, с какой стати Бенедикт тратил бы время на путешествие верхом, когда у него есть способ лучше? Единственным оправданием мне служило то, что я был занят битвой и не успел подловить ее на вранье.

— Проклятье! Теперь она уже в Амбере. Я позову Жерара и Каина, пусть они закончат пересылку отряда. Можешь передавать им любые приказы через Ганелона...

Должно быть, по моему лицу он понял: что-то случилось, поэтому лишь кивнул. Я повернулся и увидел Жерара, беседующего со своими офицерами. Я позвал его, и мой вопль прозвучал достаточно отчаянно, чтобы он повернул голову и даже побежал ко мне.

— Корвин, что случилось?

— Не знаю, но, по-моему, происходит нечто ужасное.

Я сунул ему карту Бенедикта.

— Отправь мой отряд в долину. Рэндом во дворец?

— Да.

— Он свободен или под стражей?

— Более или менее свободен, но под охраной нескольких солдат. Эрик не доверяет... не доверял ему.

— Ганелон, ты со всеми нашими людьми переходишь под командование Жерара, а там,— я указал на долину,— Бенедикта. Мне нужно в Амбер.

— Да, сэр,— ответил он, хотя военный этикет между нами был не принят.

Они отошли. Я достал карту Рэндома и установил с ним контакт. В эту минуту пошел наконец-то настоящий дождь.

— Рэндом, ты еще помнишь меня?

— Ты где находишься?

— На западном склоне Колвира. Мы только что наполовину выиграли сражение, и я посылаю своих людей к Бенедикту, чтобы он очистил долину. Но сейчас необходима твоя помощь — мне нужно во дворец.

— Не знаю, Корвин. Эрик...

— Эрик погиб.

— Кто сейчас командует?

— А ты как думаешь?— Я протянул руку.— Быстрее, Рэндом.

Он тоже протянул руку, я сделал шаг и оказался с ним на балконе, нависшем над одним из внутренних двориков. Я пошатнулся, он поддержал меня.

— Ты ранен?

Я покачал головой. Только сейчас вспомнил, что не смыкал глаз несколько ночей.

— Нет.— Я проследил за его взглядом и увидел пятна крови у себя на груди.— Это кровь Эрика.

— Значит, ты все-таки убил его?— В его голосе не было осуждения.

— Когда мы встретились, он уже умирал. А сейчас пойдем со мной. Это очень важно.

— Куда?

— К Лабиринту. Не спрашивай больше ни о чем, я и сам ни в чем не уверен. Но знаю, что это очень важно.

Мы пошли по двору. Охранники, мимо которых мы проходили, вытягивались по стойке "смирно" и не препятствовали нам.

— Я рад, что про твои глаза не врал, — сказал Рэндом.— Теперь ты видишь так же хорошо?

— Да.

Мы спустились на первый этаж и свернули к центральной лестнице, ведущей вниз. Здесь тоже стояли два стражника, но и они не стали нам мешать.

— Кстати, я еще женат. Тебя это удивляет?

— Да. Я предполагал, что ровно через год, назначенный тебе, ты удерешь.

— Я тоже так думал вначале, но... Знаешь, я влюбился.

— Случаются вещи и более странные.

Мы вошли в пыльный узкий коридор. Я подавил невольную дрожь, когда вспомнил, в каком состоянии я проходил здесь последний раз.

— Она меня тоже любит. Как никто другой до сих пор.

— Я рад за тебя.

Мы дошли до высокой двери и через нее попали на площадку, от

которой вниз шла спиральная лестница. Меня удивило, что дверь приотворена.

— А я не рад,— продолжал Рэндом.— Знаешь, все это время мы были пленниками. Как это могло ей понравиться?

— Теперь все кончилось. Ты ведь стал пленником, потому что последовал за мной?

— Да.— Он помолчал.— Она приехала ко мне.

— Я этого не забуду,— сказал я.

Мы уже не шли, а бежали. Спуск был долгим, фонари горели только через каждые сорок футов. Для огромной естественной пещеры этого было мало. Я подумал, что, намерное, никто не знает, сколько здесь всяких боковых туннелей и переходов. И сколько томится несчастных. Я решил освободить всех и придумать какое-нибудь другое наказание.

— Есть одна девушка,— сообщил я,— по имени Дара. Она говорила, что приходится праправнучкой Бенедикту, и у меня были некоторые основания доверять ей. Я рассказал ей об Отражениях и Лабиринте. Она во что бы то ни стало захотела пройти его. Когда я видел ее последний раз, она направлялась сюда. Позже я связался с Бенедиктом, и он поклялся, что у него нет праправнучки. Кроме того, она солгала и в другом, достаточно существенном. Я хочу задержать ее и допросить.

— Согласен, все очень странно. Как ты думаешь, она уже там?

— Даже если мы ее опередили, она скоро появится.

Наконец мы сошли с лестницы и через полутемный зал пошли по нужному туннелю.

— Стой!— крикнул Рэндом.

Я остановился и обернулся к нему. Он стоял, склонившись над бордатым стражником, в неестественной позе сидевшем в темной нише. Я не заметил его, проходя мимо.

— Он мертв,— прошептал Рэндом.— Очень тонкое лезвие. Хороший удар. Совсем недавно.

— Бежим.

Мы побежали. Седьмой проход направо... Громоздкая, обитая черным металлом дверь была приоткрыта. Прежде чем войти, я вытащил из ножен Грейсвандир. Рэндом не отставал ни на шаг.

Пол в огромном зале был черным и блестел как стекло, хотя и не был скользким. На полу полыхал Лабиринт — сложный сверкающий узор, раскинувшийся на полтора-два ярда в диаметре. Мы остановились на самом краю, не отрывая от него глаз.

Кто-то шел по Лабиринту. Дара? Пока невозможно было узнать фигуру в снопах искр, сыплющихся в стороны. Кто бы это ни был, он должен быть королевской крови, иначе Лабиринт уничтожил бы его, а человек уже прошел Великую Кривую и приближался к Последней Вуали.

Я услышал, как Рэндом с присвистом втянул в себя воздух, и это

меня отрезвило. То, что двигалось по Лабиринту, все время менялось, перетекая из одной формы в другую, меняя, может быть, и свою суть. Только на мгновение показалась хрупкая девушка с волосами, светлыми от беспрерывно бьющих искр, потом волосы превратились в большие изогнутые рога на огромной голове, а их кривоногий владелец громко цокал копытами по полу, затем это стало огромной кошкой, девушкой изумительной, невиданной красоты, с легкими крыльями, обгоревшей башней...

— Дара! — закричал я, не узнавая собственного голоса.

Существо преодолевало Последнюю Вуаль. Мои мускулы напряглись, словно я мог помочь ей пройти препятствие. Наконец она появилась. Да, это была Дара! Прекрасная, величественная и внушающая ужас одновременно. В экзальтации она подняла руки, с губ ее слетел нечеловеческий смех. Когда я увидел ее такой, что-то разорвало мой мозг. Я хотел отвернуться, но вместо этого впитывал в себя каждую подробность происходящего.

Неужели я обнимал и ласкал ее?.. Я испытывал чувство омерзения, но меня тянуло к ней. Такого смешения чувств я не испытывал никогда в жизни, и не понимал, что со мной происходит. Она обернулась, смех оборвался. Ее настоящий — чужой для меня — голос зазвенел с чудовищной силой:

— Лорд Корвин, теперь ты король Амбера?

— Да, — ответил я не сразу.

— Тогда не забывай о своей судьбе.

— Кто ты?

— Теперь ты никогда этого не узнаешь, ты опоздал.

— Я не понимаю. Что это значит?

— Амбер будет разрушен, — произнесла она и исчезла.

— Какого черта? — возмутился Рэндом. — Что это было?

— Я не знаю. — Я покачал головой. — Но чувствую, это самое важное на свете, и нам нужно узнать, чего бы ни стоило.

Он нащупал мою руку и сжал ее.

— Корвин, оно... она сказала, что думала. Это ведь возможно, ты знаешь.

— Знаю.

— И что ты собираешься делать?

Я вложил Грейсвандир в ножны и пошел к выходу.

— Собирать обломки. Нельзя ждать, пока произойдет несчастье. Я пойду ему навстречу и выполню то, что мне предназначено.

— А ты знаешь, где ее искать?

Мы вошли в туннель. Поборов все сомнения, я ответил:

— Знаю. Она — на другом конце черной дороги.

Миновав нишу, из которой, пока мы были у Лабиринта, выпал мертвец, мы дошли до лестницы и по спирали начали подниматься вверх.

Содержание

Девять принцев Амбера	5
Ружья Авалона	131

Роджер Желязны

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА.

РУЖЬЯ АВАЛОНА

Редактор *М. Орлова*

Художник *Н. Лавецкий*

Технический редактор *В. Туняков*

Корректор *Т. Левичева*

Подписано к печати 8.1.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 15,8
Цена договорная. Зак. 3004—92

Фирма «ИФ» при участии ТПО «Клен», 1991
12 ЦТ МО

